

Журнал издается
по благословению
преосвященного Евгения,
епископа Верейского,
Ректора МДА и С.

Учредители

Московская Духовная
Академия

Фонд единства
православных народов

Главный редактор

Иеродиакон Петр (Еремеев)

Выпускающий редактор

Иеродиакон Нестор (Сиротенко)

Литературный редактор

Дмитрий Моисеев

Отдел богословия и философии

Сергей Елисеев,
диакон Сергей Ефимов

Отдел информации

Сергей Зрянин,
Александр Войтенко,
Михаил Первушин

Отдел проектов

иеромонах Роман (Лукин),
Александр Болонников,
Андрей Кольцов,
Максим Троеглазов

Корректурa

Петр Лаговский,

Верстка Алексей Долгов,

Набор Светлана Варакина,

Фото Сергей Пантелеев,
Олег Командин

Журнал издается попечением
Фонда единства православных народов

Адрес редакции:

141300, Московская обл.,
Сергиев Посад, Лавра, МДАиС
факс: (095) 973-08-23

E-mail: academi@tsinet.ru

Адрес в сети Internet:

<http://www.or.ru>

Издание зарегистрировано
Комитетом Российской Федерации
по печати.

Свидетельство о регистрации
№ 017290 от 6 марта 1998г.

Подписано в печать 1 ноября 1998 г.
Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная № 1
Усл. печ. л. 8. Уч.-изд. л. 8,2
Тираж 2500 экз. Зак. № 1894

Оригинал-макет изготовлен
редакцией журнала "Встреча"

Отпечатано в ГУП ИПК

"Ульяновский Дом печати"

432601, Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ВСТРЕЧА

1998 • 3(9)

Ежеквартальный студенческий православный журнал
Московской Духовной Академии и Семинарии
и Фонда единства православных народов

“Служить бы рад!” — восклицал в свое время извест-
ный литературный герой, давая тем самым понять,
что и рад бы во имя Отечества все силы отдать и даже
жизнь свою положить, да вот только честным-то людям,
мол, ходу не дадут.

Вообще говоря, идея служения весьма свойственна рус-
ским людям. Такими уж нас, наверное, Господь сотворил.
Ну, скучно русскому человеку просто *take money* и все!
Неинтересно. А вот служить, как раньше, Богу, Царю и
Отечеству или, как еще совсем недавно, какой-нибудь ил-
люзорной идее — это по-нашему. Хотя, чего уж греха та-
ить — всегда и у нас были те, кто прислуживался, выслу-
живался и, конечно, дослуживался — словом, извлекал из
своей службы выгоду.

А сейчас народ наш как-то растерялся. Служить — но
кому? Президенту что ли, или, может, Думе? И пока мы
так стояли и думали, “добрые люди” нам говорят: “Эх вы,
лапти моченые! Мы вам лучше золотого тельца пришлем —
ему и служите!”

Вот и имеем мы сейчас то, что имеем...

В современном языке только о священниках и военных
говорят, что они *служат*, про всех остальных — *ходят на
работу*. Это не означает, конечно, что мирским и штат-
ским людям совершенно чужда идея служения Богу и Оте-
честву. Разница здесь в том, что если они *могут и имеют
право* служить, то Церковь и Армия *обязаны и должны* это
делать.

А если ты обязан служить, то ты должен знать, кому ты
служишь. Священники служат Христу, Его Церкви и Его
народу, и твердо это знают.

В отношении же того, кому должны служить военные,
сейчас в России нет ясного понимания. И с уходом в про-
шое перестроичного периода, когда служили больше по
привычке, по инерции, на война обращены миллионы глаз,
в которых безмолвный вопрос: “Солдат, кому ты слу-
жишь?” — И нужно на этот вопрос что-то отвечать. Да-
вайте попытаемся ответить на него вместе.

Главный редактор

Иеродиакон Петр (Еремеев)

ПОЧТА НОМЕРА

*Здравствуйте, уважаемые
сотрудники редакции "Встречи"!*

Обращается к вам офицер Российской Армии. Ваш журнал я встретил недавно, познакомила меня с ним сестра — выпускница Иконописной школы при Московской Духовной Академии. Меня очень заинтересовали проблемы, которые поднимаются на страницах вашего издания, и надеюсь, что мое письмо вызовет у вас интерес, хочу обсудить вместе с вами на страницах журнала проблему взаимоотношений Церкви и Армии.

Ни для кого не секрет, что сегодня Российская Армия переживает тяжелые времена, но если об испытываемых ею материальных трудностях знают и говорят все, то о духовном ее состоянии люди, не связанные с армией, мало что знают. Многие из моих сослуживцев считают, что сейчас главная задача сохранить существующие военные технологии, уровень оснащенности, но на мой взгляд, сегодня более важно сохранить хотя бы остатки былой настроенности наших воинов. Ведь технику можно при желании восстановить, а дух военнослужащего, если он сломлен, возродить трудно...

Доходит до абсурда — мы не знаем, кому мы служим, служим ли мы вообще. Былые ценности ушли в

прошлое, а взамен им ничего не дано. Многие мои товарищи продолжают нести службу ради любви к своей Родине, народу, но общее моральное разложение в армии просто выбивает почву из под ног. Больно смотреть, как твои же сослуживцы и начальники за малейшую выгоду готовы продать честь русского офицера. Все это происходит от того, что в армии полностью отсутствуют духовные идеалы, которые, подобно соли, предотвращали бы процесс гниения.

Конечно, тяжелым грузом на сердце ложится и общий развал армии. Большую часть кадровых офицеров, которые составляют основу армии, сокращают. Это наносит армии непоправимый ущерб. Если бы сейчас нам дали больше средств и возможностей, то армию можно было бы поднять до былого могущества, но с потерей кадрового состава это становится маловероятным. Неужели нельзя для тех людей, которые готовы отдать свои жизни за жизнь других, создать более или менее приемлемые условия для существования? Чтобы мы могли нести боевое дежурство, не думая о том, что нашим семьям сегодня нечего есть.

В этих трудных условиях мы обращаем взор надежды на Русскую Православную Церковь. Уроки истории

научили нас тому, что в бедах и напастях подлинной опорой нашего народа являлась только она, объединяя людей и вселяя надежду в их сердца.

Я обращаюсь к нынешним и будущим священнослужителям Русской Церкви с просьбой о помощи. Да, уже многое сделано в обществе для того, чтобы возродить утраченную культуру, но все же сейчас в армии не хватает проповеди истинных служителей, своим словом зажигающих сердца. А ведь большинство молодежи проходит через армию. И если бы православные священники за это время сумели бы привить им любовь к своему Отечеству, преподали бы им начатки христианского учения, то это принесло бы большую пользу не только армии, но и нашему обществу. Сегодня мы нуждаемся в помощи Церкви, нуждаемся в том, чтобы высшая иерархия защищала интересы армии перед правительством, нуждаемся хотя бы в минимальной социальной поддержке.

Очень хочется верить, что мои слова сказаны не впустую и что они найдут понимание среди русских священнослужителей.

С искренним уважением,
майор В. Симонов, Санкт-Петербург

После освящения часовни

Уважаемая редакция!

Вам пишет недавний выпускник Московской Духовной Семинарии. Сейчас я являюсь настоятелем храма во имя архангела Михаила в одной из воинских частей Москвы. Недавно силами нашего прихода в поселке Рублево Московской области была построена небольшая деревянная часовня во имя преподобномученицы Великой княгини Елизаветы Феодоровны.

В ночь с 7 на 8 октября эту часовню сожгли. Милиция быстро нашла злоумышленников — несколько подвыпивших ребят. Их вскоре отпустили, так как часовня еще не была зарегистрирована. Известно, что раньше эта же группа осквернила уже освященный фундамент часовни, а до этого — фундамент церкви в честь иконы Божией Матери "Неувядаемый цвет".

Наша часовня оказалась очередной жертвой. Что будет дальше? Кто защитит наши храмы?

Священник Евгений Кириченко, Москва

Пепелище на святом месте

Содержание

• Меч и мир: православный взгляд Из выступления профессора МДА А.И. Осипова на третьем “Открытом дне Московской Духовной Академии”	4
• Православный “дед” Интервью с солдатами воинской части в Арсаках	8
• Армии без веры не устоять Интервью с полковником Г. К. Сергеевым	13
• Нужен ли в Армии священник? Мысли вслух.....	16
• За мной, ребята! Из воспоминаний последнего протопресвитера Русской армии и флота Георгия Шавельского.....	17
• Благословение Дальней России История и иконография Порт-Артурской иконы Божией Матери <i>диакон Михаил Земан</i>	20
• Православный меч Ивана Ильина Иван Ильин и Лев Толстой: так кто же христианин? <i>Дмитрий Предеин</i>	22
• “Вот руку занесли...” <i>Нина Карташева</i>	32
• Не убоимся, братие, врагов Божиих! К 390-летию начала осады Троице-Сергиевой Лавры <i>Георгий Колыванов</i>	33
• Воспоминания об Академии (1910–1915) <i>Сергей Постников</i>	42
• Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин — отец Востока и Запада <i>К.Е. Скурат</i>	46
• Рубеж Зарубежья Письма клириков РПЦЗ.....	52
• В Кого мы верим? Невеселые размышления по поводу статьи А.П. Баркашова “О национальном происхождении Иисуса Христа” <i>Евгений Петровский</i>	57
• Летопись	59
• Библиография “Путь” на CD ROM	64

Сержант-семинарист
о различии “духов” Стр.8

Православный меч
Ивана Ильина Стр. 22

На 1-й стр. обложки: “Отслужу, как надо, и вернусь...”. Фото Сергея Пантелеева, 4 курс МДА.

На 2-й стр. обложки: Порт-Артурская икона Божией Матери (“Торжество Пресвятой Богородицы”), начало XX в., из собрания Церковно-Археологического Кабинета Московской Духовной Академии.

На 4-й стр. обложки: “До дембеля еще далеко...”. Фото Игоря Палкина (ТД-фото).

При использовании материалов ссылка на “Встречу” обязательна. Редакция будет рада любому сотрудничеству, особенно со студентами.

Редакция благодарит администрацию, сотрудников канцелярии и ЦАКа МДАиС за помощь в подготовке настоящего номера журнала.

Меч и мир: православный взгляд

Из выступления профессора МДА А.И. Осипова на третьем “Открытом дне Московской Духовной Академии”, состоявшемся 4 октября 1998 года

На протяжении всей своей истории человечество ищет мира, но война так и остается одной из самых насущных и, увы, неискоренимых проблем, решить которую сегодня оказывается так же трудно, как и тысячи лет назад. Это, к сожалению, естественно, так как феномен войны лежит в самом основании человеческой истории — грехопадении человека, исказившем его природу и в последовавшем убийстве Авеля Каином. Поэтому одновременно с развитием общества развиваются и технические средства ведения войны, а сами войны становятся все более кровопролитными и жестокими. В этой ситуации возникает вопрос: преодолима ли для человечества война?

Вавилонская башня

Нехристианская мысль, несмотря на постоянные неудачи в течение всей истории решить этот вопрос, тем не менее отвечает на него, как правило, положительно. Она предлагает различные варианты достижения мира, из которых наиболее впечатляющим является модель единого всемирного государства. Здесь уже некому и не с кем будет воевать, а любые конфликты могут быть легко устранены силами незначительных полицейских формирований.

Логика этого варианта подкупает, и она все более ощутимо воплощается в жизнь современного мира. Однако многие даже не предполагают, что в действительности может получиться из этой идеи, хотя в наши дни уже не так трудно увидеть, что идет строительство новой Вавилонской башни. Такое государство будет абсолютно рабовладельческим. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на то, как сегодня, прямо на глазах в мире происходит концентрация власти самого узкого круга лиц. В чьих руках средства массовой информации, которыми обеспечиваются нужная идеология, атмосфера общественной жизни, в чьих руках банки, на которых строится вся экономическая жизнь — у того и власть. В свою очередь, и без того узкий круг властителей становится все уже, чтобы однажды увенчаться одним единственным лидером.

Таким образом, только сейчас мы начинаем реально представлять то, о чем говорил апостол Павел еще две тысячи лет тому назад, заявляя о “человеке греха”, под властью которого окажутся все народы земного шара, и наступит мир, худший любой войны.

В связи с этим интересно обратить внимание еще на один процесс, происходящий в мире. С конца XVIII, а в XX веке особенно, идет целенаправленная дискредитация патриотизма, размывание основ традиционной религии, непрерывное осуждение любой войны, независимо от того, чем она вызвана и какова она. Осуждаются те, кто несет воинскую службу. Это разрушение любви к

родине, к Церкви, идеи жертвенности во имя своего народа, уничтожение идеи справедливой, священной войны готовит почву для создания единой веры, единой религии, единой культуры, единого всемирного государства с безликой массой рабов и властителей-богов.

Гневайтесь и не согрешайте... (Пс. 4,5)

Существует ли критерий, в данном случае — христианский критерий, по которому можно было бы судить, когда война является справедливой, а когда — нет? И может ли вообще война быть справедливой? Чтобы ответить на этот вопрос, сначала необходимо выяснить, что делает убийство злом? Очевидно, что не сама по себе смерть. Убийство становится злом лишь тогда, когда оно совершается по ненависти к человеку. Владимир Соловьев хорошо сказал об этом: “При убийстве зло состоит не в физическом факте лишения жизни, а в нравственной причине этого факта — в злой воле убивающего”. Поэтому быть убитым, как и умереть от холеры, не есть зло, ибо здесь нет нравственно злого акта воли. Но при этом злобу нельзя смешивать с гневом, ибо бывает и праведный гнев. Вспомним хотя бы, как Сам Христос, войдя в храм и увидев там торговлю, сделал кнут и начал им выгонять торговавших. И это не какой-то исключительный факт в земной жизни Господа. Евангелисты пишут о Христе: “И с гневом посмотрел на них...” Он Сам говорит иудеям гневные слова: “Змеи, порождения ехиднины, гробы окрашенные, снаружи кажущиеся святыми, а внутри исполненные всякой мерзости...”

Можно привести и другой пример из Священной истории, когда к святому Иоанну Крестителю пришли воины и спросили: “Что нам делать?” Он ответил: “Не обижайте никого и довольствуйтесь своим жалованием”. Конечно, Лев Толстой не мог бы принять такого ответа, ведь Креститель не сказал воинам: “Бросьте оружие, перестаньте воевать и проливать кровь человеческую”. Кроме того, всем известно, что многие христиане в первые века оставались воинами и даже были военачальниками. Они считали нравственно оправданной войну, когда нужно было силой противостоять нападавшему врагу. Поэтому в Церкви среди святых всегда было большое количество воинов. Взять, например, наши русские святцы: там среди мужчин, приблизительно одна половина — монахи всех чинов, от простых иноков до архиепископов, а другая половина — воины. Что это — случайность? Вопрос, думаю, риторический. Недаром самые славные люди в истории России и в истории других государств всегда были военные, то есть те, кто первыми отдавали свою жизнь за народ и Отечество.

Убийство ... по любви

И все же по какому критерию можем мы оценивать ту или другую войну?

Сначала приведем интересный рассказ из “Трех разговоров” В. С. Соловьева. В первом разговоре ведется беседа, в которой генерал рассказывает такой случай: “Во время Кавказской кампании, когда шла война с турками в связи с Арменией, мы медленно продвигались за противником, и однажды перед нами открылось огромное армянское село. Мы увидели там жуткую вещь: не толь-

ко совершенно спаленную деревню, но телеги, к которым были привязаны армяне, не успевшие убежать, а под телегами разведенные костры — их садистки убивали. Но одна картина поразила всех до глубины души. К оси телеги навзничь на земле была привязана женщина так, чтобы не могла головы повернуть. Она была мертва, у нее никаких ран, лишь лицо было искажено. Что же случилось? Буквально перед ней был вбит шест, на котором привязан голый младенец, видимо, ее сын, весь почерневший и с выкатившимися глазками, а рядом валяется решетка с потухшими углями. Ясно, что сделали изверги.

Вдруг из какого-то сухого колодца к нам выбрался армянин. Кричит, что турки пошли в рядом находящееся село. — Сколько их? — спрашиваю. — Сорок тысяч. А у нас было порядка пятисот человек и шесть пушек.

Тем не менее мы спросили короткий путь, — продолжал генерал, — и по этому пути, не рассуждая, двинулись. Получилось так, что наш отряд вышел как раз в то время, когда турки (их оказалось около четырех тысяч) входили в другое армянское селение. Тогда небольшой отряд казаков поспешил к ним, а основная наша часть осталась в засаде с замаскированными пушками. Турки, заметив казаков, не раздумывая, погнались за ними. Мы же, подпустив их, открыли по басурманам огонь картечью буквально в упор, так что успели сделать всего два залпа. Если бы турки оказались посмелее и продолжали наступление, то нам бы всем несдобровать. Но они испугались и стали отступать. Тут мы еще произвели залп картечью и потом все ринулись на них. Турки бросали оружие, просили пощады, но мы изрубили их всех, никого не оставили. И вот теперь, господа, говорю вам: у меня нет никаких добрых дел, но до сих пор, когда я вспоминаю этот случай, у меня на душе светлое Христово Воскресение. Я считаю единственным в своей жизни святым, истинно добрым делом то, которое тогда совершил!”

Совершенно очевидно, что это был настоящий подвиг, так как русские шли на явную смерть. Ведь они думали, что турок там сорок тысяч, а их самих было всего около пятисот человек. Но, с другой стороны, русские перебили всех турок, никого не пощадили. Зло совершили? Нет! Не из желания зла они действовали, но из глубокого чувства праведного гнева, которое есть одно из существенных характеристик истинной любви. Христианская оценка войны и здесь остается той же: убийство является преступлением, когда оно совершается по злобе, зависти, корыстности. Русские же, в данном случае, убивали, борясь и жертвуя своей жизнью за ту правду, за ту истину, которую видели, которую чувствовали в своей душе, и которую чувствует и понимает каждый человек.

Таким образом, оказывается, что, с христианской точки зрения, война может быть делом священным и военная служба делом святым, когда она карает злодеев и насильников.

Еще один пример двух разных войн. Что было с территорией, по которой прошли во время Отечественной войны 1812 года “просвещенные”, “культурные” солдаты французской армии? Пожары, смерть и разрушения. А как прошла русская православная армия от Москвы до Парижа? — Как чистые, невинные дети: никаких бесчинств, насилий, притеснений. Война, таким образом, должна

оцениваться не самим фактом своего существования, но ее причинами, основными движущими силами, ее целью и духом. Например, достаточно посмотреть, что армия делает с мирными жителями противника, чтобы увидеть, какова эта война. Христианство призывает: “Все нужно делать по любви к человеку. И если нет другого способа остановить зло насилия, как только силою оружия, то не смей трогать тех, кто не есть носитель зла”.

Итак, по какому критерию мы можем оценить, когда меч является праведным, а когда он является злым и дьявольским? Христианство предлагает двуединый критерий. Первый из них: *отсутствие злобы*, совсем не предполагающее отсутствие праведного гнева, ибо, как мы видели, существует очень большая разница между злобой и праведным гневом. Второе условие, а точнее, другая сторона того же принципа — это *любовь*, которая в социальном плане выражается, в первую очередь, в справедливости и бескорыстии. Соловьевский генерал честно сказал о себе, что он не святой человек, но когда он увидел мерзость насилия, то его душу охватил праведный, святой гнев. А из каких истоков исходит такой гнев? Он всегда сопряжен с любовью к жертве, к обиженному, к страдающему от злой силы. Таким образом, верным, с христианской точки зрения, принципом применения меча является оказание помощи даже с риском для своей жизни тем, кто подвергается несправедливому насилию. Этот принцип жертвенной любви к истине, правде и святости в наших межчеловеческих отношениях — основополагающий в христианской оценке любых военных действий.

Но, вот, подали записку с вопросом: “Как можно говорить, что главным принципом справедливой, даже священной войны является любовь, если в Библии мы находим повеление Бога евреям после их сорокалетнего странствия по Аравийской пустыне идти и уничтожить исконные народы Палестины? Причем уничтожить полностью даже стариков, женщин и детей, не оставляя никого и ничего живого?” Это непростой вопрос. Но, думаю, ответ на него таков. Если бесспорно, что Бог мог бы найти и другие средства уничтожить эти народы за их беззакония, например, болезни, междоусобицы, землетрясения и т.д., а здесь для этой цели посылается именно еврейский народ, то причина, по-видимому, следующая. Бесспорно, что далеко не каждый гражданин способен приводить в исполнение законный смертный приговор преступнику. Для этого избираются люди с соответствующими душевными свойствами. Так и здесь, Бог не ангелом, не мором, не чумой, а руками евреев уничтожает народы с очевидной целью, чтобы показать им печальную реальность их духовного состояния, в котором они находились несмотря на все чудеса во время сорокалетнего странствия по пустыне. Бог этим как бы говорил Израилю: “Неужели не понимаешь, почему именно ты был избран совершить это страшное дело? Задумайся и покайся”. Подобное обращение Бога к евреям проходит через весь Ветхий Завет, а затем и Новый, где содержатся самые резкие обличения их жестокости, неверности, и т.д. Но такое же обращение Бога имеет место и ко всем другим народам мира, когда они оказываются в том же положении и состоянии.

Человек — мера всех вещей?

Какую концепцию мира предлагает христианство? Оно утверждает беспрецедентную в религиозной среде мысль, которая до сих пор нехристианским сознанием отвергается решительно и настойчиво. Она заключается в том, что то состояние, в котором рождается, растет, развивается, живет, действует и умирает человек, в самой сути своей является *ненормальным, болезненным*.

В христианском богословии различаются два вида познания: естественное и сверхъестественное. Первое означает не что иное, как то представление о Боге, человеке и мире, которое слагается у человека из непосредственного познания окружающего мира и самого себя. Оно характеризуется тем, что, в конечном счете, все его представления даже о мире трансцендентном он наделяет земными свойствами, своими человеческими чертами.

Неслучайно, поэтому сами языческие боги оказываются столь антропоморфными. Ибо без знания от Бога человек — всему критерий. Он — норма. Другого критерия у него нет и быть не может! Этот взгляд очень хорошо выразил один из греческих мыслителей, великий софист Протагор, когда сказал: “Человек есть мера всех вещей”. Что ж, великолепно! И возразить, кажется, нечего, потому что, действительно, выше головы не прыгнешь.

Однако есть и другое познание. Сверхъестественное откровение тем и отличается от естественного, что дает человеку знание, которого мы не можем найти здесь, на земле. Так, мы нигде кроме христианства не встречаем той трудной и часто вызывающей протест мысли, что наша так называемая естественная природа повреждена, ненормальна, хотя доказательств этой христианской истины достаточно. И человеческая история, и личная жизнь прямо свидетельствуют о глубоко неразумной деятельности человека. Мы, в конечном счете, делаем не то доброе, святое и истинное, что хотели бы, о чем мечтали и к чему стремились, а большей частью прямо противоположное. Также наша ненормальность обнаруживается в чувствах, желаниях, страстях, которые возникают у нас, на первый взгляд, ни с того ни с сего. Например, стандартная ситуация. Совершенно беспричинно один человек невзлюбил другого. Почему? В чем дело? Откуда взялась ненависть? Для поверхностного взгляда эти вопросы неразрешимы.

Священники рассказывают, что в их практике бывают такие случаи, когда приходит человек и жалуется на то, что он чувствует глубокую неудовлетворенность жизнью. Его начинают спрашивать:

- У Вас семейные или финансовые трудности?
- Нет, все хорошо.
- Здоровье, может быть не в порядке?
- Да нет, нормально.
- Так в чем же дело?
- Не знаю.

Прекрасной иллюстрацией этого явления служат статистические данные на Западе, где, оказывается, более половины населения испытывает глубокую неудовлетворенность жизнью, душевную тоску. Поэтому там обращений к психиатрам значительно больше, нежели к

другим врачам. Все эти примеры однозначно свидетельствуют о том, что внутри человека есть нечто такое, о чем он даже и сам не знает. В богословии этот икс называется первородным грехом. Это — не личный грех, это — не акт воли, нет. Это — наследственная расстроенность человеческой природы, передающаяся из поколения в поколение. Этим первородным грехом в значительной степени обусловлены наши личные грехи, которые, в свою очередь, порождают общественные и межгосударственные проблемы.

Победи грех в себе

Но что такое грех? Грех — есть нарушение объективно существующих духовных законов. Как нарушение физических законов приводит к печальным последствиям, так и нарушение законов духовных ведет к подобным же результатам.

Например, медицина давно уже доказала, что все называемое в христианстве грехом самым пагубным образом действует на нашу психику, на нервы, на тело. Церковь постоянно напоминает, что духовные процессы, и положительные, и отрицательные, происходящие в душе, отражаются на всем человеке, на его настроении, на его отношениях с окружающими, на его здоровье. Влияют они и на здоровье общества в целом.

Поэтому христианство утверждает, что до тех пор, пока люди не научатся бороться со своими страстями, то есть пока зло не побеждено внутри человека, оно не может быть побеждено и вовне, ибо дух творит себе формы. Заповеди же Христовы — это не препятствие к вольной жизни, а объективные законы человеческого бытия, которым, как и законам мира физического, необходимо следовать, чтобы быть счастливым и здоровым и чтобы жить в мире, а не в войне. Христианство ничего не отнимает у человека. Перефразируя мысль Паскаля, можно сказать: христианство, не лишая человека ничего жизненно необходимого, дает ему в то же время возможность даже в тяжелейших условиях этой жизни иметь то, что именуется счастьем.

Очень показателен в связи с этим пример с оптинским старцем Никоном (Беляевым). Будучи арестованным, посаженным в концлагерь со шпаной, где заболел туберкулезом, он в одном из предсмертных писем произносит поразительные слова: “Счастью моему нет предела! Наконец, я понял, что такое — Царствие Божие внутри вас есть”. То есть здесь, на земле, даже в самых жутких условиях христианство дает возможность человеку найти то, что так часто и бесплодно он ищет вне себя, — счастье.

Ведь когда говорят “Царствие Божие внутри вас есть”, то говорят не о богатстве или славе, которые мимолетны и неотвратимо отнимаются смертью, но о том счастье, которое находится в душе человека и является вечным его достоянием. Христианство говорит, что без изменения духовной жизни каждого отдельного человека невозможно положительное решение никаких жизненно важных проблем, в том числе и проблемы войны.

Ирини и шалом

Есть два понятия мира, которые принципиально отличаются друг от друга. В Евангелии Христос говорит: “Мир Мой даю вам”. Этот мир на греческом языке выражается термином “ирини”, и означает с-мир-ение, покой души, достигшей победы над своими страстями, над своим эгоизмом, и как следствие этого — любви ко всем.

Другое понимание мира выражается еврейским словом “шалом” и означает отсутствие войны, благополучную жизнь, материальное процветание. “Шалом” является одним из центральных понятий в Ветхом Завете, а “ирини” — в Новом.

Очевидно, что человек, имеющий “ирини”, становится неспособным к вражде с другими людьми. Иначе говоря, “ирини” содержит в себе “шалом” и всегда рождает его, поскольку люди с миром-ирини не могут причинять какое-либо зло другим. Отсюда мы видим, что христианство смотрит в самый корень человеческих проблем, указывая на тот источник, откуда проистекают аномалии нашей жизни, в частности, война. Приобретение “ирини” сразу, что называется, убивает двух зайцев: оно, во-первых, преображает самого человека, а, во-вторых, созидает твердую основу для прочного, справедливого мира между людьми, преображая окружающий мир.

Для иллюстрации обратимся к известному всем примеру из Евангелия, который вызывает у многих недоумение и вопросы. Христос сказал: “Ударили тебя по одной щеке — подставь другую”. О чем говорит здесь Господь?

Самое элементарное, так сказать, детское сознание подразумевает под этим прямое правило жизни — тебе дали по одной щеке — ты подставь другую.

Но в Евангелии, конечно, речь идет не о простом факте, а о принципе взаимоотношений между людьми. Сам Христос на суде ударившему Его не подставил другую щеку, а возразил: “За что бьешь Меня?” Господь научает, каким образом можно разрешить одну из сложнейших и насущнейших жизненных проблем, как снять то напряжение, ту неприязнь, которые часто возникают между людьми. Заповедью “о щеке” Христос призывает спорящих и враждующих сделать шаг навстречу друг другу. Кто первый это сделает? Естественно, тот, кто смиреннее, духовно выше и великодушнее, кто может снизить к слабости другого.

При “шаломе” же без “ирини” все человеческие страсти живут и требуют своего удовлетворения, получая которое, развиваются еще сильнее. В этом кроется глубочайшая ошибка всех тех, кто алчет плодов, но небрежет о корнях. Человек, давая пищу своим страстям, в корне разрушает сам фундамент человеческих отношений. Страсти ненасытны и, развиваясь, они неизбежно провоцируют захватнические инстинкты. Поэтому Церковь направляет мысль человека к его душе, призывая: “Человек, займись, наконец, самим собой! Не надейся на земное будущее, ты же смертен и не знаешь, в какой момент смерть отнимет у тебя ВСЕ! Подумай о вечном смысле твоей жизни! И тогда ты не будешь творить ни зла, ни насилия”.

*Публикацию подготовил
Андрей Бессарабов, 1 курс МДА*

Православный “дед”?

Сержант-семинарист о различении “духов”

О воинской части в Арсаках, где часть проходящих службу призывников — студенты Московских Духовных школ и другие верующие молодые люди, не писал еще разве что ленивый. Солдаты уже совершенно равнодушно смотрят на репортеров и корреспондентов, которые приезжают к ним гораздо чаще, чем мамы или любимые девушки. Так что о внешней стороне жизни части сказано уже достаточно. Что касается внутренних взаимоотношений — здесь не так все ясно и просто, поскольку, во-первых, армия есть армия, кто бы в ней ни служил, а, во-вторых, процент действительно верующих и тем более церковных людей среди солдат (об офицерах мы здесь не говорим) не так уж велик.

Поэтому сегодня мы решили предоставить слово не представителям руководства части, а самим “военнослужащим срочного призыва”, которые изо дня в день тянут ляжку нелегкой военной службы. Ведь несмотря на красивые слова начальства будущее части будет зависеть прежде всего от самих солдат, от той атмосферы, которую они создадут в своих взводах и ротах. Смогут ли арсаковские ребята, избалованные вниманием общественности, духовно выстоять, чтобы не сбиться на показуху и не начать работать на публику? От этого зависит не только судьба части в Арсаках, но и будущее более семидесяти воинских подразделений, вступивших по ее примеру на путь тесного взаимодействия с Православной Церковью.

Эти и многие другие проблемы обсуждают с солдатами срочной службы Дмитрий Моисеев (2 курс МДА) и Александр Войтенко (3 курс МДС).

— Многие верующие, в том числе и некоторые православные, считают, что служить в армии — если не грех, то, во всяком случае, дело, от которого нужно всячески уклоняться. Считаете ли вы, что закон о всеобщей воинской обязанности является нарушением прав человека?

Игорь Неродюк (1 курс МДС, служит 8 месяцев): С этим мнением я не могу согласиться. Думаю, что служба в армии является важным моментом в жизни каждого человека, и прежде всего православного. Армейская служба, полная различных испытаний и лишений, позволяет человеку лучше узнать себя, разобраться в своем внутреннем мире. В то же время, армия приближает человека к реальной оценке окружающей действительности, помогает снять “розовые очки”, учит находить выходы из самых сложных жизненных ситуаций.

Дмитрий Вилков (Нижний Новгород, служит год): Раньше был девиз: “За веру, царя и отечество”. Как же сейчас многие считают грехом взяться за оружие, если были святые князья, сложившие головы свои за Русь, если преподобный Сергей Радонежский благословил на войну монахов? Никакого греха тут нет. Ты отдаешь свой долг служения, пусть не за царя, но за отечество, за

веру. Даже святитель Филарет говорил: "Люби врагов своих, ненавидь врагов Христа и бей врагов отечества".¹

Юрий Шаповалов (2 курс МДС, сержант): Православная вера ничего не имеет против того, чтобы служить в армии, защищать свое отечество, государя, веру. Я считаю, что служение в армии необходимо, особенно для учащихся Семинарии, Академии, так как священник должен иметь опыт общения с людьми, и именно здесь этот опыт и приобретается, ведь контингент людей тут очень разный. Тебе приходится с ними общаться, жить эти два года, попадать в различные ситуации, находить способы существования рядом с неверующими. Меня в армию благословил духовник, и я не жалею, что пришел сюда. Среди многих семинаристов бытует мнение, что в армию сейчас лучше не ходить. Когда я собирался в армию, то многие мне говорили, что я ненормальный, что у меня дореволюционные взгляды, что сейчас армия совсем другая. Но я все равно не жалею о своем шаге. За время, прове-

¹ Точный текст выражения святителя Филарета таков: "Люби врагов своих, сокрушай врагов отечества, гнушайся врагов Христовых". (Прим. ред.)

денное здесь, я приобрел немалый житейский опыт, да даже просто физически стал крепче.

— **Ваша воинская часть считается православной. В чем состоит ее отличие от обычной, и существует ли оно вообще?**

Юрий Шаповалов: Часть считается православной, хотя в документах она таковой не числится. Просто сюда производится набор людей верующих или называющих себя верующими. В реальности таковыми оказываются лишь где-то треть призывников, а остальные близки к вере или достаточно равнодушно относятся к ней. Большим плюсом является то, что рядом с частью находится Свято-Смоленская Зосимова пустынь, священники которой окормляют нас. В казарме, при содействии ректора и эконома Московской Духовной Академии мы построили моленную комнату в честь преподобного Даниила Московского. В ней мы каждый день проводим вечерние молитвы, а когда приходит батюшка, совершаем молебны и акафисты. С утра распорядок у нас таков, что мы не имеем возможности вычитывать утренние молитвы. В свободное от военной службы время разрешается посещать Зосимову пустынь. Все собираются и строем идут в монастырь, где находятся до обеда. Вечером свободным от работы солдатам разрешается присутствовать на монашеском правиле и вернуться к вечерней поверке.

— **Чего вы ждали, когда шли в православную часть, и насколько ваши ожидания оправдались?**

Кирилл Журавлев (Москва, служит месяц): Сколько мне не говорили о православной части, я точно знал, что армия — она везде армия. Самая основная проблема для православного в армии — остаться православным. Нужно своим служением показать, что православные тверды в своих убеждениях, что это люди, для которых вера — норма жизни. Человек может оставаться твердым в своих убеждениях, своим примером исправляя окружающих, или же наоборот — перенимать дурные привычки.

— **Существует ли у вас в части дедовщина?**

Юрий Шаповалов: Смотря что понимать под этим словом. Еще в библейской истории можно увидеть заложенную Богом градацию: кто-то должен быть царем, кто-то — военначальником, а кто-то — подчиненным. Градация наблюдается в государственном управлении, она наблюдается и на небесах — так, например, существуют различные ангельские чины. Да и в той же Семинарии более тяжелую работу выполняют младшие классы. Здесь есть своя градация "чинов" по периодам службы. На армейском жаргоне она звучит пример-

но так: первое полугодие ты — “дух”, и вся тяжелая работа на тебе, второе — “слон”, третье — “череп”, четвертое — “дед”. Курирование старшего призыва над младшим вполне естественно, но от неуставных отношений его отделяет очень тонкая грань. Бывают такие моменты, когда это курирование плавно переходит в унижение. Я с этой проблемой столкнулся, когда проводил курс молодого бойца (КМБ). Человек приходит с гражданки со своими привычками, а мы должны за месяц подогнать его под армейскую систему. Как сержанту подчинить себе человека, чтобы была дисциплина? Здесь оправдывается теория одного старого прапорщика, по которой что солдаты (“духи”) делятся на три категории: одним, чтобы они поняли и сделали что-нибудь, достаточно сказать слово, на других — накричать, а к третьим нужно просто применить физическую силу. Всех под одну шерстку не приладишь, к каждому нужен свой подход. Кто-то может психануть и что-нибудь натворить. Опасность еще усугубляется тем, что служба связана с оружием. Если ты будешь кого-то слишком сильно напрягать психически и унижать, то нельзя быть уверенным, что на посту он не вцепит тебе в лоб очередь из автомата. В большинстве случаев мы все же, с Божией помощью, по молитвам преподобного Зосимы, находим золотую середину, так что часть у нас по сравнению с другими более спокойная. Вера, конечно, оказывает большое влияние.

— Вам позволяют ходить в храм, молиться, но это все внешняя сторона. Насколько удается в действительности оставаться христианином в повседневной жизни?

Кирилл Журавлев: Вообще говоря, очень тяжело оставаться православным. Это тебе не гражданка, где принадлежишь только самому себе, — тут над тобой начальники, ты сам себе не хозяин. Очень тяжело иногда приходится. Допустим, не выспался — раздражаешься. Хорошо еще, если вспомнишь, как Господь страдал, посмотришь на икону, помолишься. Но бывает очень трудно удержаться. Спать охота, сделал кучу дел, а тут к тебе подходит тот же сержант Шаповалов и посылает куда-то. На посту стоишь — и ругаться охота, чуть ли не стрелять.

Юрий Шаповалов: Здесь часто возникают экстремальные ситуации, которые ставят тебя перед выбором — как поступить. Рядовому намного проще спастись: ответственности нет никакой, молча работаешь себе два года, смиряешься, и никто к тебе не предъявляет претензий. Мне же как начальствующему бывает порой очень трудно. Духовника здесь поблизости нет, остаешься сам со своей совестью пред Богом. Решения приходится принимать самому в соответствии со своими духовными принципами. Бывает, когда совесть молчит, а бывает, когда чувствуешь, что поступил неправильно. Именно в армии я узнал какие-то свои неизвестные мне самому раньше качества, в том числе и отрицательные, над которыми еще придется вести работу.

Руслан Лоза (Гороховец, служит 2 месяца): В одной и той же ситуации православный человек и неправославный могут поступить по-разному. У каждого человека свои недостатки, свои немощи, и можно ему помочь, а можно просто отыграться на нем, унижить.

Бывает, и верующие срываются. Но все-таки, если человек по-настоящему православный, то если даже он упал, то старается подняться, исправиться.

Антон Журавлев (Йошкар-Ола, служит 8 месяцев): Я служу уже девятый месяц, и сейчас проблем стало еще больше. Старший призыв требует, чтобы мы следили за младшими, а сделать это не так-то просто, оставаясь при всем этом человеком.

— То есть идет взаимовлияние не только в положительную сторону, но и в отрицательную. Удастся ли этому противостоять или же, напротив, придется уть деду?

Роман Радзин (Струнино, служит почти два года): Очень трудно держаться, хотя бы между своим призывом быть человеком и в то же время оставаться православным. Здесь очень легко жить по мирским законам: ты ходишь, на всех кричишь, всех пинаешь и тогда ты — хороший парень, “свой”.

Антон Журавлев: Если будешь долгое время находиться рядом с какой-нибудь вонючей жидкостью, то хочешь-не хочешь, а пропахнешь. Так и здесь, все равно как-то пропитываешься духом этого общества, каким бы ты ни был.

Юрий Шаповалов: Лично передо мной встала, например, проблема обеднения речи. Приходится общаться на языке окружающих меня людей, слушать современную музыку и смотреть телевизор, так как иногда от этого просто никуда не денешься (например, несешь дежурство в комнате, где телевизор не выключается). Честно говоря, в голове у меня сейчас чисто вакуум. С удовольствием почитал бы что-нибудь духовное, но нет никакой возможности. Чувствуешь, что душа здесь постепенно черствеет, но зато приобретаешь какую-то житейскую мудрость — легче потом будет понимать людей. Что касается проблемы курения и пьянства, можно объяснить это так: ребята начинают курить от безделья или за компанию, вино же пьют для снятия стресса.

— Как относятся к верующим, к семинаристам неверующие ребята?

Игорь Неродюк: Часто у человека нецерковного какие-то вещи, которые для церковного человека являются просто нормой жизни, вызывают непонимание и даже смех. Впрочем, примеров явной конфронтации, к счастью, очень мало.

Сложная ситуация возникла с армейским хором. Этот хор создан по инициативе духовника части иеромонаха Варнавы. В него входят ребята, которые умеют петь, чаще всего это, конечно, семинаристы. Они участвуют в монастырских богослужениях, прежде всего на двенадцатые праздники. Также они ездят на различные конкурсы. В 1997—1998 годах хор занял первое место на Всероссий-

ском конкурсе солдатской песни “Виктория” в Москве. В 1998 году хор участвовал в Международном фестивале православной музыки имени архидиакона Константина Розова. Также пели службу в храме Христа Спасителя, в женском монастыре в Бородине. Это поднимает престиж части, однако участие хора в богослужениях, конкурсах и подготовка к ним приводит к отсутствию состава хора в части, что, естественно, создает дополнительную нагрузку для других ребят. Это увеличивает сложности в отношениях. Хотя, по большей части, такое негативное отношение к хору создается искусственно, из-за неправильной организации. По моему мнению, те, кто поет в хоре, делают не менее важное, а иногда и более важное дело, чем несение караула. Тем более ребята, поющие в хоре, также ходят в караул, пусть меньше, чем кто-то другой. У хора тоже большое количество проблем, есть свои искушения. Но его существование является важным и необходимым в части.

— Как вы считаете, есть ли у этой части будущее, или же идея возрождения православной армии себя изживет и окажется непродуктивной?

Игорь Неродюк: Конечно, хотелось бы видеть будущее части светлым. Думаю, что именно такие части

должны стать основой на пути будущих преобразований Российской армии. А для того, чтобы это было так, нужна поддержка со стороны общества, Церкви и военного командования.

— Не могли бы вы поделиться каким-нибудь интересным случаем из вашей армейской жизни?

Антон Журавлев: Был у нас один дембель (сейчас уже уволился). Он был лидером группы людей, которая держала всю роту. Мы с одним парнишкой попали однажды в историю. Пришел этот дембель как-то раз, кинул нам свою форму и кусок мыла и сказал: "К утру чтобы форма была отстирана и поглажена!" Можно было как-то схитрить, смириться, потому что если не сделаешь, то будут неприятности на большой срок. С другой стороны, об этом непременно узнали бы остальные, и если бы мы это исполнили, то сильно опустились бы в глазах ребят. Я для себя решил, что делать этого не буду. К этому времени Юра начал уже устройство комнаты-молельни, иконки уже там висели, и он собирал всех желающих на вечерние молитвы. Я помолился на вечернем правиле усердно, и для меня произошло чудо. Когда я спустился, этот дембель подзывает меня и говорит: "Ладно, я передумал! Не надо!" Я как не свой, на крыльях летел на свою койку и благодарил Господа за это.

— Что бы вы хотели сказать тем, кому еще предстоит служить в армии: и семинаристам, и всем другим ребятам?

Руслан Лоза: Я бы посоветовал сходить в армию и православным, и неправославным. Это все-таки большая школа жизни.

Кирилл Журавлев: Когда я уходил в армию, мой духовник говорил: "Что бы ни случилось, Бога не забывай!" Действительно, я тогда как-то не задумывался над этим, а здесь вспомнил. Бывает так трудно, а вспомнишь Бога, помолишься, сразу легче становится. Так что, думаю, что совет моего духовника может оказаться полезным и молодым солдатам, и тем, кто уже видел тяготы армейской жизни.

Игорь Неродюк: Церковь во все времена благословляла воинское служение как особый подвиг перед Богом. Человек, который брал оружие в руки, приносил присягу, целуя крест и Евангелие, тем самым клялся перед Богом служить верой и правдой народу и Отечеству. Поэтому умереть на поле боя, защищая Православие, свою родную страну, считалось особым подвигом для каждого православного христианина. И я считаю, что тем ребятам, которые размышляют: идти или не идти в армию, все-таки стоит решить этот вопрос в положительную сторону.

Антон Журавлев: Я скажу просто: неверующим намного тяжелее в армии, чем верующим, ведь православным есть к кому обратиться.

Армии без веры не устоять

На вопросы журнала
“Встреча” отвечает
заместитель декана факультета
православной культуры
Военной академии
Ракетных войск
стратегического назначения
им. Петра Великого,
секретарь Координационного
Совета РВСН
по взаимодействию с Русской
Православной Церковью
полковник К.Г. Сергеев

— Константин Григорьевич, согласитесь, что создание в военном учебном заведении новой образовательной структуры, каковой является факультет православной культуры Военной академии РВСН, — это явление неординарное. Что побудило командование Ракетных войск пойти на столь интересное нововведение?

— Изменения в военно-политической ситуации в мире, а также в развитии средств и способов вооруженной борьбы, возвращают нас к тем временам, когда успех в бою и победу определяли в основном духовные и нравственные силы войск.

Ведь сегодня, как и во времена святых и благоверных князей Александра Невского и Дмитрия Донского, невозможно стать победителем без понимания духовного значения боя и войны в целом, без учета религиозного и нравственного состояния воинов. И хотя мы живем в эпоху, когда большинство людей утратило веру отцов и глубокий смысл служения своей Отчизне, нужно стремиться к тому, чтобы наши воины осознали — за каждым самым с виду незначительным военным конфликтом стоит идеологическое и глубже — духовное противостояние.

В течение долгих десятилетий атеистического разложения общества в душах людей появилась духовная опустошенность. Значительная часть нашего народа лишилась иммунитета к духовному и психологическому насилию. В этих условиях все большую опасность приобретает применение нематериальных видов оружия, в том числе психотронного и информационно-психологического, на разработку которого западными державами тратятся сейчас огромные средства.

Все это побудило командование РВСН подготовить и провести совместно с Предстоятелем Русской Православной Церкви Святейшим Патриархом Алексием II расширенное заседание Военного совета в январе 1996 года, на котором был принят ряд мер по укреплению духовных и нравственных сил Ракетных войск. Тогда же было поддержано предложение Военной академии РВСН о создании совместно с Русской Православной Церковью факультетов православной культуры при военно-учебных заведениях РВСН.

— Значит Вы считаете, что пришло время привлекать духовный опыт Православия и методы нравственного воспитания личности, предлагаемые Православной Церковью?

— Вы сами прекрасно знаете, что сегодня будущие воины не получают должного воспитания ни в семье, ни в школе — даже светского, не говоря уже о религиозном. Но без опоры на истинные христианские добродетели, в первую очередь на такие, как вера, верность, молитва, смирение и покаяние вся система духовно-нравственного формирования военнослужащих, в том числе и офицерских кадров, может потерпеть крах. Думаю, вы согласитесь, что, как никогда, сегодня актуальны слова генерала П. Краснова: "Государство, которое отказывается от религии и от воспитания своей молодежи в вере в Бога, готовит себе гибель в материализме и эгоизме. Оно будет иметь трусливых солдат и нерешительных начальников. В день великой борьбы за свое существование оно будет побеждено людьми, сознательно идущими на смерть, верующими в Бога и бессмертие своей души".

— Получается, что необходимо пересматривать всю систему воспитания воина?

— Получается что так. Видите ли, используемые сегодня методы и формы морально-психологической подготовки войск направлены, в основном, на расширение политической сознательности. При этом в сознание воина внедряется мысль, что необходимо пробудить в себе ненависть, жестокость и безжалостность к врагу. С духовной точки зрения, такой психологический настрой ведет к деградации личности. Для православного воина всегда чрезвычайно важно знать, во имя какой цели он идет убивать. Во имя свободы Отчизны? Во имя сохранения народа, человеческой жизни? Или во имя неизвестных ему, а нередко и его командиру, политических целей? Сегодня солдаты и офицеры, к сожалению, не получают никакого представления о том, какая ответственность ложится на них, когда они переступают грань дозволенного. И хотя часто говорят — на войне как на войне, подразумевая под этим и жестокость, и насилие, и бесчинства, которые на войне бывают, солдат должен четко осознавать, что он имеет право употреблять оружие, жесткость и силу только против врага, но не против мирных жителей. Это, если хотите, своего рода кодекс чести, нарушив его человек начинает мучиться разными кошмарами и часто, не выдерживая этого, начинает пить, употреблять наркотики, словом, опускается. Вам хорошо известен "афганский синдром", а теперь уже и "чеченский"...

— Константин Григорьевич, расскажите теперь нам о вашем факультете что он собой представляет, каков его статус, как строится преподавание?

— Охотно расскажу. Факультет православной культуры Военной академии РВСН — это первое негосударственное учреждение дополнительного образования Министерства обороны РФ и Русской Православной Церкви, учрежденное в 1996 году приказом Главнокомандующего РВСН. Учебный процесс на факультете осуществляется по трем восьмидесятичасовым образовательным про-

граммам: "Формирование мировоззрения человека, семьи, общества" (1 год обучения); "Духовные основы культуры России" (2 год обучения); "Духовная жизнь человека, семьи, общества" (3 год обучения). По благословению своих духовников отдельные слушатели могут проходить подготовку по специальной образовательной программе: "Духовные, нравственные и ратные основы воинского служения".

Занятия проводятся во внеучебное время; для адъюнктов, докторантов, слушателей и курсантов — за счет бюджетов личного времени; для профессорско-преподавательского и инженерно-технического состава академии — за счет бюджета времени, отводимого на общественно-государственную подготовку.

Скажу о преподавателях. По благословению Его Святейшества преподавание на факультете возложено в основном на его декана протоиерея Дмитрия Смирнова, а также на протоиереев Артемия Владимировича и Валерия Кречетова. Им помогают священники Алексей Николин, Виктор Лахин, а также преподаватели Московской Духовной Академии, Свято-Тихоновского Богословского Института, сотрудники Военной академии РВСН и музеев Московского Кремля.

Обучение на факультете — дело добровольное. В течение учебного года слушателям факультета предоставляется возможность бывать на Патриарших богослужениях в Московском Кремле, за которыми Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II молится о них и наставляет их своим Первосвятительским словом.

По установившейся традиции, одобренной Патриархом в 1996 году, учебный год на факультете начинается 3 октября в Архангельском соборе Московского Кремля с Патриаршего богослужения, посвященного празднику святых мучеников и исповедников князя Михаила Черниговского и боярина Федора — небесных покровителей всех учащихся и учащихся факультета. А завершается учебный год в Успенском соборе Московского Кремля — опять-таки Патриаршим богослужением в Светлый понедельник, по окончании которого Предстоятель нашей Церкви вручает свидетельства о дополнительном образовании всем слушателям, успешно завершившим обучение по соответствующим образовательным программам.

— Кем же будут ваши выпускники? Какое место в Армии они займут после окончания Академии?

— Самое главное, на мой взгляд, то, что выпускники нашего факультета станут достойными преемниками духовных и нравственных традиций воинского служения Отечеству, а те из них, кто пройдет подготовку по программе "Духовные, нравственные и ратные основы воинского служения" смогут ощутить себя и наследниками лучших традиций воинского служения и воинской славы России.

Многие из наших выпускников, как мы надеемся, с помощью священников смогут в подчиненных им подразделениях и воинских частях организовать эффективное про-

тивоедействие внешним и внутренним силам духовной агрессии, направленной на разложение личного состава.

Своих выпускников мы помним, о них мы молимся и на них возлагаем надежду, связанную с возрождением духовных и нравственных основ воинского служения не только в Ракетных войсках стратегического назначения, но и в целом в Вооруженных силах РФ. Всем нам будет только лучше, если наши выпускники наряду со священнослужителями смогут реально оценивать духовное содержание происходящих событий, а также будут оказывать посильное влияние на нравственное состояние своих войск.

— А Вы не боитесь, что ваши выпускники растворятся в общей массе неверующих, а подчас и антиправославно настроенных военнослужащих?

— В русской Армии во все времена с уважением относились и относятся к православным военачальникам и воинам. Уровень их личной нравственности и воинской дисциплинированности всегда был и остается недостижимым для офицеров со светским мировоззрением. Поэтому я уверен, что наши выпускники не только не растворятся в общей массе неверующих военнослужащих, но станут надежной опорой своих командиров в работе по укреплению духовно-нравственного потенциала воинских частей. А безбожники всегда, конечно, были в Армии, но их и расценивали как потенциальных предателей, поэтому неудивительно, что в наше время, когда Армии трудно, как и всему нашему народу, они бегут из нее, как крысы с тонущего корабля.

— Какая сегодня существует правовая основа для взаимоотношений Армии и Русской Православной Церкви в воинских частях и подразделениях?

— Важный вопрос. Правовой основой для таких взаимоотношений на сегодняшний день являются: Конституция РФ, "Закон о свободе совести и религиозных объединениях" и "Закон о статусе военнослужащих РФ".

Реализация действующего законодательства нашла свое отражение в "Уставе внутренней службы в вооруженных силах РФ" и соглашениях о сотрудничестве, заключенных Русской Православной Церковью и Министерством обороны РФ в 1994 и 1997 гг.

Кстати, из религиозных объединений только Русская Православная Церковь согласилась заключить с Армией договор о сотрудничестве, направленный на укрепление духовно-нравственного потенциала Вооруженных Сил РФ.

По действующему законодательству и заключенным соглашениям в воинских частях запрещена деятельность религиозных организаций, но не запрещена работа священников по удовлетворению религиозных потребностей военнослужащих с православным мировоззрением, а также по реабилитации жертв духовного, психологического и психофизического насилия.

Следует особо отметить, что деятельность священнослужителей не запрещена и в военных гарнизонах, а также военных городках. На основании этого, например,

в военном городке главного штаба РВСН в подмосковном поселке Власиха на пожертвования создателей ядерного оружия и военно-космической техники, ветеранов-ракетчиков, военнослужащих и членов их семей, под руководством Координационного Совета РВСН по взаимодействию с Русской Православной Церковью и Председателя Попечительского Совета нашего факультета, сооружен первый в России храм преподобного Илии Муромца, имеющий также престол в честь великомученицы Варвары — небесной покровительницы РВСН. А при нем основано подворье Патриарха Московского и всея Руси, который будет окормлять все действующие в военных городках РВСН православные храмы.

В военном гарнизоне Пермской ракетной дивизии построен первый в России храм Святого Иннокентия Московского, а при нем открыто подворье Белогорского монастыря.

— Используется ли опыт Академии РВСН по созданию факультета православной культуры другими военными учебными заведениями?

По подобию нашего факультета, согласно директиве главнокомандующего ракетных войск, создаются факультеты или семинары и в других вузах РВСН. Есть сведения, что опыт ракетчиков намерены перенять и в системе воспитания офицеров и курсантов Академии ВВС им. Жуковского, Академии ПВО им. Маршала Жукова в Твери, Академии им. Фрунзе и в других высших военных учебных заведениях.

— Константин Григорьевич, спасибо Вам за беседу. Дай Бог, чтобы начатое Вами нелегкое дело духовного воспитания воинов пошло успешно, чтобы это ценное начинание получило дальнейшее распространение и в других учебных заведениях Российской армии.

Слава Богу, что сегодня несмотря на многие трудности нашей жизни у нас, русских офицеров, есть реальная возможность открыто исповедовать веру во Христа. Сейчас много говорят о том, что для того, чтобы построить развитое и свободное общество в России, ей необходимо иметь свою идеологию. Лично я уверен, что в ее основе должно лежать православное мировоззрение, идеал духовной свободы. Мы будем стараться привить нашим воспитанникам понимание свободы не как греховного произвола и вседозволенности, но как свободы, дающей возможность служения Богу и Отечеству. Ибо только тот человек может считать себя истинно свободным, который своей жизнью постигает слова Спасителя: *Познаете Истину и Истина сделает Вас свободными* (Ин. 8, 32)

*Интервью подготовили
иеродиакон Петр (Еремеев), 4 курс МДА,
Дмитрий Моисеев, 2 курс МДА*

Нужен ли в армии священник?

Максим Шестаков, 5 курс Военной академии Ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого. Если в армии нужны психологи и заместители командиров воинских частей и подразделений по воспитательной работе для создания условий повышения уровня нравственной воспитанности воинов со светским мировоззрением, то для воинов с религиозным мировоззрением тем более нужен священник, обеспечивающий удовлетворение религиозных нужд, то есть того, что не может дать ни воспитатель, ни психолог со светским мировоззрением.

Без священника командиру трудно оценить состояние духовных и моральных сил вверенной воинской части, а также сил противника в условиях подготовки и ведения боевых действий. В целом отсутствие священника в армии создает предпосылки для духовной и нравственной деградации личности, что обычно сопровождается ростом числа преступлений и самоубийств, ведет к пьянству и употреблению наркотиков.

Сегодня без священника начинать работу по повышению уровня нравственности воинов и укреплению духовных и нравственных основ воинского служения Отечеству не представляется возможным.

Уверен, что без священника духовная и нравственная деградация армии и общества неизбежна. Это хорошо понимают, скажем, в Войске польском, где недавно были введены институты православных, католических и протестантских военных священников, а также был ограничен призыв в армию граждан со светским (нерелигиозным) мировоззрением.

Константин Харитонов, 3 курс МДС, лейтенант запаса, выпускник Академии ФСБ. **Нужен ли в армии священник? Я считаю, что да, обязательно нужен. Но на мой взгляд, просто "да" — это не совсем полный ответ на этот вопрос, потому что сразу встает другой вопрос: "в каком качестве священник нужен в армии?"**

Если священнослужитель будет административной единицей, то для полного выполнения задач (в армейских условиях) его положение должно быть близко к статусу командира. Если он будет вне администрации, то будет постоянно испытывать стеснение в своем служении или, по крайней мере, будет полностью зависеть от отношения командного состава к Православию. Мне кажется, что и в первом, и во втором случае деятельность священника

будет сведена к служению "на заказ", то есть к требному служению, во всяком случае, душепопечения, в полном смысле этого слова, священник, находясь на службе в армии, осуществлять не сможет. Поэтому удобнее было бы кормить верующих военнослужащих по месту их служения простому приходскому священнику, именно в этом направлении, на мой взгляд, и должны сегодня развиваться взаимоотношения Церкви и Армии.

Игорь Корчуков, 3 курс МДС, капитан запаса, выпускник Орловского Высшего Военного Командного училища связи. Однозначно на этот вопрос ответить нельзя. Трудно представить сегодня священника в штате военной части или подразделения, как это было до 1917 года, так как не все военнослужащие одинаково отнесутся к появлению православного пастыря в своей среде. Одни будут настроены отрицательно, другие встретят священника с радостью, а третьи будут представлять его себе как одного из сотрудников отдела по работе с личным составом...

С первого взгляда может показаться, что деятельность священника и воспитательных органов в армии одинакова. Однако разница большая. Любой офицер (и командир, и воспитатель), как правило, имеет заботу лишь о внешнем состоянии дисциплины солдата, чтобы он не совершал преступлений и не нарушал порядок именно в период службы и именно в его подразделении, воинской части. А что дальше?.. Священник же заботится о духовно-нравственном состоянии бессмертной человеческой души. *Ибо изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, гордость, безумство — все это зло изнутри исходит и оскверняет человека* (Мк. 7, 21-23). Отсюда отчетливо видна прямая связь внутреннего состояния человека с его внешним поведением. А в освобождении от этих злых помыслов и состояний, которые собственно и приводят человека к дурным поступкам и преступлениям, немаловажную роль играет помощь священника.

Может возникнуть боязнь преобладания авторитета пастыря в воинской части, если к нему за духовной помощью будут обращаться представители командования. Но вспомним историю. Этого не опасались ни святой князь Александр Невский, ни святой князь Дмитрий Донской, ни А. В. Суворов, ни М. И. Кутузов, ни Г. К. Жуков, которые, не смущаясь, были и военачальниками, и детьми Церкви, верно понимая слова, которые сказал Господь: "Отдавайте Божие Богу, а кесарево кесарю".

Протопресвитер Георгий Шавельский

За мной, ребята!

Из воспоминаний последнего протопресвитера Русской армии и флота

О деятельности военного духовенства на театре военных действий я имел счастье слышать блестящие отзывы от обоих Верховных Главнокомандующих. В конце 1916 года Государь как-то сказал мне:

— От всех приезжающих ко мне с фронта военных начальников я слышу самые лучшие отзывы о работе военных священников в рядах армии.

Еще решительнее, в присутствии чинов своего штаба, отзывался в 1915 году Великий князь Николай Николаевич:

— Мы в ноги должны поклониться военному духовенству за его великолепную работу в армии.

Я дважды слышал от него эти слова.

Такие отзывы были вполне заслужены духовенством. В Великую

войну военное духовенство впервые работало дружно, согласно, по самой широкой программе. Священники делили с воинами все тяжести и опасности войны, возбуждали их дух, своим участием согревали уставшие души, будили совесть, предохраняли наших воинов от столь возможного на войне ожесточения и озверения.

Повествование о подвигах военных и морских священников состав-

вило бы большую книгу. Упомяну о некоторых из них.

Протоиерей 7-го Финляндского стрелкового полка Сергей Михайлович Соколовский, прозванный французами (вторую половину войны он провел на французском фронте) за свою храбрость "легендарным священником", дважды раненный, во второй раз с потерей кисти правой руки, совершил такой подвиг: 7-му Финляндскому полку на австрийском фронте нужно было разрушить неприятельское проволочное ограждение. Было сделано несколько попыток, с большими потерями, но успеха не было. Охотников не находилось на новые попытки. Тогда вызвался отец Сергей.

— Ваше ли это дело, батюшка? — ответил ему командир полка.

— Оставим, господин полковник, этот вопрос, — возразил отец Сергей. Полк должен уничтожить заграждения... Почему же я не могу сделать это? Это же не убийство.

Командир полка дал разрешение. Отец Сергей отправился в одну из рот.

— Кто со мной рвать заграждения? — обратился он к солдатам. Вызвалось несколько десятков человек. Он облек их в белые саваны — дело было зимой — и, двинувшись под покровом ночи, разрушил заграждения. Георгиевская Дума присудила ему за это орден Георгия 4-й степени.

9-й драгунский Казанский полк должен был двинуться в атаку на австрийцев. Раздалась команда, но полк не тронулся с места. Жуткая минута! Вдруг вылетел на своей лошаденке скромный и застенчивый полковой священник отец Василий Шпичек и с криком: "За мной, ребята!" понесся вперед. За ним бросилось несколько офицеров, а за ними весь полк. Атака была чрезвычайно стремительной —

противник бежал. Полк одержал победу. И отец Василий был награжден Георгием 4-й степени.

16 октября 1914 года героически погиб священник линейного заградителя "Прут", иеромонах Бугульминского монастыря, семидесятилетний старец Антоний (Смирнов). Когда "Прут" во время боя начал погружаться в воду, отец Антоний стоял на палубе и осенял Святым Крестом свою паству, в волнах борющуюся со смертью. Ему предлагали сесть в шлюпку, но он, чтобы не отнять место у ближнего, отказался. После этого он спустился внутрь корабля и, надев ризу, вышел на палубу со Святым Крестом и Евангелием в руках и еще раз благословил своих духовных чад, осеняя их Святым Крестом. А затем вновь опустился внутрь корабля. Скоро судно скрылось под водой.

Священник 154 пехотного Дербентского полка Павел Иванович Смирнов своим мужеством и спокойствием в трудную минуту так поднял дух полка, что благодаря пастырю полк не только преодолел опасность, но и одержал победу. Имя отца Павла после этого стало

героическим для всей Кавказской армии. И он был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

В бою 19 октября 1916 года священник 318 Черноярского полка Александр Гарноуцкий, иеромонах (имени его не помню), исполнявший обязанности священника в одном гвардейском стрелковом полку, и несколько других полковых священников были убиты, когда они с крестом в руках шли впереди своих полков. Другие погибли во время перевязки или уборки раненых с поля сражения.

Из оставшихся в живых героев-пастырей четырнадцать были награждены офицерскими Георгиевскими крестами 4-й степени. За все время существования Георгиевского креста от Императрицы Екатерины II до Великой войны этой награды было удостоено всего четыре священника. А во время этой войны — четырнадцать. Каждый из этих четырнадцати совершил какой-либо исключительный подвиг.

Кроме того, более ста священников были награждены наперсными крестами на Георгиевской ленте. Для получения этой награды

также требовался подвиг. Одни из награжденных получили такую награду за особо мужественное исполнение своих обязанностей под огнем неприятеля, другие — за вынос раненых из зоны огня и т. п.

Священник 119-го пехотного Коломенского полка Андрей Пашин спас свой полк от неминуемой гибели. Не разобравшись в обстановке и направлении, командир этого полка повел свой полк в самое опасное место, где его ожидали расстрел или пленение. Отец Андрей понял ошибку командира и убедил его направить полк в противоположную сторону.

Совсем другого рода был подвиг иеромонаха Н., священника одного из второочередных полков. (Не могу вспомнить ни его имени, ни полка, в котором он служил). В один из воскресных дней 1915 года на Галицийском фронте, вблизи боевой линии, в брошенной униатской церкви он совершал литургию. Церковь была переполнена воинскими чинами. В храме совершалась бескровная жертва, а вблизи шел бой, лилась человеческая кровь. Обычная на войне картина... Бесперывно громыхали орудия, снаряды то перелетали через храм, то, не долетая, ложились впереди его. А молящиеся, привыкшие к вздохам пушек и пению снарядов, как будто не замечали опасности. Литургия приближалась к концу — пели "Тебе поем..." Священник читал молитвы. Вдруг снаряд, попав в церковь, пробивает крышу и потолок алтаря и падает около престола с правой стороны. Иеромонах спокойно прерывает чтение тайных молитв. "Будь ты проклята, окающая!" — громко произнес он и перекрестил бомбу, начав после этого также спокойно читать прерванные молитвы. Снаряд не разорвался, а молящиеся, видя спо-

койствие священника, остались на местах и продолжали молиться. По окончании литургии снаряд был вынесен из храма. Узнав об этом происшествии, Государь наградил мужественного иеромонаха наперсным крестом на Георгиевской ленте.

Священник 58-го Прагского полка Парфений Холодный был удостоен этой награды за иного рода подвиг. 58-й пехотный Прагский полк действовал тогда в Галиции. Отец Парфений с полковым врачом и одним из младших офицеров переезжали реку по мосту. Тут они наткнулись на австрийскую засаду, сидевшую под мостом. Выскочив с ружьями на перевес, австрийские солдаты окружили двуколку. Отец Парфений не растерялся. Осенив крестом своих врагов, он обратился к ним с увещанием, что не стоит братьям проливать кровь и, помимо того, впереди и позади большие русские отряды, засаде не уйти от гибели, и поэтому лучше, не проливая крови, сложить оружие. Речь отца Парфения была понята, так как среди напавших большинство были чехи и угроруссы. Пошептав-

шись между собой, они начали сдавать оружие, которое было сложено в двуколку. И пленники, конвоируемые офицером, доктором и отцом Парфением были приведены в находившийся невдалеке штаб полка.

Насколько помню, отец Парфений был первым священником, украшенным в Великую войну наперсным крестом на Георгиевской ленте.

Показательны и цифры.

В Русско-японскую войну был убит один священник (35 дивизии) и то случайно, своей же пулей. Погибших на кораблях в Цусимском и других боях иеромонахов не считаю. Там они разделили общую участь. В эту войну убитых и умерших от ран священников было более тридцати.

В Русско-японскую войну раненых и контуженных священников не набралось и десяти, в Великую войну их было более четырехсот. Более ста военных священников попали в плен. Пленение священника свидетельствует, что он находился на своем посту, а не пробавлялся в тылу, где не угрожает опасность.

Благословение Дальней России

История и иконография Порт-Артурской иконы Божией Матери

*Бесплоден всякой дух гордыни,
неверно злато, сталь хрупка:
Но крепок ясный мир святыни,
сильна молящихся рука*

А.С. Хомяков

Для верующего человека каждое наименование того или иного чудотворного образа Пресвятой Богородицы напоминает о событиях, связанных с историей прославления иконы, о происшедших от нее знамениях и чудесах. Стоит только произнести родные для всякого русского человека слова — Владимирская, Смоленская, Казанская, как перед нашим мысленным взором оживают те страницы истории многострадальной России, когда поистине “сила Божия совершалась в немощи”, когда, укрепленные верой в заступничество и предстательство Матери Божией, шли на ратные подвиги наши благочестивые предки.

Мы, может быть, не так часто задумываемся над этим, но вполне очевидно, что наиболее почитаемые на Руси иконы Божией Матери были прославляемы на полях кровопролитных сражений. История свидетельствует о том, что каждая значимая победа русского оружия освящена той или иной общенациональной святыней. И именно присутствие в военном лагере святыни — кроткого, исполненного смирения лика Богородицы и Богомладенца — и было той вдохновляющей, воодушевляющей и освящающей силой, которая вела наш народ ко многим славным победам.

В свою очередь, в довольно близкую к нам по времени эпоху, мы имеем и обратные примеры, которые характеризуют состояние веры и нравствен-

ности русских людей вообще, а в частности и военных, с отрицательной стороны.

“Передай архиепископу, чтобы он напрасно не беспокоил Царицу Небесную — мы и без Нее обойдемся!” — так кощунственно заявил главнокомандующий сухопутными и морскими силами во время Крымской войны 1853–56 гг. князь А.С. Меншиков гонцу архиепископа Херсонского Иннокентия, когда тот попытался переправить в действующую армию чудотворную Касперовскую икону Божией Матери. Образ, достигший лишь Северной стены Севастополя, возвратился обратно. И именно эта часть города, как известно, избежала разрушения и не была взята неприятелем.

Подобный же случай произошел и с Порт-Артурской иконой Божией Матери, редкий список с которой хранится в Церковно-Археологическом Кабинете МДА.

На этой иконе, которая находится в постоянной экспозиции ЦАКа, мы видим Пресвятую Богородицу, изображенную, как на иконе Покрова, только в руках Пречистая Дева держит не омофор, а плат с Нерукотворным изображением Спасителя. Мы видим Ее на фоне скалистого дальневосточного берега и бескрайнего моря. Мать Божия Своими стопами попирает два обнаженных меча. Над Ней с правой стороны изображение архистратига Божия Михаила с огненным мечом, с левой — архангела Гавриила с цветущей ветвью в руках; по центру изображение Бога-Отца, как в росписи киевского Владимирского собора. Обращаясь к защитникам Порт-Артура, Пресвятая Богородица как бы призывает уповать не

столько на военную мощь Российской империи, сколько на Своего Божественного Сына, Чей Нерукотворный Образ Она держит в Своих руках.

История этой иконы такова. Ровно за два месяца до начала Русско-японской войны в Киево-Печерскую Лавру на богомолье пришел старик-матрос, участник обороны Севастополя. Однажды во сне ему было видение — стоящая спиной к морскому заливу Пресвятая Богородица (в том виде, в котором Она изображена на Порт-Артурской иконе); Она повела матросу, что вскоре начнется война, в которой Россию ожидают тяжелые потери и испытания. При этом Она повелела написать образ, точно передающий видение, и отправить икону в Порт-Артурскую крепость, обещая помощь, покровительство и победу русскому воинству тотчас по прибытии иконы в указанное место. Это видение стало известно богомольцам Киево-Печерской Лавры.

Когда пришло первое известие о начале Русско-японской войны, десять тысяч паломников по пятаку собрали сумму, необходимую для написания иконы. Но иконописец и мастера, работавшие над иконой, за свой труд ничего не взяли. Образ был изготовлен по описанию матроса. На полях иконы вязью по эмали были начертаны слова: “В благословение и знамение торжества христоролюбивому воинству Дальней России от святых обителей Киевских и 10000 богомольцев и друзей”. Образ переслали в Петербург на адрес Адмиралтейства для отправления по назначению. По желанию вице-адмирала Верховского монахини Новодевичьего монастыря сделали с иконы первую точную копию — воз-

Порт-Артурская икона (Торжество Пресвятой Богородицы) нач. XX в. ЦАК МДА

можно, именно она и находится сейчас в академическом музее.

Только в августе, через полгода после начала войны, святая икона была доставлена во Владивосток. Ее встретили в кафедральном соборе города. Начальник Тихоокеанской эскадры вице-адмирал И.И. Сарыдлов распорядился оставить икону в кафедральном соборе города, объяснив это отсутствием свободных кораблей, на которых можно было бы безопасно доставить икону в осажденный Порт-Артур. За время пребывания иконы

во Владивостоке с нее было снято несколько копий, которые верующие моряки пытались различными путями доставить в Порт-Артур. Ни одна из таких попыток не увенчалась успехом. Время шло. Положение на фронте ухудшалось. Повеление Пресвятой Богородицы никем не исполнялось. Наконец, в Петербурге объявился доброволец, из газет узнавший о судьбе Порт-Артурской иконы и решивший с благословения своего духовника о. Иоанна Кронштадтского доставить ее в Порт-Артур.

В первых числах октября этот человек — отставной ротмистр, участник русско-турецкой войны в 1877–78 гг., Н.Н. Федоров — выехал во Владивосток, куда прибыл 7 ноября 1904 года. Только 4 декабря он смог вывезти икону из Владивостока на норвежском пароходе. Со стороны военных помощи так и не последовало. Но добраться до Порт-Артура было уже невозможно — через две недели крепость была сдана. Федоров, испросив разрешения в Петербурге, отправил икону в действующую армию к генералу Куропаткину, о котором святой праведный Иоанн Кронштадтский писал: “Вождь нашего воинства А.Н. Куропаткин оставил все поднесенные ему иконы в плену у японцев-язычников, между тем как мирские вещи все захватил. Каково отношение к вере и святине церковной! За то Господь не благословляет оружия нашего, и враги побеждают нас. За то мы стали в посмеяние и попрание всем врагам нашим”.

О дальнейшей судьбе иконы мы не имеем никаких сведений до 6 мая 1998 года, когда группа паломников из Владивостокской епархии обрела ее вновь в одном из антикварных магазинов Иерусалима, узнав этот образ по сохранившимся описаниям.

В настоящее время образ, написанный “в знамение и благословение христоробивому воинству Дальней России”, чудесным образом возвратился в тот край, который это воинство некогда защищало.

Казалось, что безвозвратно ушли в прошлое крестные ходы, молебны перед началом сражений, военные священники, полковые церкви. На протяжении 70 лет Церковь и Армия были насильственно отторгнуты друг от друга. Однако в наши дни мы видим, как постепенно, малыми шагами идет процесс возрождения былых традиций российской армии.

Дай Бог, чтобы возвратилось в нашу армию и благословенное почитание святых, которые в течение многих веков изливали благодать, воодушевляли и вели к победам христоробивое русское воинство.

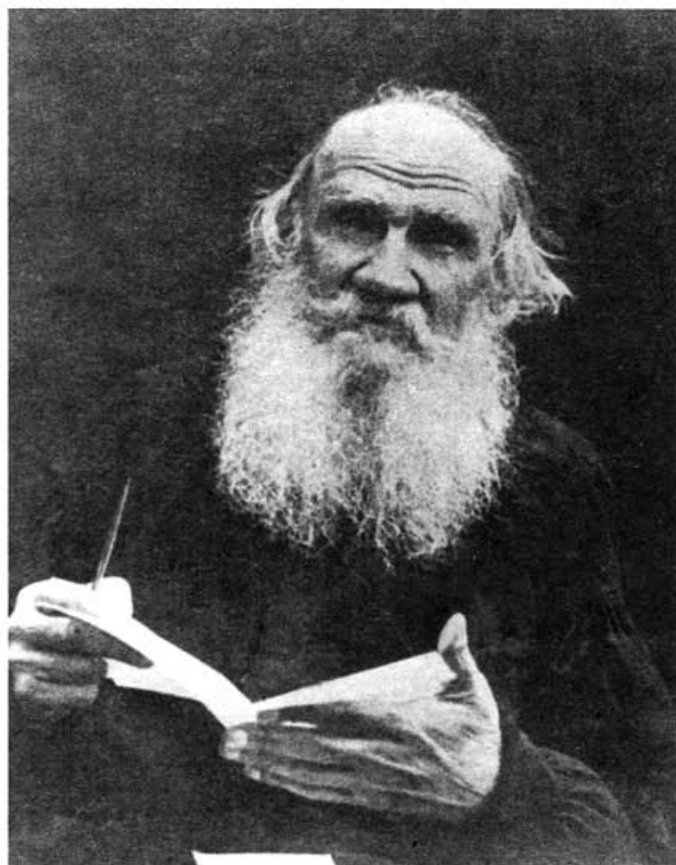
Диакон Михаил Земан,
3 курс МДС

Православный меч Ивана Ильина

Иван Ильин и Лев Толстой: так кто же христианин?

И. А. Ильин 1931 г.

Л.Н. Толстой 1910–11 гг.

Вопрос о сопротивлении злу силой является, несомненно, одним из наиболее сложных вопросов христианской культуры и одним из трагических вопросов религиозного сознания. Он заключает в себе не только кардинальную проблему этики, философии права и философии религии, но и одну из важнейших антиномий православного богословия. По замечанию митрополита Антония (Храповицкого), «в Новом Завете нет разрешения применять силу в борьбе со злом», хотя «нет и прямого воспрещения».¹ Более того, «ни одно церковное определение, ни одна молитва Церкви не дает утвердительного ответа на вопрос: «Может ли христианин, оставаясь христианином, допускать насилие в достижении благих

целей?»² Заостренной формой данного вопроса следует признать глобальную проблему отношения христианства к войне и государству. Не случайно протопресвитер Георгий Шавельский утверждал в свое время: «Вопрос о войне, об отношении к ней служителей Церкви принадлежит к числу наиболее трудных и спорных вопросов нашего богословия».³

Полное и окончательное разрешение проблемы «христианство и война», именно по причине ее антиномичности, едва ли когда-нибудь станет возможным. Можно без колебаний согласиться с тем, что христианство категорически осуждает захватнические, несправедливые войны, но можно ли сказать, что христианство

¹ Антоний <Храповицкий>, епископ. Полное собрание сочинений. Казань, 1900. Т. 3. С. 217.

² Там же.

³ Георгий Шавельский, протопресвитер. Православное пастырство. Спб., 1996. С. 484.

осуждает также и оборонительную (или освободительную), справедливую войну? Верно, что всякая война, даже самая справедливая — это убийство, кровь, жестокость. Нельзя закрывать глаза на существование в нашем мире этой трагической реальности, но можно по-разному подойти к ее осмыслению и преодолению. В современном российском обществе в этом отношении есть две противоположных концепции, каждая из которых имеет значительное число сторонников.

Христолюбивое воинство

Первая, которую можно назвать традиционной для Русской Православной Церкви, проводится в жизнь церковным священноначалием и состоит в активном взаимодействии Церкви и Армии, целенаправленном воспитании военнослужащих в духе христолюбивого воинства и приобщении их к сознанию высоты и ответственности своего призвания. "Господь призывает вас послужить Родине в непростое время. С верой и надеждой на помощь Божию идите в войска"⁴ — с такими словами обращался Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II к православным юношам-призывникам. В докладе Его Святейшества на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви 1997 года рассматриваются перспективы создания особого института пастырского служения в армии, на флоте и в казачьих войсках, в связи с чем указывается: "... Вера есть главный источник, из которого воин черпает нравственные правила и духовное здоровье... Необходимость пастырского окормления военнослужащих все в большей степени понимается войсковым руководством".⁵ В целях более плодотворного и активного сотрудничества Церкви и армии создан Синодальный отдел по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями, которым на сегодняшний день уже "подписаны совместные заявления с пятью российскими министерствами и ведомствами, имеющими воинский контингент".⁶ Перспектива подготовки соответствующих священнических кадров предполагает, что "новая система богословского образования должна включать специальную программу для священников, осуществляющих пастырскую работу в Вооруженных Силах".⁷

Все эти факты свидетельствуют о том, что церковное руководство, основываясь на историческом опыте Русской Церкви и Российского государства, стремится внести одухотворяющее начало в воинское служение, дать ему религиозное осмысление и укоренить его в Православной традиции. Именно на этих путях, в рамках данной концепции, мыслится преодоление неизбежного компромисса воина-христианина со своей совестью, позволяющее ему сочетать в своей душе возвышенный идеал христианской любви к ближнему с готовностью пойти на убийство врага, угрожающего его Родине и Церкви.

Этика ненасилия

Иначе подходят к делу приверженцы концепции непривлеченчества, антибеллизма и пацифизма, более извест-

ной ныне как "этика ненасилия". Для адекватного понимания сути этой концепции надо сделать хотя бы краткий экскурс в ее историю.

Впервые движение ненасилия заявило о себе в последней трети XIX века как на Западе, так и в России. Его возникновение было, вероятно, связано с господствовавшим тогда духом позитивизма с его верой в просвещенный разум и научное решение всех проблем человечества. Тогда казалось, что стоит народам заключить между собой соответствующие договоры и соглашения, как сразу все войны прекратятся и люди смогут, наконец, безмятежно наслаждаться нерушимым миром и благоденствием.⁸ Война объявлялась пережитком животной стадии развития человечества, который на определенной ступени исторического прогресса должен был бы отмереть сам собой. Оставалось лишь помочь ему в этом методом интенсивной пропаганды пацифизма. В России распространение подобных идей связано прежде всего с именем Л. Н. Толстого, в поздний период своего творчества (с начала 80-х гг. XIX века) занявшегося созданием собственного этического учения. О внутренних причинах и предпосылках, обусловивших внезапное появление у писателя "пророческой харизмы", в русском литературоведении существует немало серьезных научных исследований.⁹ На страницах же данной статьи достаточно привести мнение В. А. Никитина, который утверждает, что "влияние Ж.-Ж. Руссо, петрашевцев, масонства¹⁰, декабристов, французского и английского

⁸ См. об этом: *Камаровский Л., граф. Идея мира и Церковь // Вера и Церковь. 1899. Т.1; Светлов П. Я., проф., прот. Христианство и война // Православное обозрение. 1890. Т.1.*

⁹ См., напр.: *Сегалин Г. В. Эвротопология личности и творчества Л. Толстого. — Клинический архив гениальности и одаренности. Свердловск, 1930. Вып. 3-4, Т. 5.; Евлахов А. М. Конституционные особенности психики Л. Н. Толстого (Предисловие А. В. Луначарского). М. — Л., 1930.; Асмус В. Ф. Мирозрение Толстого // Литературное наследство. Т. 69.*

¹⁰ Влияние масонства, может быть, сказалось особенно сильно. В. А. Никитин пишет: "Страсть Толстого во всем доискиваться "до корня" привлекла его к увлеченному чтению масонской литературы, произведений Н. И. Новикова, И. В. Лопухина и других видных русских масонов. В начале 50-х Толстой с упоением "листал масонский журнал "Утренний свет", о чем сохранились любопытные отзывы в его дневниках... Составляя позднее ежедневный "Круг чтения", а также сборник изречений "Путь жизни", Толстой не случайно включил в них множество извлечений из масонской литературы, из произведений Я. Беме, Э. Сведенборга, А. Силезиуса и других мистиков. Масонское превознесение своей доктрины как универсальной квазирелигии "истинного христианства" оказало решающее влияние на мировоззрение Толстого, направив Льва Николаевича, в конечном итоге, на путь "учительства", вызвав отвращение гениального художника к художественному творчеству и болезненные трагические противоречия в его жизни... Толстовское понимание "христианства" оказалось в сущности тождественно масонству. В этом отношении ключевой характеристикой для понимания всей идейной эволюции Толстого является запись в его дневнике от 5 марта 1855 г.: "Разговор о божестве и вере навел меня на великую, громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта — основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле." (Никитин В. А. Творчество Л. Н. Толстого: истоки и влияния // Духовная трагедия Льва Толстого. Сост. А. Н. Стрижев. М., 1995. С. 292-293).

⁴ К православным юношам-призывникам 1995 года // Вера и мужество. 1995. № 5. С. 17.

⁵ Православная Москва. 1997. № 7. С. 3

⁶ Там же. С. 2.

⁷ Там же. С. 2.

социализма, Герцена, анархизма Прудона, “мифологической школы” Д. Штрауса, пессимистической философии А. Шопенгауэра, смешиваясь, превращалось в сознании гениального художника в ту “дьявольскую смесь”, для взрыва которой достаточно было несколько искр”.¹¹ Не является секретом увлечение Толстого буддизмом и даосизмом. Сам Толстой не скрывал эклектической сущности своего учения: “Доктрина Иисуса является для меня только одною из прекрасных доктрин религиозных, которые мы получили из древности египетской, еврейской, индусской, китайской, греческой. Главное в принципе Иисуса — любовь к Богу, т. е. ко всем людям без исключения, проповедовали все мудрецы всего света: Кришна, Будда, Лао-Дзы, Конфуций, Сократ, Платон, Эпиктет, Марк Аврелий и между новыми: Руссо, Паскаль, Кант, Эмерсон, Чаннинг и многие другие. Истина религиозная и нравственная везде и всегда одна и та же, у меня нет предпочтения к христианству”.¹² Однако, несмотря на то, что православных, как и прочих “религиозных догматиков”, Толстой называл “душевно больными”, которых можно лишь “жалеть, пытаться излечить”,¹³ а Самого Христа считал лишь человеком, Которого понимать Богом и Которому молиться есть величайшее кощунство,¹⁴ он все же продолжал провозглашать себя исповедником христианского учения.¹⁵ Толстой не только пытался облечь доктрину пацифизма в одежды христианства, но и выдвинул совершенно необоснованный тезис, будто сущность Евангелия заключается в принципе непротivления злу насилем, за что его, кстати, резко критиковал известный философ В. Соловьев.¹⁶ Полное отвержение всякого насилия привело Толстого к ожесточенному неприятию государства, поскольку оно не может обойтись без армии и правоохранительных органов, деятельность которых неразрывно связана с насилем. “Невозможно, — утверждает Лев Толстой, — в одно и то же время исповедовать Христа — Бога, основа учения Которого есть непротivление злему, и сознательно и спокойно работать для учреждения собственности, судов, государства, воинства, учредить жизнь, противную учению Христа...”¹⁷

Хотят ли русские войны

Первым следствием этой доктрины в отношении армии была дискредитация самой идеи воинского служения. Тот же Соловьев по этому поводу вполне резонно констатировал: “Первое боевое качество, без которого все другие не к чему, состоит в бодрости духа, а она держится на вере в святость своего дела. Ну, а как же

это может статься, если будет признано, что война есть злодейство и губительство, лишь по неизбежности терпимое в крайних случаях?”¹⁸ Последним же следствием толстовского учения должно было стать упразднение государственного устройства. Очевидно, что историческое христианство никогда к этому не стремилось.¹⁹ Поэтому естественным и закономерным надо считать то, что Церковь очень критически отнеслась к толстовской интерпретации Евангелия. Против истолкования Христовых заповедей в непротivленческом смысле выступили такие видные профессора богословия и церковные апологеты, как митрополит (в то время архимандрит) Антоний Храповицкий, протоиерей Павел Светлов, А.Ф. Гусев.²⁰ Их аргументированная критика прозвучала настолько мощно, что один из церковных публицистов начала XX века счел возможным засвидетельствовать полное поражение толстовства: “Вопрос о непротivлении злу силой подробно и всесторонне обсуждался в нашей духовной и светской печати и, можно сказать, получил уже окончательное решение не в пользу Л.Н. Толстого.”²¹ Но было бы ошибкой считать, что внешнее поражение толстовства означало прекращение его существования. Его весьма значительное влияние продолжало распространяться в среде русской интеллигенции даже после смерти самого Толстого, хотя и на качественно ином уровне. Николай Бердяев писал в 1918 году: “Толстовцев в узком смысле слова, разделяющих доктрину Толстого, мало, и они представляют незначительное явление. Но толстовство в широком, не доктринальном смысле слова, очень характерно для русского человека, оно определяет русские моральные оценки.”²² Причину притягательности толстовских идей Бердяев определял следующим образом: “Толстой уловил и выразил особенности морального склада большей части русской интеллигенции, быть может, даже русского человека-интеллигента, может быть, даже русского человека вообще... Русскому человеку труднее всего почувствовать, что он сам — кузнец своей судьбы. Он не любит качеств, повышающих жизнь личности, и не любит силы.”²³ Сходной точки зрения держался еще один замечательный русский философ, князь Е.Н. Трубецкой, одновременно с Бердяевым пронизательно усмотревший внутренний источник жизнестойкости непротivленческих идей в природной рус-

¹⁸ Соловьев В. С. Сочинения в двух томах // Три разговора... С. 649.

¹⁹ См. об этом: Григорьев К. Отношение христианства к государству по воззрениям гр. Л. Н. Толстого. Миссионерское обозрение. 1902. Т. 1.

²⁰ См.: Антоний <Храповицкий>, епископ. Полное собрание сочинений. Казань, 1900. Т. 3. С. 83–298; Светлов П. Я., проф. прот. Христианство и война // Православное обозрение. 1890. Т. 1.; К вопросу о законности войны с христианской точки зрения // Православное обозрение. 1890. Т. 3; Гусев А. Ф., проф. О сущности религиозно-нравственного учения Л. Н. Толстого. Казань, 1902.

²¹ Григорьев К. Отношение христианства к государству по воззрениям гр. Л.Н. Толстого // Миссионерское обозрение. 1902. Т. 1. С. 240.

²² Бердяев Николай. Л. Толстой в русской революции // Духовная трагедия Льва Толстого... С. 281.

²³ Там же. С. 281–282.

¹¹ Никитин В. А. Творчество Л. Н. Толстого: истоки и влияние Духовная трагедия Льва Толстого... С. 299.

¹² Письмо Л.Н. Толстого к художнику Яну Стыке от 27 июля 1909 г. // “Теософ”. 16 января 1911 г. Цит. по: Концевич И.М. Истоки душевной катастрофы Л. Н. Толстого / Духовная трагедия Льва Толстого... С. 6.

¹³ Дневниковая запись от 22 сентября 1895 г. / Толстой Л.Н. Собрание сочинений в двадцати двух томах. Дневники: 1895–1910. М., 1985. Т. 22. С. 32.

¹⁴ Толстой Л.Н. Ответ на постановление Синода от 20–22 февраля и на получение мною по этому поводу письма / Духовная трагедия Льва Толстого... С. 91.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Соловьев В. С. Сочинения в двух томах / Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. М., 1988. Т. 2. С. 725.

¹⁷ Толстой Л. Н. В чем моя вера? М., 1906. С. 18.

ской "наклонности к пассивной религиозности", способствующей увлечению "этим отрицательным решением жизненного вопроса".²⁴

Запад с нами

Указанные философские гипотезы, довольно убедительно объясняющие восприимчивость к идеологии ненасилия российского общества конца XIX — начала XX века, не потеряли, конечно, своего значения и в настоящее время, но все же они явно недостаточны для объяснения ее широкой популярности в современной России. Можно, разумеется, рассуждать о том, что наше общество устало от разработанного теоретически и осуществлявшегося в течение 70 лет практически марксистско-ленинского насилия, а потому и метнулось сейчас в противоположную крайность. Но все-таки, как кажется, особенно пристального внимания заслуживает мнение одного из видных современных социологов и культурологов, который считает, что сегодняшняя российская "этика ненасилия" представляет собой идеологический продукт Запада, выполняющий в России функцию орудия западной политики.²⁵ Россия всегда внушала страх Западу, и даже сейчас, после распада СССР, Россия по-прежнему опасна для Запада своей непредсказуемостью, своеобразием своего национального самосознания. Поэтому сегодня Запад прилагает все усилия к тому, чтобы заставить Россию перенять идеологию ненасилия. Расчет здесь не так сложен, зато вполне безошибочен: привившись на российской почве, она ослабит волю русского этноса к защите своих ценностей, и Запад сможет безбоязненно завершить мирное завоевание, разрушение и разграбление России, не опасаясь встретить никакого отпора своей экономической и духовной агрессии.²⁶

У современных российских сторонников ненасилия, наряду с Толстым, появляются такие авторитеты, как М. Ганди, Г. Торо, М.Л. Кинг и другие. Теоретический смысл учения от этого изменился мало, но заметно расширилась область его практического применения. При этом Евангельская герменевтика этих и подобных им авторов сохраняет абсолютную верность толстовским традициям. Вот, например, какое "христианское" истолкование проблемы войны, данное Мартином Лютером Кингом, предлагается сейчас российскому читателю: "Иисус всегда прав. Поля истории белеют костями народов, отказавшихся слушать Его."²⁷

²⁴ Трубецкой Е. Смысл жизни... С. 481.

²⁵ См. репортаж о лекции проф. А.С. Панарина в Московской Духовной Академии // Встреча. Студенческий православный журнал МДА и С. 1997. № 2 (5).

²⁶ Не лишним будет заметить, что возможность военной агрессии тоже нельзя никогда исключить полностью. В связи с этим возникает немало серьезных вопросов, на освещении которых приверженцам "этики ненасилия" как-то не случается остановиться конкретно. Очень бы хотелось, например, спросить у А.А. Гусейнова, убежденного сторонника ненасилия, утверждающего, что "ненасилие в том виде, какой оно приобрело в теории и практике XX века, является эффективным средством решения общественных конфликтов" (Гусейнов А. А. Этика ненасилия // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 74): в случае вражеского вторжения в Россию, подобного фашистскому, окажется ли ненасилие достаточно эффективным, чтобы его отразить? И если вдруг не окажется, то что предпринять тогда?

²⁷ Мартин Лютер Кинг. Любите врагов ваших // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 71. По-видимому, сторонников нена-

Толстовцы в рясах

Но что является беспрецедентным новшеством и большим успехом в истории распространения этики ненасилия, так это то, что сегодня даже среди священнослужителей Русской Православной Церкви можно найти людей, разделяющих ее идеи. Например, некоторые известные столичные священники, сколько можно судить из их публичных выступлений, не только лояльно, но и очень сочувственно относятся к толстовскому учению.

Так прот. Иоанн Свиридов видит в Толстом "христианина и верующего человека", "гениального писателя русской земли", которого "читают и любят многие церковные люди и именно к нему не относятся как к еретику, хотя в его взглядах очень много спорного и даже сомнительного".²⁸ Прот. Иоанн, хотя и считает, что отлучение Толстого от Церкви в 1901 году было "на самом деле антицерковно и неправильно", но все же признает: "Осуждены Церковью взгляды толстовцев, тех последователей Толстого, которые до сих пор существуют."²⁹ Послушаем теперь, что проповедует священник Георгий Чистяков: "Лев Николаевич учил нас непротиплению злу насилием. И я думаю, что до такой степени резко была встречена его теория, в которой на самом деле нет ничего не евангельского, в начале XX века в России в силу того, что Церковь в те времена была государственной и должна была оправдывать политику государства..."³⁰ Справедливо находя наибольшее препятствие для реабилитации учения Льва Толстого в фундаментальном исследовании "О сопротивлении злу силой" выдающегося русского философа Ивана Ильина, о. Георгий со всем пылом своей эмоциональной природы обрушивается на его автора. "У нас очень любят ссылаться на Ильина и называют его православным мыслителем, — возмущается о. Георгий, — но это глубоко антиправославный мыслитель, потому что он перевернул Евангелие... и если выбирать между Толстым и Ильиным, то у меня и выбора быть не может — совершенно ясно, кто христианин из двух, кто православный. Да конечно, Лев Толстой!"³¹ Как видно из приведенного высказывания, в нем заключается не только выражение личной позиции свящ. Георгия Чистякова в отношении взглядов обоих мыслителей, но и налагающее особую ответственность, как исходящее от человека в священном сане, подчеркнуто негативное суждение о сущности религиозного мировоззрения И. А. Ильина.

Данное суждение равнозначно обвинению в опасной антицерковной ереси, искажающей саму основу христианского вероучения. Но заслужил ли И. А. Ильин подобное обвинение? Не с гораздо ли большим правом можно отнести его как раз к Льву Толстому?

силы не смущает тот парадоксальный факт, что подобными толкованиями многие наши национальные герои, составляющие славу и украшение народа и нередко канонизированные Церковью, низводятся до уровня слушников Христа, справедливо поплатившихся смертью за свое непослушание.

²⁸ В эфире — радиоканал протоиерея Иоанна Свиридова / Современное обновление — протестантизм "восточного обряда". М., 1996. С. 260.

²⁹ Там же. С. 260.

³⁰ Там же. С. 262. Интересно, что же побудило выступить против толстовства Владимира Соловьева? Ведь он, как известно, не был государственным философом.

³¹ Там же. С. 261–262.

О сопротивлении "непротивлению"

Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к рассмотрению истории основных тезисов и аргументации одного из самых известных сочинений И. А. Ильина — "О сопротивлении злу силою". Эта книга, впервые опубликованная в Берлине в июне 1925 г., вызвала столько споров, что поныне признается одной из самых знаменитых в истории русской эмиграции.³² Сам Ильин характеризовал ее таким образом: "Книга задумана не как антитезис толстовству, а как антитезис плюс синтез верного решения... Я искал не только опровержения толстовства, но и доказательства того, что к любви меченосец способен не меньше, а больше непротивления. Словом, я искал решения вопроса, настоящего, религиозного, пред Лицом Божиим; и считаю, что оно содержалось в древнем духе Православия."³³ Как указано автором книги в предисловии, поводом к ее написанию послужили "грозные и судьбоносные события, постигшие нашу чудесную и несчастную Родину" и очистительным огнем опалившие "все ложные основы, заблуждения и предрассудки, на которых строилась идеология прежней русской интеллигенции" и которые вели и привели Россию к "разложению и гибели".³⁴ Свою задачу философ видел в том, чтобы вскрыть эти ложные основы, заблуждения и предрассудки и противопоставить им возрожденную "религиозную и государственную мудрость восточного Православия и особенно русского Православия".³⁵

Исследование состоит из 22-х глав, в которых рассматриваются отдельные темы, относящиеся к одной общей проблеме сопротивления злу силой. По пояснению Ильина, структура книги строго четырехчастна: 1) главы 1–8 — "расчистка дороги от мусора, уяснение, уточнение, удаление плески из мысли, чувства и воли; постановка проблемы"; 2) главы 9–12 — "погребение набальзамированного толстовства"; 3) главы 13–18 — "разрешение проблемы — начало"; 4) главы 19–22 — "разрешение проблемы — конец" с акцентом на центральное "разграничение "греха" и "неправедности", в котором корень всего разрешения; отмежевание от Лютера и иезуитских соблазнов".³⁶

Трудно не согласиться с крупнейшим знатоком творчества И. А. Ильина Н.П. Полторацким, заметившим по поводу данного пояснения: "Уже из этого автокомментария Ильина ясно видно, насколько глубоко и ответственно была им продумана вся проблема непротивления и сопротивления злу силою. Поражает необыкновенная методичность в раскрытии и разрешении этой проблемы."³⁷

Кошмары Н. А. Бердяева

Эти несомненные достоинства книги Ильина признавались даже его убежденными (и, к сожалению, нередко

предубежденными) противниками. Например, В. Зеньковский, приписывающий Льву Толстому "горячую, страстную и искреннюю преданность Христу",³⁸ не принял работу Ивана Ильина, но среди многих упреков все-таки посчитал необходимым оговориться, что "от нее веет подлинностью и глубиной, в ней есть особая, суровая честность."³⁹ Зеньковский признавал также "логическую строгость" и "формальную законченность"⁴⁰ книги, в чем был согласен с мнением Ю. Айхенвальда, обратившего внимание на "диалектическую изощренность профессора-логика"⁴¹, и с высказыванием одного из нерасположенных к Ильину рецензентов: "По умению вычерчивать внешне логическую линию проф. Ильин является исключительно гибким теоретиком".⁴² Правда, признание достоинств книги И. А. Ильина в статьях его противников часто оказывалось лишь трамплином, с которого они взмывали на высоты обличительного пафоса, приводившего их, порой, к ниспадению до уровня личных оскорблений. Особенно преуспел на этом поприще Н. А. Бердяев, в своей статье "Кошмар злого добра" темпераментно изблещивший Ильина чуть ли не во всех смертных грехах: в казуистике и софистике, фарисействе и монофизитстве, в абсолютизации белого движения и вместе с тем в зараженности ядом большевизма.⁴³ С его точки зрения, Ильин является инквизитором,⁴⁴ проповедующим "чека" во имя Божие,⁴⁵ которое еще "более отвратительно, чем "чека" во имя дьявола".⁴⁶ В заключение своей статьи Бердяев заверяет: "... Если бы я склонен был толковать Евангельские тексты, как толкует сам И. Ильин, то, в принципе, жизнь его была бы подвергнута опасности."⁴⁷ Отдельно стоит остановиться на том обвинении Бердяева, которым он ставит под сомнение религиозные убеждения Ильина: "В мирозерцании И. А. Ильина нет ничего не только православного, но и вообще христианского. Православие И. Ильина шито белыми нитками, и легко может быть обнаружен за этим внешним православием выученик немецкого идеализма, фихтеанец и гегелианец крайнего правого крыла."⁴⁸ Это

³⁸ Зеньковский В. В., проф. прот. История русской философии. СПб., 1991. Т. 1. Ч. 2. С. 205.

³⁹ Зеньковский В. По поводу книги И. А. Ильина "О сопротивлении злу силою" // Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 5. С. 423.

⁴⁰ Там же. С. 424.

⁴¹ Айхенвальд Ю. "Злое добро" // Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 5. Приложение. С. 396–397.

⁴² О сопротивлении злу силою. Четвертая лекция проф. И. А. Ильина // Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 5. С. 459.

⁴³ См.: Бердяев Н. Кошмар злого добра (О книге И. Ильина "О сопротивлении злу силою") // Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 5.

⁴⁴ Там же. С. 385.

⁴⁵ Там же. С. 379.

⁴⁶ "Ясно, что это не мои воззрения, а созданный им самим кошмар. Это ему самому пригрезился "кошмар злого добра", а он реагирует на него, как на объективную действительность. И с какою злобою... Последние странички его статьи, где он объявляет меня "иностранцем", "немцем", человеком без будущего, соблазнителем "малых сих" и т. д., производят такое впечатление, как если бы человек торопился наговорить как можно больше неприятностей и дерзостей..." — И. А. Ильин. Кошмар Н. А. Бердяева. Необходимая оборона. (Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 5. С. 241).

⁴⁷ Бердяев Н. Цит. соч. С. 392.

⁴⁸ Там же. С. 382.

³² Гаврюшин Н. К. Антитезы "православного меча" // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 81.

³³ Письмо к П. Б. Струве от 19 июля 1925 г. Цит. по: Полторацкий Н. И. А. Ильин и полемика вокруг его идей о сопротивлении злу силою // Ильин И. А. Собрание сочинений. М., 1996. Т. 5. С. 482.

³⁴ Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Ильин И. А. Собрание сочинений. М., 1996. Т. 5. С. 33.

³⁵ Там же. С. 33.

³⁶ Письмо к П. Б. Струве от 19 июля 1925 г. Цит. по тому же источнику. С. 482.

³⁷ Полторацкий Н. И. Цит. соч. С. 205.

экспрессивное заявление, само по себе очень серьезное и с претензией на компетентность в вопросах религии, дало повод и основание одному из сочувствовавших Бердяеву публицистов высказаться еще более категорично и оскорбительно: "Книга И. А. Ильина — хула на Духа!"⁴⁹ Более всего в этой полемике двух русских философов XX века удивляет то, что за несколько лет до издания "О сопротивлении злу силою" Бердяев сам выступал против толстовства и при том, по собственному его признанию, пользовался аргументами, которые воспроизвел в своей книге Ильин.⁵⁰ В понимании этой странной бердяевской непоследовательности, как представляется, немало может помочь замечание Ю. Линника: "Нельзя забывать об импульсивности этого мыслителя. Порой та или иная мысль Бердяева кажется оправданной лишь тогда, когда воспринимается в контексте его неповторимой личности. Но вне этого контекста ее дискуссионность становится очевидной. В полемике с Н. А. Бердяевым И. А. Ильин трезвее, объективнее, реалистичнее своего оппонента. И бескомпромисснее его: если Бердяев, отчаянно пытаясь нащупать смысл истории, иногда попадал под гипноз действующих в ней разрушительных сил, то сознание Ильина всегда бодрствовало — ко злу он оставался абсолютно неприимым."⁵¹

"Это есть истина"

С критикой Ильина Бердяевым и его единомышленниками далеко не все были согласны. В защиту Ивана Ильина и его книги выступили такие выдающиеся представители русской мысли в эмиграции, как П. Б. Струве,⁵² Н. О. Лосский⁵³ и А. В. Карташев (под инициалами А. К.).⁵⁴ Взгляды Ильина получили поддержку иерархии Русской Православной Зарубежной Церкви. Например, митр. Антоний (Храповицкий) приветствовал⁵⁵ книгу Ильина, считая ее "весьма глубокомысленной и интересной."⁵⁶ Архиеп. Анастасий Иерусалимский в одном из писем Ильину так отозвался о его книге: "...Надо было прочесть ее самому, чтобы оценить дух и силу, какие Вы сумели вложить в нее. Она не просто убеждает, а покоряет читателя, зажигая его сердце горящим дерзновением правды."⁵⁷ Самого же высокого мнения о сочинении "О сопротивлении злу силою" был епископ Берлинский Тихон (Лещенко). По словам И. А. Ильина, "Еп. Тихон (Берлинский) после моего доклада в церкви перед приходом, заслушав последние главы кни-

ги, говорил с большим подъемом о том, что "это есть истина", которую православие носило веками в чувстве и в воле и которая впервые выговорена разумом и доказана."⁵⁸

Правота несправедности

Что же такое удалось написать Ильину в своей книге, чтобы заслужить эпитеты от "чекиста во имя Божье"⁵⁹ до исповедника истины⁶⁰? Постараемся выделить главные тезисы его работы.

"Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом? Может ли человек, верующий в Бога, приемлющий его мироздание и свое место в мире, не сопротивляться злу мечом и силою?"⁶¹ Этот "с виду морально-практический, а по существу глубокий религиозно-метафизический вопрос"⁶², требует ныне "новой постановки и нового разрешения",⁶³ поскольку "нашему поколению опыт зла дан с особенной силою впервые, как никогда раньше".⁶⁴ Не всякое использование силы должно считаться насилием, поскольку "одно применение этого ценностно и аффективно окрашенного термина вызывает в душе отрицательное напряжение и предпрещает исследуемый вопрос в отрицательном смысле".⁶⁵ "Насилием" нужно называть только произвольное, безрассудное принуждение, исходящее от злой воли или направленное ко злу.⁶⁶ "Борьба со злом есть живой процесс, очень сложный и ответственный",⁶⁷ в котором, выбирая целесообразные меры и средства для одоления, "сопротивляющийся всегда должен начинать с духовных средств, нисходя к мерам внешней борьбы лишь постольку, поскольку духовные средства оказываются неосуществимыми, недействительными и недостаточными".⁶⁸ Но даже и тогда, "когда необходимость физического воздействия выясняется с самого начала и сразу, сопротивляющийся должен помнить, что эта мера есть несамостоятельная, вторичная, подчиненная и крайняя".⁶⁹ Вместе с тем, вступление на путь сопротивления злу силой в критическом случае реальной необходимости является не только правом, но и обязанностью человека и притом обязанностью, исполнение которой не допускает робости и колебаний.⁷⁰ "Пока в человеческой душе живет зло, меч будет необходим для пресечения его внешнего действия, — меч, сильный в своей неизвлеченности и в своем пресекающем уда-

⁴⁹ Церковник. "Чекист во имя Божье" / Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 5. С. 395.

⁵⁰ Бердяев Н. Цит. соч. С. 380.

⁵¹ Линник Ю. Иван Александрович Ильин // Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 5. С. 537–538.

⁵² См.: Струве П. Дневник политика [N] 7 / Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 5. С. 306–307; Дневник политика [82]. О брошюре И. А. Ильина и о нем самом // Там же. С. 401–402.

⁵³ См.: Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. С. 450–452; Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 5. С. 460–462.

⁵⁴ См.: А. К. И. А. Ильин. о сопротивлении злу силою / Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 5. С. 367–368.

⁵⁵ Митрополит Антоний. О книге И. Ильина. ("О сопротивлении злу силой") / Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 5. С. 372.

⁵⁶ Там же. С. 368.

⁵⁷ Из писем архиепископа Анастасия Иерусалимского к И. А. Ильину // Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 5. С. 398.

⁵⁸ Письмо к П. Б. Струве от 19 июля 1925 г. Цит. по: Полторацкий Н. И. А. Ильин и полемика вокруг его идей о сопротивлении злу силой // Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 5. С. 524.

⁵⁹ Название статьи "Церковника", инспирированное Бердяевым. См.: Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 5. С. 392, 490–491.

⁶⁰ Из писем архиепископа Анастасия Иерусалимского к И. А. Ильину // Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 5. приложение. С. 401.

⁶¹ Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 5. С. 34.

⁶² Там же. С. 34–35.

⁶³ Там же. С. 34.

⁶⁴ Там же. С. 34.

⁶⁵ Там же. С. 53, 54.

⁶⁶ Там же. С. 54.

⁶⁷ Там же. С. 132.

⁶⁸ Там же. С. 133.

⁶⁹ Там же. С. 133.

⁷⁰ Там же. С. 164.

ре".⁷¹ Означает ли это, что цель оправдывает средство? Конечно, нет. Путь силы и меча не есть праведный путь, но в том-то и состоит "основная жизненная трагедия" человека, что из ситуации, ставящей его перед лицом агрессивного злодейства, он не находит идеального исхода.⁷² Поэтому о человеке, принимающем "меч во имя Божьего дела", а вместе с мечом "бремя смерти и бремя убийства", можно сказать, что в этом исходе, в этом героическом разрешении основной трагической дилеммы он не праведен, но прав".⁷³

"...Только лучшие люди способны вынести эту несправедливость, не заражаясь ею; найти и соблюсти в ней должную меру; помнить о ее несправедности и о ее духовной опасности; и найти для нее личные и общественные противоядия. Счастливы в сравнении с государственными правителями монахи, ученые, художники и созерцатели — им дано творить чистое дело чистыми руками. Но не суд и не осуждение они должны нести политику и войну, а благодарность к ним, молитву за них, умудрение и очищение, ибо они должны понимать, что их руки чисты для чистого дела только потому, что у других нашлись чистые руки для нечистого дела."⁷⁴ В итоге, "если объединить все государственное начало принуждения и пресечения в образе воина, а начало религиозного очищения, молитвы и праведности в образе монаха, то решение проблемы выразится в усмотрении их взаимной необходимости друг для друга."⁷⁵

⁷¹ Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 5. С. 176. Вокруг этого тезиса всегда было много споров, но все же его реализм оказывал и продолжает оказывать убеждающее действие на многих. Ср.: Вл. С. Соловьев: "...Пока Кайновы чувства не исчезли в сердцах людей, солдат и городской будут не злом, а благом" (*Соловьев Вл. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев Вл. С. Сочинения в двух томах. М., 1988. Т. 1. С. 482.*); прот. Павел Светлов: "Война началась братоубийством Каина. Пока будет существовать грех, будет и война. Ею ознаменуется эпоха перед концом мира, по словам Иисуса Христа, когда грех в людях достигнет наивысшего своего развития (Мф. 24, 6)" (*Светлов П. Христианство и война // Православное обозрение. 1890. Т. 1. С. 118*); Григорьев К.: "Пока будет такое зло, которое для своего ограничения неизбежно требует физического принуждения, до тех пор, очевидно, нельзя будет совершенно оставить принудительные меры" (*Григорьев К. Отношение христианства к государству по воззрениям гр. Л. Н. Толстого // Миссионерское обозрение. 1902. Т. 1. С. 246*); И. В. Бестужев-Лада: "Да, смертная казнь — тоже лишение человека жизни. Поэтому надо стремиться к ее отмене. Не должно быть в жизни никаких казней, тем более смертных! Но для такой отмены необходимы соответствующие условия, которые надо создавать. А пока таких условий нет, пока смертная казнь хоть в малейшей степени помогает сдерживать смертоубийства — отменять ее так же преступно-глупо, как "отменять" деньги, армию, милицию и другие государственные атрибуты, доставшиеся нам по наследству от прошлого" (*Бестужев-Лада И. В. Гуманизм и псевдогуманизм // Смертная казнь: за и против. Под ред. С. Г. Келиной. М., 1989. С. 291*).

⁷² Там же. С. 204.

⁷³ Там же. С. 208. Ильин, наверное, был первым, кому удалось так четко сформулировать эту трагическую антиномичную истину. И может быть, именно это является вернейшим доказательством глубоко христианской укорененности его мирозерцания.

⁷⁴ Там же. С. 210.

⁷⁵ Там же. С. 219. Констатация результата исторического воплощения данного решения находим у В. Соловьева: "... Все святые собственно нашей Русской Православной Церкви принадлежат лишь к двум классам: или монахи разных чинов, или

Любовь в облики гнева

Предвидя возможные возражения, Ильин позаботился подкрепить свою точку зрения очень серьезной, обоснованной и разносторонней аргументацией, которую можно подразделить на пять типов: 1) от Священного Писания; 2) от святых Отцов; 3) от иконописных изображений; 4) от истории Церкви; 5) от логики и здравого смысла.

Критикуя толстовское толкование евангельских слов "не противься злему" (Мф. 5, 39), по поводу которого еще при жизни Толстого отмечалось, что два слова — "никогда" и "насилием" — прибавлены к изречению Спасителя совершенно произвольно,⁷⁶ Ильин предлагает собственное понимание: "Правило, заключающееся в них, определительно разъяснено последующими словами — в смысле кроткого перенесения личных обид, а также щедрой отдачи личного имущества и личных услуг. Истолковывать этот призыв к кротости и щедрости в личных делах как призыв к безвольному созерцанию насилия и несправедливости или к подчинению злодеям в вопросах добра и духа было бы противомысленно и противоестественно."⁷⁷ Чтобы проверить, насколько корректно воспользовался Ильин экзегетическим приемом "толкования из контекста", обратимся к объяснению этого же текста архимандритом Михаилом (Лузиным), "Толковое Евангелие" которого, выпущенное в 1870–1874 гг., то есть, еще до появления толстовского учения о непротавлении, до сих пор считается одним из лучших экзегетических трудов Русской Православной Церкви. Архимандрит Михаил пишет: "... Чувство любви и кротости, которое на обиду отвечает готовностью принять новую обиду, неправильную притязательность удовлетворяет сугубо (ст. 41) и готово дать просящему (ст. 42), есть отличительный признак усовершенствовавшихся в духе христианского закона. Но само собою разумеется, что все эти заповеди о терпении обид, об отречении от возмездия, как направленные собственно против иудейской любостительности, не исключают не только общественных мер к ограничению зла и наказанию делающих зло, но и частных личных усилий и забот каждого человека о ненарушимости правды, о вразумлении обидчиков, о прекращении для злонамеренных возможности вредить другим, ибо иначе самые духовные законы Спасителя по-иудейски обратились бы только в букву, могущую послужить к успехам зла и подавлению добродетели."⁷⁸ Очевидно, что в данном случае Иван Ильин не только не "переворачивал всего Евангелия", но даже несколько не вышел за рамки церковной традиции.

Однако остается еще подозрение: не сказало ли "глубокое антиправославие" Ильина в истолковании какого-нибудь другого евангельского фрагмента? Одним из важнейших библейских текстов для подтверждения И. А. Ильиным собственных воззрений является описание изгнания Господом Иисусом Христом торговцев из

князя, то есть по старине, значит, непременно военные..." (*Соловьев Вл. С. Три разговора... С. 648*).

⁷⁶ Григорьев К. Оношение христианства к государству... С. 242.

⁷⁷ Ильин И. А. О сопротивлении злу силою ... С. 145.

⁷⁸ Михаил <Лузин>, архимандрит. Толковое Евангелие. М., 1870. Кн. 1. Евангелие от Матфея. С. 90.

Иерусалимского храма: *И сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, также и овец, и волов, и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул* (Ин. 2, 15). И. А. Ильин вынес данный текст в эпиграф своей книги, а в главе 16-й ("О видоизменениях любви") дал ему такое изъяснение: "В один великий и страшный исторический момент акт божественной любви в облики гнева и бича изгнал из храма кощунствующую толпу. Этот акт был и будет величайшим прообразом и оправданием для всех духовно и предельно обоснованных проявлений отрицающей любви".⁷⁹ Для оценки богословской состоятельности вывода Ивана Ильина ознакомимся с мнением профессора Казанской Духовной Академии, доктора богословия А.В. Гусева: "... Только врагам христианства свойственно видеть в изгнании Христом торгашей и животных из храма результат раздражительности или вспыльчивости, а не святое дело... Для всякого же истинного христианина, знающего, что Он учит нас не словом только Своим, но и жизнью или действиями Своими, не подлежит сомнению, что если Христос, воплощение кротости и незлобия, прибегнул к физическому воздействию на злых, то, значит, оно отнюдь не есть всегда и везде грех, допускаемый только несовершеннолетними людьми, но может быть и бывает несомненно добрым делом в зависимости от особых условий".⁸⁰ Из тождественности двух вышеприведенных толкований следует однозначный вывод — всем, кто в указанном вопросе стоит на позициях Н. А. Бердяева и священника Георгия Чистякова, надо обвинить в "инквизиторстве" и "глубоком антиправославии" не только Ильина, но и все православное богословие, что выглядело бы, по меньшей мере, очень странным. Итог ильинской герменевтики запечатлен духом глубокого понимания антиномичности христианской культуры: "Христос учил не мечу, Он учил любви. Но ни разу, ни одним словом не осудил Он меча, ни в смысле организованной государственности, для коей меч является последней санкцией, ни в смысле воинского звания и дела. И уже первые ученики Его, Апостолы Петр и Павел (1 Петр. 2, 13–17; Римл. 13, 1–7), раскрыли положительный смысл этого неосуждения".⁸¹ Любопытно заметить, что к аналогичному экзегетическому выводу пришел и Е. Н. Трубецкой, но его почему-то в голову никому не приходит обвинить в "чекизме во имя Божие": "Та область, где зло побеждается лишь внешнею силою, еще не есть Царствие Божие; но для последнего далеко не безразлично, что делается у его преддверия. С христианской точки зрения, понятное дело, бесконечно лучше то состояние человечества, где зло сдержано хотя бы внешними материальными преградами, нежели то, где зло не сдержано ничем. Вот почему Самуилу было велено благословить на царство царя израильского, и Сам Христос вменил в обязанность христианам платить тот динарий, на который содержались римские легионы!"⁸²

⁷⁹ Ильин И. А. Цит. соч. С. 151.

⁸⁰ Гусев А. Ф., проф. О сущности религиозно-нравственного учения Л. Н. Толстого. Казань, 1902.

⁸¹ Ильин И. А. Цит. соч. С. 208.

⁸² Трубецкой Е. Смысл жизни... С. 482. Кстати, о "чекизме" Ильина: "Если... прибегнуть к своего рода эмпирической проверке теории Ильина "на жестокость", — пишет один из современных исследователей, — то сопоставление ее, к примеру, с ны-

Святые Церкви — за Ильина!

Иван Ильин был не первым и не последним из тех, кто обращался к авторитету святых отцов для разрешения проблемы отношения христианства к войне. И здесь нельзя не отметить, что приводя 13-е Правило святого Василия Великого ("Убийство на брани Отцы наши не вменяли за убийство, извиняя, как мнится мне, поборников целомудрия и благочестия. Но, может быть, добро было бы советовать, чтобы они, как имеющие нечистые руки, три года удержались от приобщения токмо Святых Таин")⁸³ и фрагмент из "Послания святого Афанасия Великого к Аммуну Монаху" ("... Не позволительно убивать, но убивать врагов на брани и законно, и похвалы достойно"), Ильин комментирует их значительно осторожнее, чем многие другие авторы, писавшие на эту тему⁸⁴, и ставит их в такой контекст, где акцент делается именно на несправедности убийства на войне, а не на его доблести; на необходимости очищения, а не на воздаянии законной похвалы.⁸⁵ И хотя ссылка Ильина на правило святого Афанасия навлекла на него резкий выпад В. Чернова, не постеснявшегося самого святого отца уличить в оппортунизме,⁸⁶ Ильину же инкриминированного принадлежность к "православному фашизму",⁸⁷ сдержанность позиции философа была излишней, по мнению некоторых его единомышленников: "Церковь в каноническом послании святого Афанасия Великого к Аммуну монаху не признает участие на войне грехом. Послание это автор приводит на стр. 180 в примечании, но, к сожалению, не подчеркивает его общецерковного значения как безапелляционного общецерковного учения, ибо послание сие есть каноническое, утвержденное VI и VII Вселенскими Соборами".⁸⁸ Указанное обстоятельство может служить подтверждением трезвости и взвешенности подхода И. А. Ильина к решению проблемы, а также его исключительного умения различать тончайшие оттенки смысла в самых сложных и запутанных вопросах.

нешней действительностью будет отнюдь не в пользу последней — учение Ильина куда гуманистичнее современной российской политики". (Роцинский С. Б. "О сопротивлении злу силою": онтологические предпосылки политической программы // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. М., 1995. Вып. 18. Иван Ильин. С. 88).

⁸³ К этому правилу имеется позднейшее примечание: См. "Послание святого Афанасия к Аммуну Монаху. Вальсамон и Зонара согласно замечают, что предполагаемый святым Василием совет "нигде не исполнялся, а руководством служили упомянутые слова Афанасия Великого, приведенные и Василием" (Правило святого Василия Великого / Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. М., 1994. Т. 2. С. 394).

⁸⁴ См. напр., граф Л. Камаровский: "Решительное оправдание войне находим в одном правиле святого Афанасия Александрийского: "Не позволительно убивать; но убивать врагов на брани и законно, и похвалы достойно" (Камаровский Л., граф. Идея мира и церковь ... С. 445); В. Никольский: "... Убийство ради отражения врага и спасения других, по точному смыслу 13 правила, совсем не представляет морального преступления" (Никольский В. Христианство, патриотизм и война // Православный собеседник. Казань, 1904. Ч. 2. С. 554).

⁸⁵ Ильин И. А. Цит. соч. С. 184–186.

⁸⁶ Чернов В. Мир, меч и мир // Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 5. С. 362.

⁸⁷ Там же. С. 366.

⁸⁸ Антоний <Храповицкий>, митрополит. Цит. соч. С. 371.

Великомученик Георгий Победоносец. Икона XVI в.

Кому-то может показаться удивительным, что на страницах философского трактата Иван Ильин прибегает к аргументам такого рода, как иконописные изображения святого Архангела Михаила и святого Георгия Победоносца. Внутренняя оправданность этой аргументации открывается только человеку, причастному жизни Церкви, способному воспринимать икону не только умом, но и сердцем, и видеть в ней не столько "произведение древнерусской живописи", но форму церковного сознания. "Явление ... громового облика в нашей иконописи — святой Георгий Победоносец. И ослепительное блистание его вихрем несущегося белого коня, и огневой пурпур его развивающейся мантии, и рассекающее воздух копье, которым он поражает дракона, — все это указывает на него как на яркий, одухотворенный образ Божьей грозы и сверкающей с неба молнии... Кроме того ... здесь над грозой и вихрем иконописец видит благословляющую с неба десницу, которой подчиняются и всадник, и конь".⁸⁹ Тот, кому дано воспринимать икону подобным образом, поймет, что философ искал и нашел в

⁸⁹ Трубецкой Е. Два мира в древнерусской иконописи / Философия русского религиозного искусства XVI — XX вв. Антология. Сост., общ. ред. и предисл. Н. К. Гаврюшина. М., 1993. С. 223.

ней духовную опору,⁹⁰ позволившую ему заявить во всеуслышание: "Только для лицемера или слепца равноправны Георгий Победоносец и закалаемый им дракон; только лицемер или слепец может при виде этого подвига "держать нейтралитет" и взывать к "гуманности", ограждая себя и выжидая".⁹¹ И можно быть уверенным в том, что если Ильин приписывал "водительным образам" Архангела Михаила и Георгия Победоносца силу давать прозрение духовным очам,⁹² то это только потому, что он целиком разделял убеждение Е.Н. Трубецкого: "Религиозный идеал иконы не был бы правдой, если бы он освящал неправду непротивленства; к счастью, однако, эта неправда не имеет ничего с ним общего и даже прямо противоречит его духу".⁹³

**"Живите мирно со всеми,
но только не с врагами Божиими"**

Историческая аргументация не занимает много места в книге Ильина, что вполне понятно — он был философом и писал философское, а не историческое исследование. Когда вокруг его книги развернулась полемика, в одной из своих статей он представил длинный ряд исторических имен и событий, свидетельствующих в его пользу.⁹⁴ На страницах же "О сопротивлении злу силою" он ограничился лишь несколькими примерами, приведение которых не только не разрывает последовательности его мысли, но и служит подкреплением отдельных его тезисов. Так, например, доказывая свой тезис о том, что "Христос никогда не призывал любить врагов Божьих",⁹⁵ он ссылается на изречение великого святого Древней Руси Феодосия Печерского: "живите мирно, не только с друзьями, но и с врагами; однако только со своими врагами, а не с врагами Божиими".⁹⁶ В другом месте, говоря о необходимости друг другу война и монаха, Ильин апеллирует к известнейшему историческому событию благословения преподобным Сергием Радонежским святого благоверного князя Дмитрия Донского на Куликовскую битву и послания ему в помощь двоих иноков-схимников, в прошлом бывших воинами — Пересвета и Осляби. Под пером философа событие приобретает черты знаменательно-символические: "Воин, как носитель меча и миропримлющего компромисса, нуждается в монахе как в духовнике ... здесь он приобретает благодати в таинстве и получает силу для подвига; здесь он укрепляет свою совесть, проверяет цель своего служения и очищает свою душу. И самый меч его становится огненной молитвой. Таков Дмитрий Донской у святого Сергия перед Куликовой битвой... Монах выступает как бы анге-

⁹⁰ Гаврюшин Н. К. Антитезы "православного меча" // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 80.

⁹¹ Ильин И. А. Цит. соч. С. 126.

⁹² Ильин И. А. Цит. соч. С. 141.

⁹³ Трубецкой Е. Умозрение в красках / Философия русского религиозного искусства ... С. 218. Небезынтересно будет заметить, что "аргумент от иконы" оказался, пожалуй, единственным из всех аргументов Ильина, не оспоренным никем из оппонентов.

⁹⁴ Ильин И. А. О сопротивлении злу (Открытое письмо В. Х. Даватцу) // Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 5. С. 256–259.

⁹⁵ Ильин И. А. Цит. соч. С. 142.

⁹⁶ Там же. С. 145.

лом-хранителем война; и самая молитва его уподобляется огненному мечу. Таков святой Сергий, благословляющий Дмитрия Донского...⁹⁷ Наконец, рассуждая о великих благах и преимуществах отношений Церкви и государства, основанных на началах разделения сфер их действия и органического согласования их целей и усилий, как это было в Древней и Средневековой Руси, Ильин пишет проникновенные строки: "... Может быть, одним из самых величавых и трогательных обычаев этого строя был тот обычай, согласно которому православный царь, чуя приближение смерти, принимал монашескую схиму как завершительный возврат из своего неправедного служения в плирому оправдывающей чистоты".⁹⁸

Не всякая неправедность есть грех

Как уже было сказано, одним из больших достоинств исследования Ильина является логическая строгость и последовательность его рассуждений, а также редкая пронизательность в аналитическом разборе понятий. Главными достижениями логического курса философа по праву считаются проведенные им различения центральных понятий "силы" и "насилия", "греха" и "неправедности". Этого фундаментального и четкого разграничения не хватало доильинской критике толстовства, что особенно заметно при чтении статей, в которых слова "сила", "насилие", "принуждение" и другие употребляются зачастую как синонимы, порождая интуитивное ощущение неприятной двусмысленности.⁹⁹ Различение Ильиным силы и насилия уже приводилось при изложении его взглядов и основных тезисов, здесь же остается упомянуть о разграничении им неправедности и греха: "Установим прежде всего то, что всякое цельное осуществление нравственно-совершенного деяния приобщает человеческую душу состоянию праведности, а всякое неосуществление нравственно-совершенного деяния приводит ее в состояние неправедности. Однако "неправедность" далеко еще не есть синоним "проступка" или "греха". "Неправедность" есть понятие родовое, а "грех" или "проступок" есть понятие видовое, так что всякий грех есть разновидность неправедности, но далеко не всякая неправедность есть грех".¹⁰⁰ Из этого разграничения Иван Ильин делает важнейший морально-практический вывод: "Самое сопротивление злу как таковому всегда остается делом благим, праведным и должным. Чем

труднее это сопротивление, чем с большими опасностями и страданиями оно сопряжено, тем больше подвиг и заслуга сопротивляющегося. Но то, что совершает сопротивляющийся меченосец в борьбе со злодеями, не есть ни совершенный, ни святой, ни праведный ряд поступков. Правда, только наивная грубость прямолинейного моралиста может сказать, что это есть "зло" и "грех", ибо, на самом деле, это есть негреховное(!) совершение неправедности. Однако не меньшей ошибкой явилось бы абсолютное оправдание и освящение силы и меча, ибо на самом деле это есть негреховное совершение неправедности(!). Нельзя полагать абсолютный запрет на силу и меч, ибо обращение к ним может быть нравственно и религиозно обязательным. Однако нельзя возносить силу и меч на высоту совершенства и святости, ибо обращение к ним выводит душу из любовной плиромы и возлагает на нее бремя несовершенного делания".¹⁰¹

Опровергая утопичность идей сторонников ненасилия, Ильин на многих страницах своей книги обращается, наконец, к простому здравому смыслу и приводит такие доводы, которые и сегодня актуальны в отношении тех, кто пытается выдать толстовство за истинное христианство: "Понятна мечта о том, чтобы для нравственно-совершенного человека не было неодолимых препятствий в чисто-духовном поборании зла ... Это — благородная, но наивная мечта. И несостоятельность ее проявляется тотчас же, как только ее пытаются превратить в универсальное правило поведения... Духовная сила праведника имеет предел пред лицом сущего злодейства. И казалось бы, что именно христианину не подобало бы переоценивать эту мечту, имея перед глазами образы многого множества святых, замученных необратившимися и непреобравшимися злодеями ..."¹⁰²

Так кто же все-таки христианин?

После всего сказанного, кажется, не должно оставаться сомнений: христианином является не тот, кто три десятилетия своей жизни посвятил "извлечению чистой доктрины из паразитической фальсификации, производимой Церквями",¹⁰³ а тот, кто, считая себя "не учителем, а учеником"¹⁰⁴ в Православии, более двадцати лет¹⁰⁵ вынашивал книгу, имевшую целью философски¹⁰⁶ обосновать то решение, которое он находил в древне-православном духе.¹⁰⁷ Церковь скорбит о заблудших чадах своих, и мы можем лишь скорбеть и молиться о человеке, безмерная гордость¹⁰⁸ которого, не удовольст-

⁹⁷ Ильин И. А. Цит. соч. С. 219. Особенно знаменательным представляется это событие в настоящее время, после причисления князя Дмитрия Донского к лику святых Русской Православной Церкви (в 1988 г.) "на основании его больших заслуг перед Церковью и народом Божиим, а также на основании его личной благочестивой жизни, воплотившей спасительную христианскую идею жертвования собой даже до крови ради блага и спасения ближних" (Житие благоверного великого князя Московского Дмитрия Донского / Канонизация святых. Троице-Сергиева Лавра. 6–9 июня 1988. С. 48).

⁹⁸ Ильин И. А. Цит. соч. С. 220.

⁹⁹ Вот пример подобной терминологической неопределенности: "Совершенный христианин, допустивший насилие, весьма погрешает, но прибавим, погрешает меньше, нежели в том случае, когда он, не желая допустить насилия, отказывается вовсе от борьбы со злом" (Антоний, епископ. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 217–218).

¹⁰⁰ Ильин И. А. Цит. соч. С. 192.

¹⁰¹ Там же. С. 195. Здесь мы вновь наблюдаем неизменные трезвенность и реализм Ильина, выгодно отличающие его, например, от Вл. Эрна, который десятилетием раньше его писал: "... Такова уж природа меча. Свят он в руках святых, мерзок в руках разбойничьих. Своей же собственной внутренней правды он не имеет" (Эрн Вл. Меч и крест. М., 1915. С. 5).

¹⁰² Там же. С. 203.

¹⁰³ Письмо Л. Н. Толстого к Яну Стыке от 27 июля 1909 г. // "Теософ". 16 января 1911 г. Цит. по: Концевич И. М. Цит. соч. С. 6.

¹⁰⁴ Ильин И. А. О сопротивлении злу (Открытое письмо к В. Х. Даватцу) ... С. 252.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Ильин И. А. Письмо к П. Б. Струве от 19 июля 1925 г. С. 482.

¹⁰⁸ См. в воспоминаниях И. Л. Толстого об отце: "Он вечно проповедует смирение и непротавление, но сам горд, несмотря на это" (Цит по: Концевич И. М. Цит. соч. С. 17).

вудясь лаврами гениального писателя, прельстилась славой ересиарха.¹⁰⁹ Но если мы, по совету о. Георгия Чистякова и его единомышленников, начнем называть Толстого "удивительным христианином", "которому мы должны сказать "запоздалое наше спасибо" за то, что он разбудил нас для исповедания веры во Христа(!)", то, конечно, Православие XXI века, в которое мы "с Львом Николаевичем идем по дорогам за Христом",¹¹⁰ окажется именно той "новой религией" Антихриста, которую сам Толстой точно охарактеризовал как "религию практическую, не обещающую будущее блаженство, но дающую блаженство на земле".¹¹¹

А кому действительно мы должны сказать запоздалое спасибо, так это Ивану Александровичу Ильину, среди злых нападок и публичных оскорблений верившему в то, что "пройдет время, нас не станет, и все обнаружится и поймется — кто по совести искал правду и кто, боясь этой правды, инсинуировал".¹¹² Объективная и непреходящая истина сформулированного Ильиным решения светит всем и помогает найти верные ориентиры в борьбе с многообразным злом, все более возрастающим в нашем мире. Величие Ильина не только в том, что он достиг предела тех возможностей, которыми располагает рациональная философия в исследовании антиномий христианской культуры, но и в том, что он отчетливо видел этот предел и не претендовал на его преодоление.¹¹³ Особенная же убедительность книги "О сопротивлении злу силою" объясняется, наверное, тем, что написана она кровью его православного сердца. В данной книге сама ее выстраданность помогла ему найти искомую им правду "православного меча", героическую и трагическую одновременно.

Свою книгу Иван Ильин посвятил "белым воинам, носителям православного меча, добровольцам русского государственного тягла".¹¹⁴ И сегодня, как семьдесят лет назад, ее высокие и благородные, истинно православные принципы более всего необходимы для усвоения именно тем, чье служение предполагает вооруженную борьбу со злом и его носителями. Поэтому остается только пожелать, чтобы у каждого из этих сильных и мужественных людей замечательная книга И. А. Ильина "О сопротивлении злу силою" стала настольной.

Дмитрий Предеин, 4 курс МДА

¹⁰⁹ См. мнение генерала М. И. Драгомирова: "Красиво, конечно, попасть в ересиархи, но еще любезнее, хоть и не привлекательней, тянуть в невидном жребии свою ноту в стройном хоре духовно-народной жизни" (Генерал М. И. Драгомиров о толстовской проповеди "непротивления злу" // Духовная трагедия Льва Толстого ... С. 271).

¹¹⁰ В эфире — радиоканал протоиерея Иоанна Свиридова... С. 261.

¹¹¹ См. прим. 11.

¹¹² Ильин И. А. Письмо в редакцию // Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 5. С. 236.

¹¹³ Иван Ильин: "Установить раз и навсегда какой-нибудь единый содержательный критерий для безошибочного решения вопроса в конкретных исторических ситуациях — н е л ь з я... Все, что философское исследование может дать в качестве критерия для руководства при сопротивлении злу, сводится целиком к нескольким сравнительно формальным правилам" (Ильин И. А. О сопротивлении злу силою ... С. 131–132).

¹¹⁴ Ильин И. А. Цит. соч. С. 33.

Чина Карташева

* * *

Вот руку занесли — ждут, я подставлю щеку,
Ударят в правую, я левой повернусь.
"Ты христианка, — слышу вражий шепот, —
Вас бьют по заповеди, помни наизусть!"

Кто бьет? Кем попран образ,
Подобье Божие в себе искажено?
Кто рад бы снова вешать нас за ребра,
Да только воли ныне не дано.

А если б и ударили по правой,
А я подставила бы левую — то что? —
Над беззащитностью свершили бы расправу.
Непротивление кровью залито.

Когда бы брат мой без вины ударил,
Я руку бившую смогла б поцеловать!
Или глупец в безверье, в злом угаре —
Смогла б простить, смогла б удар принять!

Да ведь они б и не смогли, не смели
На женщину, которая слабей...
Они б перед смиреньем осмирели,
В них образ Божий в образе людей.

Но вам, все знающим и все отвергшим,
Торгующим, меняющим свой вид —
Ударом на удар сама отвечу,
И Бог вас будет бить! И вечный стыд!

Не вам учить как жить другим по-Божьи.
Учитель есть — Господь. Он преподавал
Урок добра, но гневен был Он тоже,
Когда торгующих из храма плетью гнал.

Не убоимся, братие, врагов Божиих!

В смутное время начала XVII века судьба России напрямую зависела от того, выстоит ли Троице-Сергиева Лавра в неравной борьбе против польско-литовских интервентов

Все русские православные люди знают о Троице-Сергиевой Лавре. Основанная в XIV веке великим святым земли русской преподобным Сергием, обитель является сокровищем нашей Церкви. Во дни тяжелых для Родины испытаний она всегда была нравственной опорой народа и государства. Патриотическое служение Лавры особенно ярко проявилось во дни Смутного времени, которое пережило наше государство в начале XVII-го века. В октябре (по новому стилю) 1998 года исполнилось 390 лет со дня начала знаменитой шестнадцатимесячной (сентябрь 1608 — январь 1610 гг. по старому стилю)¹ обороны обители от отрядов польско-литовских интервентов и русских изменников. Думается, что в связи с непростой ситуацией, сложившейся ныне в нашем отечестве, весьма своевременно будет напомнить нашим читателям основные события этой славной обороны.²

¹ Здесь и далее даты по старому стилю.

² Главный источник, из которого нам известны подробности осады Троице-Сергиева монастыря, — «Сказание Авраамия Палицына». Во время осады инок Авраамий нес послушание келаря обители и пребывал в Москве. Не будучи сам лично свидетелем описанных им событий, он изложил их со слов непосредственных участников обороны монастыря.

Началом Смутного времени стал октябрь 1604 года, когда в пределы Московского государства вступило войско Лжедмитрия I-го, поддерживаемого Польшей и Католической церковью. Этот самозванец выдавал себя за младшего сына Ивана Грозного Дмитрия, который в действительности погиб в детстве в Угличе. Самозванец выступал как настоящий царевич Дмитрий, будто бы спасшийся от смерти. Неожиданно скончался царь Борис Годунов. Его сын Федор не смог удержать власть в своих руках. Он был свергнут и убит сторонниками Лжедмитрия.³ Самозванец вступил в Москву, венчался на царство и удалил в ссылку святого Патриарха Иова, не признавшего его истинным царевичем. Лжедмитрий окружил себя поляками, которые вели себя вызывающе, оскорбляли национальные и религиозные чувства русских. 17-го мая 1605 года в Москве вспыхнуло восстание, во время которого самозванец был свергнут с престола и убит. Царем стал князь Василий Шуйский, а на патриарший престол вступил святитель Гермоген — великий русский патриот и поборник Православия.

Однако воцарение Василия Шуйского не положило конец смуте. Против него началось мощное восстание во главе с Болотниковым, охватившее поначалу южные районы страны. Затем Болотникову удалось дойти до подмосковного села Коломенское, но здесь некоторые его приспешники переметнулись на сторону Василия Шуйского, что позволило царским войскам перейти в наступление. Особенно отличился племянник царя, юный князь Михаил Скопин-Шуйский. Восстание было подавлено, но желаемый мир в стране не наступил.

В июне 1607 года в Стародубе появился новый самозванец, вошедший в историю под именем Лжедмитрия II. Через год он был уже

возле Москвы и разбил лагерь в селе Тушино, из-за чего его стали называть "тушинским вором". Но овладеть Москвой самозванец оказался не в силах. Его отряды, состоявшие из поляков, русских изменников, и авантюристов разных национальностей, бродили вокруг Москвы, грабя и приводя окрестные города к присяге "царю Дмитрию". Наибольшую добычу тушинцы рассчитывали получить на территориях, расположенных к северу от Москвы, которые не были разорены в начале смуты. Ими были заняты Владимир, Суздаль, Ростов Великий, Ярославль, Вологда. Оккупанты-инородцы без стеснения грабили храмы и монастыри, в чем им не уступали и русские изменники. По словам Авраамия Палицина, разорение, которое потерпели православные церкви от своих же предателей, можно сравнить разве что с разорением идольских капищ святым князем Владимиром. В храмах затворяли скот, в алтарях питали псов, священнические облачения шли на самое низкое употребление. Монахов и священников пытали, домогаясь сокровищ, а потом предавали смерти.

Положение царя Василия Шуйского в Москве было очень тяжелым. Видя вокруг измену и будучи не в состоянии своими силами дать отпор самозванцу, царь решил обратиться за содействием в Европу. Князь Михаил Скопин-Шуйский был послан вести переговоры со шведами о помощи.

Враг у стен обители

В этот период (как, впрочем, и всю историю России) Троице-Сергиев монастырь являлся важнейшей опорой законной власти. Настоятель архимандрит Иоасаф и келарь Авраамий Палицын оказывали царю и осажденной Москве столь необходимую помощь деньгами и хлебными запасами. Кроме того, монастырь представлял из себя сильную крепость, важную в стратегическом отношении, так как возле него проходили дороги, связывающие Москву с городами Верхнего Поволжья и Казанью.

Сторонников Лжедмитрия привлекали и значительные материальные ценности, собранные в монастыре. Вероятно, непосредственной причи-

ной того, что тушинцами были развязаны боевые действия против монастыря, стал слух о подготовке Скопина-Шуйского с отрядами шведов и русских к освободительному походу против "тушинского вора". "Слух же истинный до нас дошел, — так передает автор "Сказания" об осаде Троице-Сергиевого монастыря Авраамий Палицын слова приспешников Лжедмитрия II, — что ждут они князя Михаила Скопу с черными псами, шведскими немцами, и Федора Шереметева с понизовскими людьми. И тогда все они, вместе собравшись и твердыню эту заняв, смогут оказаться нашими победителями. И пока они еще не укрепились, да повелит твое благородие полностью смирить их. И если они не одумаются, пустить по воздуху прахом все жилища их."⁴

Тем временем, неудачей закончился поход, предпринятый Василием Шуйским против действовавших к северу от Москвы отрядов Сапеги и Лисовского. Войско, которым командовал брат царя Иван Шуйский, было наголову разбито этими польскими военачальниками в сражении между селом Воздвиженским и деревней Рахманово. В этом сражении московское войско понесло такие большие потери, что царь Василий был вынужден отказаться до прихода Михаила Скопина-Шуйского от каких-либо активных действий. Поэтому Сапега получил возможность беспрепятственно действовать против Троице-Сергиева монастыря. 23 сентября 1608 года отряды Сапеги и Лисовского появились под стенами обители.

Крепость Троице-Сергиева монастыря была построена при Иване Грозном в 1540–1550 годах. Она представляла из себя достаточно мощное по тем временам военное сооружение. В амбразурах стен находились многочисленные орудия. На башнях стояли большие котлы для кипячения воды и варки смолы, содержимое которых в случае штурма крепости выливалось на головы противников. Вместе с тем, укрепление к 1608 году в некоторых местах

³ Слева от паперти Успенского собора Троице-Сергиевой Лавры находится усыпальница, в которой погребены царь Борис (в иночестве Боголеп), его супруга царица Мария и дети Федор и Ксения (в иночестве Ольга). Ксения Годунова была в Троице-Сергиевом монастыре во все время осады. Сохранились ее письма, написанные в это время.

⁴ Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря. // ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 171.

уже обветшали. "Непрочность укреплений видна была еще прежде осады. Во время самой осады и осажденные, и осаждавшие знали, что западная стена была "утла" — худа от ветхости, а неприятель более всего и действовал против монастыря с западной стороны — с Красной горы."⁵ С восточной стороны монастырь был защищен рвом, с юга и запада — рекой Кончурой и прудами, с севера — прудами. Сильно пересеченная, овражистая местность затрудняла установление плотной блокады монастыря. Главной сторожевой башней являлась ныне не существующая звонница Духовской церкви — в ту пору самое высокое строение монастыря. Количество осаждающих и осажденных в точности неизвестно. Отряды первых часто менялись — одни уходили, другие приходили. Так что число осаждавших колебалось приблизительно между 6 и 30 тысячами. Защитников монастыря, способных носить оружие, к началу осады было 2–3 тысячи. В монастыре также собрались жители окрестных селений, среди которых были женщины и дети. По словам Авраамия Палицына: "Такая теснота была в обители, что места не было свободного. Многие же люди и скотина оставались без крова; и тащили бездомные всякое дерево и камень для устройства прибежища, потому что осени настало время и приближалась зима. И друг друга отталкивали от вещи брошенной, и, из нужного ничего не имея, все изнемогали; и жены рождали детей пред всеми людьми. И невозможно было никому со своей срамотою нигде укрыться. И всякое богатство не береглось и ворами не кралось; и всякий смерти просил со слезами."⁶

"Троицкий чеснок"

Главной военной силой монастырского гарнизона был присланный Василием Шуйским отряд из пятисот стрельцов под начальством князя Григория Борисовича Долгорукова

Роши и Алексея Ивановича Голохвастова. Кроме стрельцов активное участие в обороне монастыря принимали способные носить оружие монахи, среди которых были бывшие воины, монастырские служители и крестьяне соседних сел. Возглавлял оборону монастыря настоятель архимандрит Иоасаф.

Защитники монастыря сразу же показали свое намерение защищать святую обитель. Уже в день прихода под стены монастыря войско Сапеги подверглось нападению. "Когда он был на Клементьевском поле, — повествует Авраамий Палицын, — находившиеся в осаде люди, выйдя за стены, конные и пешие, с ними великий бой совершили и по милости Пребезначальной Троицы многих литовских людей побили, а сами в город здоровыми возвратились."⁷ Подобной активной тактики защитники монастыря придерживались и впоследствии. "Воеводы привели крепость в состояние боевой готовности. Защита наиболее уязвимых мест была поручена специально отобранным людям. По дорогам вокруг монастыря разбрасывался так называемый "троицкий чеснок" — кованые металлические колючки, которые в любом положении торчали острием вверх. Оставляя рваные раны на копытах лошадей, эти колючки должны были выводить из строя конницу."⁸

В день начала осады архимандрит с монашествующими и множеством людей пошли "в святую церковь Святой и Живоначальной Троицы, к образу Пресвятой Богородицы и к многоцелебным мощам великого чудотворца Сергия, молясь со слезами об избавлении."⁹ 25-го сентября, в день памяти преподобного Сергия, после Всенощной все, находящиеся в монастыре, начиная с воевод, целовали крест, — "клялись сидеть в осаде без измены."¹⁰ 29-го сентября Сапега и Лисовский послали в монастырь боярского сына Бессона Руготина с требованием сдачи крепости, обещая всякие милости от "царя

Димитрия", грозя в противном случае захватить монастырь силой и истребить его защитников. В ответном письме защитники монастыря писали: "Да знает ваше темное господство, гордые начальники Сапега и Лисовский и прочая ваша дружина, что напрасно нас, Христово стадо православных христиан, прельщаете вы, богоборцы, мерзость запустения. Знайте, что и десятилетний христианский отрок в Троицком Сергиевом монастыре посмеется вашему безумству и совету. А то, о чем вы нам писали, мы, получив это, оплевали. Ибо есть ли польза возлюбить человеку тьму больше света и променять истину на ложь, честь на бесчестие и свободу на горькое рабство? Как же оставить нам вечную, святую, истинную православную веру... и покориться новым еретическим законам отступников от христианской веры? Есть ли какое-нибудь приобретение и почесть в том, чтобы оставить нам своего православного государя и покориться ложному царю, врагу и вору, и вам, латиняне, иноверным? Мы и за богатства всего мира не хотим нарушить своего крестного целования."¹¹ Получив ответ, Сапега и Лисовский попытались взять монастырь штурмом, но были отбиты. Тогда они распорядились начать осадные работы. Против стен монастыря на возвышенных местах были установлены 9 артиллерийских батарей (всего 63 орудия). Четыре батареи были установлены с юга и юго-востока, а пять — с запада от монастыря. Впереди каждой батареи сооружали туры — плетеные короба, заполненные землей. Кроме того, перед турами осаждавшие выкопали большой ров и насыпали высокий вал. 3-го октября началась бомбардировка монастыря раскаленными ядрами, которая продолжалась в течение шести недель, но не дала никакого результата: "Обитель Пресвятой и Живоначальной Троицы была покрыта дещицею Вышнего Бога, и нигде ничего не загорелось."¹²

Подкоп

Одновременно с артиллерийским обстрелом Сапега и Лисовский решили подвести подкоп под угловую юго-восточную Пятницкую башню с

⁵ Горский Александр, протоиерей. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы Лавры. М., 1857. С. 94–95.

⁶ Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря. // ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 113–115.

⁷ Сказания... С. 113.

⁸ Николаева Т. В. Народная защита Троице-Сергиева монастыря в 1608–1610 годах. М., 1954. С. 7.

⁹ Сказания... С. 113.

¹⁰ Сказания... С. 114.

¹¹ Сказания... С. 179–181.

¹² Сказания... С. 181.

целью взорвать ее и пробиться через образовавшуюся брешь внутрь монастыря. В ночь с 13 на 14 октября Сапега и Лисовский предприняли большой приступ. Защитники обители мужественно встретили неприятеля метким огнем. Враги не выдержали и побежали, побросав различные деревянные приспособления для штурма крепости, которые защитники монастыря употребили на дрова. После этого в течение семи дней осаждавшие пытались взять крепость приступом, но каждый раз терпели неудачу. Осажденные отвечали смелыми вылазками. Во время одной из них удалось взять в плен польского ротмистра Брушевского, от которого узнали о том, что поляки ведут подкоп, но места подкопа Брушевский не знал.

Воеводы, «посоветовавшись с архимандритом Иоасафом, с братией и со всеми людьми воинского чина»,¹³

¹³ Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря. // ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 191.

поручили троицкому слуге Власу Корсакову копать под башнями и в стенных нишах «слухи» — ямы, предназначенные для прослушивания подземных работ. В эти тревожные дни поляки предприняли еще два приступа, также окончившиеся для них неудачей.

4 ноября во время ночной вылазки защитникам монастыря удалось захватить в плен раненого казака Дедиловского, который на допросе указал точное место подкопа. Сведения Дедиловского подтвердил прибежавший из лагеря Лисовского казак Иван Рязанец. Он же рассказал о явлениях осаждавшим преподобных Сергия и Никона, которые обходили стены монастыря, окропляя их святой водой.

Между тем, артиллерийский обстрел монастыря не прекращался. Во время богослужения в Троицком соборе одно из ядер ударило в большой колокол, затем отскочило от него, влетело в алтарное окно Троицкого собора, пробило икону Архангела Михаила, находящуюся в

иконостасе, ударило вскользь по столпу, затем в стену, ранило священника и развалилось на левом клиросе. Другое ядро пробило железные двери с южной стороны Троицкого собора и образ святителя Николая Чудотворца.¹⁴ Особенно досаждала обороняющимся дальнобойная пищаль, названная «трещерой». Эту пищаль удалось меткими выстрелами вывести из строя.

Для уничтожения подкопа воеводы решили предпринять большую вылазку, которая началась 9 ноября за три часа до рассвета. Вылазка была тщательно подготовлена. Нашли и расчистили потайные ворота возле Сушильной башни, которые вели в старый ров у восточной стены. Были намечены три направления удара: главный — на подкоп, и два вспомогательных. Как повествует Авраамий Палицын: «Воеводы, князь Григорий Борисович и Алексей, составив полки для вылазки, пришли в церковь

¹⁴ Эти двери с отверстием от ядра сохранились в Троицком соборе до настоящего времени.

Святой Живоначальной Троицы к чудотворным образам и приносящим исцеления мощам преподобного отца нашего Сергия Чудотворца. И, придя затем к потайным воротам, они начали выходить по несколько человек и укрываться во рву. В то же время с Пивного двора вышли воеводами старшины, туляне Иван Есипов, Сила Марин и Юрий Редринов, переяславец, со своими сотнями и ратными людьми на Луновыи огород и на плотину Красного пруда. Также и из Конюшенных ворот вышли со многими знаменами старшины-дворяне: Иван Ходырев, алексинец, Иван Болховской, владимирец, переяславцы Борис Зубов, Афанасий Редриков и другие сотники с сотнями, а с ними и старцы троицкие во всех полках.¹⁵ От перебежчика было известно, что 8 ноября поляки собирались заряжать подкоп порохом. Поэтому его решили уничтожить рано утром 9 ноября — в промежутке между наполнением и забивкой. Во время вылазки удалось найти устье подкопа. Двое крестьян Клементьевской слободы Никон Шилов и Слота пробрались внутрь подкопа и взорвали его, пожертвовав своими жизнями.¹⁶

«Не убоимся, братие, врагов Божиих»

Между тем, разгорелись бои в разных местах вокруг монастыря. Обе стороны несли большие потери. Решающий вклад в победу внес отряд под начальством троицкого монаха

¹⁵ Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря. // ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 205.

¹⁶ Подвиг Никона Шилова и Слоты был увековечен Русским Военно-Историческим Обществом. При входе в Святые врата Лавры, справа, находится плита, надпись на которой гласит: «9 ноября 1608 года, во время достопамятной осады Свято-Троицкого Сергиевы лавры польскими и литовскими отрядами, вражеский подкоп, веденный под Пятницкую башню, был геройски уничтожен Клементьевскими крестьянами Никоном Шиловым и Слотою, тут же в подкопе и сгоревшими. В увековечение их славного подвига поставлена сия доска близ бывшего подкопа тщанием Московского Отдела Русского Императорского Военно-исторического Общества 12 января 1910 года.»

Нифонта Змиева. Этот отряд, состоявший из двухсот ратников и тридцати монахов, атаковал батареи неприятеля, расположенные на Красной горе, к западу от монастыря. Вскоре на помощь Нифонту пришли еще люди, самостоятельно вышедшие из монастыря. Дважды этот отряд был оттесняем поляками под гору, в овраги. В третий раз защитники крепости обошли укрепления неприятеля и ударили с тыла и с флангов. В результате были захвачены все пять польских батарей, находившихся на Красной горе, большое количество пленных, восемь пушек, множество оружия и бочек с порохом. Захваченные укрепления были сожжены. По словам Авраамия Палицына, в ходе сражения 9 ноября защитники потеряли 174 человека убитыми и 66 ранеными, а неприятель — 1500 убитыми и 500 пленными и ранеными.

Радость в обители по поводу победы была великая. Звонили в колокола до полуночи, пели молебны, «воссылая хвалу и благодарение Богу, Пречистой Богородице, великим чудотворцам Сергию и Никону и всем святым, с начала времен Богу угодившим.»¹⁷ Убитые были погребены с честью, а умиравшие пострижены в монашество. «Среди последних были Иван Внуков — во иноках Иона, Иван Есипов — во иноках Иосиф, Данила Дмитриев, сын протопопов из Москвы от Покрова на рву — в иноках Давид, троицкие слуги Данило Селевин, Меркурий Айгустов — в иноках Мефодий и многие другие. И, причастившись Святых Таин Христа, Бога нашего, они преставились ко Господу.»¹⁸ К царю Василию Шуйскому был отправлен с доброй вестью и подарком сын боярский Ждан Скоробогатов.

После этого сражения интенсивность боевых действий снизилась. Продолжались мелкие стычки, которые иногда перерастали в крупные. Так было во время вылазки 13 ноября. Участники вылазки напали на заставы Сапеги и Лисовского. Разгорелся бой. Из монастыря вышел конный отряд под начальством монахов Ферापонта Стогова и Малахея Рисевитина. Сначала защитникам

¹⁷ Сказания... С. 213.

¹⁸ Там же.

монастыря удалось потеснить Лисовского и захватить некоторых поляков в плен, но затем Сапега и Лисовский общими усилиями погнало троицких сидельцев к стенам монастыря. Положение удалось спасти благодаря героизму крестьянина Суеты из села Молонова, который был человеком высокого роста и исполинской силы, но неумелый в бою, из-за чего над ним посмеивались. Как повествует Авраамий Палицын, «Суета сказал: «Пусть я умру сегодня, но буду всеми прославляем!» В руках он держал оружие, бердыш. И укрепил Господь Бог того Суету и дал ему бесстрашие и храбрость; и он понуждал православных христиан прекратить бегство, говоря: «Не убоимся, братия, врагов Божиих, но станем с оружием твердо против них!» И сек бердышем своим врагов с обеих сторон, удерживая полк Александра Лисовского; и никто ему противостоять не мог. Он быстро, как рысь, скакал и многих тогда поразил. Многие же крепкие воины встали против него, чтобы отомстить за позор и жестоко на него наступали. Суета же сек на обе стороны; чтобы не бросить его, пешие люди, прекратив бегство, укрепились за надолбами.»¹⁹ В ходе этого боя один из монастырских слуг, Пимен Тенев, выстрелом из лука ранил в щеку самого Лисовского, а другой монастырский слуга, Михайло Павлов, убил одного из польских предводителей — Юрия Горского. Понеся большие потери, поляки были вынуждены отступить в свой лагерь, «троицкое же воинство вошло в обитель с великою победою.»²⁰

Моровое поветрие

С наступлением зимы 1608–1609 гг. обстрел монастыря из артиллерийских орудий прекратился. Сапега решил взять его измором или при помощи измены. Количество осаждавших сократилось. Польские предводители рассылали из своего лагеря под Троицей небольшие отряды для того, чтобы подчинить Лжедмитрию II окрестные города, многие из которых уже присягали ему, но успели отпасть. Так, в районе Переяславля Залесского, Ростова Великого и Ярославля действовал отряд под началь-

¹⁹ Сказания... С. 217.

²⁰ Там же, С. 219.

ством испанского авантюриста Хуана Крузати. Ему удалось вновь подчинить Лжедмитрию Переяславль Залесский и Ярославль. "Ростов, — по свидетельству Конрада Буссова, — воспротивился было, но это не привело к добру... Он перестал существовать, все постройки были обращены в пепел, многочисленные великолепные сокровища, золото и серебро, драгоценные камни и жемчуг расхищены, а в церквях были содраны даже ризы со святых."²¹ Буссов сообщает также, что члены шайки Крузати разрубили на части и похитили драгоценную раку, в которой почивали мощи святителя Леонтия Ростовского. Митрополит Ростовский Филарет Романов, отец будущего царя Михаила, был схвачен и отвезен в тушинский лагерь. Для разбойничьих подвигов отправился с небольшой шайкой на север и сам Лисовский.

Зима 1608–1609 годов принесла, несмотря на прекращение осаждавшими активных действий, новые тяготы защитникам обители. Ощущался большой недостаток в топливе. За дровами приходилось делать вылазки в соседнюю рощу, где поляки устраивали засады, в результате чего защитники монастыря несли большие потери. Хлебных запасов было достаточно, но возникали затруднения в перемолке зерна, так как монастырская мельница находилась за стенами обители и была захвачена неприятелем. Но были бедствия и горшие. Из-за тесноты, недостатка хорошей воды и свежей пищи в монастыре началось "моровое поветрие". "И умножилась смерть в людях, — повествует Авраамий Палицын. — И великий храм Пресвятой Богородицы, во имя Честнаго и Славного Ее Успения, каждый день мертвыми наполнялся. За могилы же сперва по рублю за выкапывание брали, а потом по два и по три, затем и по четыре, и по пять давали, но не было уже кому ни брать, ни копать; и в одну могилу и яму погребали по десять и по двадцать человек, и дважды столько и больше. И сорок дней стоял темный

сумрак и злой смрад. А где выносили мертвых, там за ними сонмы плачущих ходили; погребали же мертвых с утра до вечера. И не было ни покоя, ни сна ни днем ни ночью не только больным, но и здоровым. Ибо одни плакали над умирающими, другие над выносимыми, третьи над погребаемыми; и множество, в разных местах стоя, плакало. И от беспокойного сна как шальные все ходили. И преставилось тогда братии старой в обители двести девяносто семь братьев, а новопостригшихся — более пятисот."²²

Ужас этого положения осложнялся еще и раздорами между воеводами, изменами, пьянством среди ратников. "Только такому исключительно человеку, как Иоасаф, только его духовной мощи и только его горячему призыву забросить все мирское и обратиться всей душой к отстаиванию обители чудотворца было под силу сломить все это, сдержать всех в своих руках и сохранить России Лавру."²³

В Москву за помощью

Воеводы, посоветовавшись с архимандритом Иоасафом, послали письмо в Москву, к келарю Авраамию Палицыну, с просьбой о помощи. Авраамий обратился к царю, прося прислать в монастырь подкрепление ввиду сильного оскудения там в людях. "Скипетроносец же на словах давал, а на деле не осуществлял, потому что великая беда владела тогда царствующим городом."²⁴ Авраамий обратился тогда к царским вельможам и к Патриарху святому Гермогену. "Патриарх же со всем освященным собором умолял царя, говоря ему: "Царь, если взята будет обитель преподобного, то вся страна Российская до Океана-моря погибнет, и окончательно Москве станет тесно", и царь с трудом на слезы келаря преклонился."²⁵ В монастырь

были посланы шестьдесят казаков и двадцать пудов пороха, а келарь Авраамий Палицын послал двадцать слуг монастырских. Потеряв несколько человек, этот отряд сумел пробиться в монастырь. В это же время защитники монастыря были неоднократно ободряемы явлениями преподобных Сергия и Никона.

Активные боевые действия против монастыря возобновились 27 мая 1609 года. Сапега, знавший о море в монастыре, решил окончить дело одним приступом. На этот раз приступ начался ближе к вечеру. Штурмовавшие несли множество лестниц и двигали большие щиты на колесах. "Христоролюбивое же воинство и все городские люди не давали им придвинуть щиты и туры и лестницы прислонять, стреляя через подошвенные бойницы из многих пушек и пищалей, коя в окна, меча камни и лия вар с нечистотами, и метали они, зажигая серу и смолу, и известью засыпали скверные их глаза. И так бились всю ночь."²⁶ Утром штурмующие начали отступление. Ободренные успехом, защитники монастыря преследовали их, захватили тридцать человек в плен и забрали щиты, лестницы и прочие приспособления.

Троице-Сергиев монастырь продолжал стойко обороняться. Тем временем Лисовский со своим отрядом рыскал по русским городам, грабя и уничтожая все на своем пути. Про "подвиги" Лисовского в это время рассказывает Конрад Буссов: "Пан Лисовский... превратил в пепел весь Ярославский посад, потом пошел дальше вглубь страны, убивая и истребляя все, что попадалось на пути: мужчин, женщин, детей, дворян, горожан и крестьян. Он возвратился в лагерь под Троицей с большой добычей. Какой значительный вред был нанесен убийствами, грабежом и пожарами городам как внутри стен, так и снаружи, — выразить невозможно. Я часто удивлялся, как это земля могла выдерживать все это."²⁷

Последний приступ

Вскоре Сапега и Лисовский получили тревожное сообщение. От Нов-

²¹ Буссов Конрад. Московская хроника. // Смута в Московском государстве (Россия начала XVII столетия в записках современников). М., 1989. С. 349.

²² Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря. // ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 233–235.

²³ Ельчанинов А. К 300-летию осады Троице-Сергиевской Лавры. // Русский Инвалид. 1909 год. Сборник статей № 13. Бесплатное приложение к № 278. С. 198.

²⁴ Сказания... С. 235.

²⁵ Сказания... С. 237.

²⁶ Там же. С. 251.

²⁷ Буссов Конрад. Цит. соч. С. 355.

М.В. Несторов. Всадники (Эпизод осады Троице-Сергиевой Лавры). ЦАК МДА

города двигался к Москве князь Михаил Скопин-Шуйский с войском. В это время под стены Троице-Сергиева монастыря прибыл разбитый польский военачальник Зборовский со своим отрядом. Он поднял Сапегу на смех. «Пан же Зборовский, — повествует Авраамий Палицын, — ругаясь, понося Сапегу, Лисовского и всех панов, говорил: «Что стоит бездельное ваше стояние около лукошка? Что стоит лукошко то взять да ворон передавить?»²⁸ Сапега согласился на новый приступ. Этот приступ состоялся 31 июля 1609 года. В монастыре в это время оставалось здоровых не более двухсот человек. Однако это предприятие вновь окончилось для поляков полным провалом. Приступ был отбит с потерей убитой лишь одной женщины. Потери же со стороны штурмующих были большие, особенно в отряде Зборовского. Теперь пришел черед Сапеги и Лисовского смеяться над ним: «Чего ради не одолел ты лукошко? Постарайся еще, ты ведь такой храбрый, не посрами нас, пойдди, разори это лукошко, доставь вечную славу королевству польскому. Нам непривычны приступы, а ты — премудр, позаботься о себе и о нас».²⁹

Этот приступ оказался последним, но в монастыре об этом не знали. Многие, не видя помощи ниоткуда и ожидая новых приступов, стали падать духом. Возможности связаться с Москвой в то время у осажденных не было. Некоторые из них уже стали говорить: «Вот уже столько времени продолжается пролитие нашей крови, а еще какой будет конец этой беде? Что если напрасно наше упование на царя Василия? Вот, день ото дня мы ждем помощи и выручки, но все обман. Уже ведь все российские города соблазнились и к ворах перешли, и ниоткуда нет нам на помощь ратных воинов, ибо всем хватает забот о самих себе. А ну как станут головы наши пищей для мечей?»³⁰

Помощь Преподобного

В то время, когда иссякла надежда на помощь человеческую, не замедлила помощь свыше. Как рассказы-

²⁸ Сказания... С. 255.

²⁹ Там же. С. 259.

³⁰ Там же. С. 259.

вает в своем "Сказании" Авраамий Палицын: "Дивный во своих чудесах великий Сергей вновь явился пономарю Иринарху, говоря: "Скажи всей братии и всем ратным людям: почему скорбят из-за того, что нельзя послать в Москву вести? Я послал от себя в Москву в дом Пречистой Богородицы и ко всем московским чудотворцам... трех своих учеников: Михея, Варфоломея и Наума — в третьем часу ночи... И воры, и литовцы видели их".³¹ Из расспросов пленных выяснилось, что стража осаждавших видела трех монахов, выехавших из монастыря на очень худых лошадях. Затем сам преподобный Сергей явился одному больному монаху, сомневавшемуся в этом событии, и исцелил его. "И сказал ему великий чудотворец Сергей, — повествует Авраамий Палицын, — Что сомневаешься? Воистину послал я своих учеников". А старец, простецом будучи, говорит: "А на чем послал, государь наш?" Преподобный же отвечает: "На трех слепых меринах, которых конюший Афанасий Ошерин из-за нехватки корма выгнал из монастыря в надолбу, — на тех и послал. Меринов поискали, но не нашли, и уверились, что воистину было, как сказал святой Сергей чудотворец, и воздали все за это славу Господу Богу, творящему удивительное".³² Это происшествие сильно ободрило защитников крепости, уверившихся в чудесной помощи преподобного Сергея.

Тем временем, войска Скопина-Шуйского постепенно приближались к Троице-Сергиеву монастырю. Сапега, Лисовский и Зборовский выступили навстречу, оставив часть людей для продолжения осады, но были разбиты в сражении под Калезинским монастырем. 1 сентября 1609 года Скопин-Шуйский взял Переяславль-Залесский, а в октябре отряды Сапеги и Лисовского были разбиты при Александровской слободе (ныне город Александров), где и утвердился на зиму князь Скопин-Шуйский. В Троице-Сергиев монастырь он прислал отряд воеводы Давида Жереб-

цова в 900 человек. А 4 января 1610 года в монастырь прибыл еще один отряд — 500 человек под командованием Валуева. Совместными усилиями поляков отогнали от стен, а их лагерь сожгли. Наконец, 12-го января Сапега, услышав о приближении главных сил Скопина-Шуйского, поспешно бежал по дороге на Дмитров. Привыкшие к частым уходам неприятельских отрядов в различные набеги, защитники монастыря долгое время не верили в то, что осада закончилась. Лишь через восемь дней в Москву с радостным известием был послан троцкий инок Макарий Куровский, один из шести, кроме архимандрита Иоасафа, оставшихся в живых монахов из числа постриженных до осады. Всего же, по подсчетам Авраамия Палицына, "от осадной немощи" погибли 2125 человек, не считая женщин, детей и стариков. В Москве известие о снятии осады вызвало большую радость. Царь Василий Шуйский прислал в обитель медаль к образу Святой Живоначальной Троицы с отечественными на ней памятными надписями. В обители был установлен ежегодный крестный ход по стенам, который совершался в день бегства Сапеги от монастыря.

Последние испытания

28 января Троице-Сергиева обитель принимала князя Скопина-Шуйского. 12 марта этот знаменитый воевода вступил в Москву. Тушинский лагерь перестал существовать при одном лишь известии о его приходе. Казалось, что бедствиям России приходит конец. Однако, по Промыслу Божию, еще не закончились испытания, выпавшие на ее долю. Неожиданно, в расцвете сил, молодой победоносный полководец скончался. Вскоре потерял престол, был насильно пострижен в монашество и увезен в польский плен царь Василий Шуйский. Наступило междуцарствие. На московский престол был избран боярами польский королевич Владислав. Польский гарнизон утвердился в самом центре России — Московском Кремле. Патриарх Гермогена заточили в Чудовом монастыре. Отряды поляков продолжали бродить по русской земле. Так, отряд Сапеги захватил Пафнутьев-Боровский монастырь, куда удалился

на покой троцкий архимандрит Иоасаф. Иноки были перебиты. Принял мученическую смерть и святой Иоасаф.

Троице-Сергиев монастырь еще раз увидел под своими стенами поляков. Это случилось в 1618 году, когда польский королевич Владислав шел походом на Москву. Польский отряд Чаплинского выжег некоторые подмосковные слободы. Потерпев неудачу под Москвой, Владислав сам появился с войском возле монастыря, но осаждать его не решился. 1 декабря 1618 года в селе Деулине было заключено перемирие между Московским государством и Польшей.

Царь и патриарх в Лавре

Возродить Троице-Сергиев монастырь после осады было суждено новому архимандриту — преподобному Дионисию. При нем обитель приняла самое деятельное участие в освобождении Москвы и России от поляков. Архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицын рассылали по городам грамоты, увещевая всех крепко и мужественно стоять за веру и отечество. Обитель приняла под свой кров князя Дмитрия Пожарского, тяжело раненного во время боев с поляками.³³

Монастырь оказывал собравшимся для освобождения Москвы ополченцам помощь деньгами и боеприпасами. Архимандрит Дионисий приказал также устроить в подмонастырских слободах больницы и странноприимные дома для раненых, больных и изувеченных. Монахи питались овсяным хлебом, чтобы сберечь пшеничный и ржаной для раненых. Келейник преподобного Дионисия Дорофей днем и ночью разносил от него больным и раненым одежду, полотенца, деньги.

Келарь Авраамий Палицын прибыл вместе с ополчением Минина и Пожарского к стенам Москвы. Он переходил из стана в стан, ободряя воинов именем преподобного Сергея. Во время одного из решающих боев под стенами Москвы 24 августа 1612

³¹ Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря. // ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 261.

³² Там же. С. 265.

³³ Другой видный деятель этой эпохи, руководитель первого ополчения, собравшегося для освобождения Москвы, Прокопий Ляпунов погребен в стенах Лавры. Его могила находится возле юго-западного угла Успенского Собора.

года казаки стали уклоняться от совместных действий с князем Пожарским. Пожарский обратился за помощью к троицкому келарю. Авраамий Палицын поспешил в казачьи таборы, убеждая казаков помочь общему делу. Воодушевившись его речами, они с именем преподобного Сергия на устах бросились на поляков и много способствовали победе.

После капитуляции польского гарнизона Кремля православное духовенство в присутствии уцелевших жителей Москвы отслужило молебен на Красной площади и торжественным крестным ходом вступило в Кремль. Возглавил молебен и крестный ход троицкий архимандрит Дионисий. Келарь Авраамий Палицын принял активное участие в работе Земского Собора. Именно он объявил с лобного места об избрании на русский престол Михаила Федоровича Романова, а затем принял участие в посольстве, направленном в Кострому для призвания в Москву Михаила Федоровича. Перед своим вступлением в Москву новоизбранный царь провел неделю в Троице-Сергиевом монастыре, укрепляясь молитвой на подвиг царского служения.

В 1619 году в Москву прибыл Иерусалимский патриарх Феофан. Посетил он и Троице-Сергиев монастырь. Патриарх похвалил подвиги защитников обители во время осады и пожелал увидеть иноков, которые участвовали в сражениях. Ему было представлено более двадцати монахов, «в них же первый был именем Афанасий Ощерин, зело стар сый, и весь уже пожелтел в сединах. Патриарх спросил его: «Ты ли ходил на войну и начальствовал над воинами?» Афанасий, поклонясь, ответил: «Да, Владыко Святой, понужден был слезами кровными». Патриарх спросил еще: «Что тебе свойственно, иночество ли в молитвах особо или подвиг перед всеми людьми?» Афанасий ответил: «Всякая вещь и дело, Владыко Святой, в свое время познается: у вас, Святых Отцов, от Господа Бога имеется власть прощать и запрещать, а не у всех; что я делаю и делал, — исполняя послушание»". Обнажив голову, Афанасий

показал рану, нанесенную ему вражеским оружием и сказал: «Да будет тебе известно, Владыко мой, — вот подпись латинян на голове моей, еще же и в теле моем шесть памятей свинцовых обретаются; а сидя в келлии, в молитвах, возможно ли было найти таких будильников к воздыханию и стенанию? А все это было не по нашей воле, но по воле пославших нас на службу Божию». Патриарх был, конечно, рад тому, «что над воинственным одушевлением, тем не менее, господствует дух иноческого благочестия, смирения и простоты, благословил Афанасия, целовал его любезно и прочих его сподвижников отпустил с похвальными словесы».³⁴

Истоки доблести — в вере

Такова одна из героических страниц, которыми столь богата история нашего Отечества. Удивительны мужество, верность долгу, проявляемые тогда, когда кажется, что все пропало, что рушатся все устои государства. Троице-Сергиев монастырь явился непоколебимой твердыней Русской земли среди почти всеобщей картины предательства и отступничества. Великий наш историк Николай Михайлович Карамзин, приступая к описанию осады обители, писал: «В общем падении духа увидим доблесть некоторых и в ней причину государственного спасения: казня Россию, Всевышний не хотел ее гибели, и для того еще оставил ей таких граждан. Не устраним подробностей в описании дел славных, совершенных в пределах смиренной обители монашеской людьми простыми, низкими званием, высокими единственно душою».³⁵ В чем истоки героизма и верности долгу этих простых людей: монахов, стрельцов, крестьян? В чем истоки силы духа наших великих вождей: Патриарха Гермогена, архимандрита Иоасафа, преподобного Дионисия, Авраамия Палицына, Минина, Пожарского? Все они воодушевлялись религиозным чувством. Всех заботила мысль: не дать на поругание святынь, не допустить разорения Русской земли — последнего оплота Православия. «Православные христиане! — зывал

в одной из своих грамот преподобный Дионисий. — Вспомните истинную православную христианскую веру, что все мы родились от христианских родителей, знаменались печатью Святым Крещением, обещались веровать во Святую Троицу; возложите упование на силу Креста Господня и покажите подвиг свой, молитесь служилых людей, чтоб быть всем православным христианам в соединении и стать сообща против предателей христианских... Сами видите конечную от них погибель всем христианам, видите, какое разорение учинили они в Московском государстве. Где святые Божии церкви и Божии образы? Где иноки, сединами цветущие, и инокини, добродетелями украшенные? Не все ли до конца разорено и поругано злым поруганием; не пощажены ни старики, ни младенцы грудные... Пусть служилые люди без всякого мешкания спешат к Москве, в сход к боярам, воеводам и ко всем православным христианам... Отложите все на время, чтобы всем вам сообща потрудиться для избавления православной христианской веры».³⁶ Такие призывы, конечно, не могли не воодушевить русских людей. Можно сказать, что именно православная вера спасла Россию во время Смуты. Русские патриоты начала XVII века считали своим долгом выступить на спасение государства, ибо их воодушевляла идея даже более великая, чем национальная — идея спасения Православия, идея спасения России как оплота Православия. И свои силы они черпали в уповании на Бога и твердом убеждении в истинности своей веры.

Россию в течение ее многовековой истории неоднократно посещали различные беды и напасти. Только стоя на своих исторических путях или возвращаясь к ним, живя в православной вере и помня заветы предков, русские люди преодолевали эти беды и восходили от уничтожения к славе. «Только та страна и сильна, которая свято чтит заветы своей старины».³⁷ Только возвратившись к нашей православной вере, вспомнив заветы своей старины, мы сможем воссоздать былую мощь и славу России.

Георгий Кольванов, 4 курс МДА

³⁴ Горский Александр, протоиерей. Цит. соч. С. 123–124.

³⁵ Карамзин Николай Михайлович. История Государства Российского. Кн. III. Т. XII. Спб., 1845. С. 159.

³⁶ Соловьев Сергей Михайлович. Сочинения. Кн. IV. М., 1989. С. 639.

³⁷ Ельчанинов А. Цит. соч. С. 202.

Воспоминания об Академии

(1910–1915)

Окончание. Начало в № 2 (5), 3 (6) за 1997 и 1(7), 2(8) за 1998 г.

1914–1915 УЧЕБНЫЙ ГОД

ПОСЛЕДНИЙ ГОД ОБУЧЕНИЯ В АКАДЕМИИ

Новый учебный год и начался, и “прошумел”, пожалуй, быстрее, чем какой-либо из предыдущих. Прошумел бесшумно. Выросли только мы сами. Студентов по-прежнему будили от сна в спальнях, после чего они шли в церковь. Над Русской землей нависла германская угроза, первая империалистическая война. Война поглотила добрую часть внимания нашей администрации и отвлекла пристальный взгляд отца Илариона от нашего поведения. Да и мы сами менее обращали внимание на мелкие придирки и замечания субинспекции. Мы готовили кандидатские работы. Степень кандидата богословия — это наш хлеб, отправная точка, от которой мы начинали свое жизненное поприще. Напишешь работу или не напишешь — от этого, может быть, зависело твоё бу-

дущее. А потом, “если взять рассуждение”, то одним-то годом не исправишь содеянного в прошлом, а потому... каждый подчинялся установленным порядкам, занимаясь своим делом, предоставив все прочее течению времени.

В этом году жили мы в “Сионе”, в номере 23, что в инспекторском корпусе, на втором этаже, угловое помещение к библиотечному корпусу. Первая комната была отведена под спальни, вторая — под жилье. Спальня рядом с жильем — это нас очень устраивало во всех отношениях. Мы изолировались от всевидящего ока субинспекции, могли и занятия, и отдых распределить по своему усмотрению. Дело в том, что субинспекция жила в аудиторном корпусе; чтобы навещать нас, нужно было переходить улицу... и субы просто забывали о нас. К тому же у инспекции не было принято ходить по номерам без нужды, если не произошло чего-либо из ряда вон выходящего.

В Академию я приехал 17 сентября. Грустные мысли занимали меня и во время путешествия по железной дороге, и в первые дни жития в Академии. Последний год... За окном осень. Деревья оголились, стоят осиротелые и бесприютные. Грустные и длинные коридоры, серые стены. Жаль и аудиторий, в которых мы бывали не частыми гостями, и библиотеки, и груд книг на наших столах, и всего, с чем мы сжились, сроднились... Жалко, пожалуй, расставаться и с отцом Иларионом, и с субинспекцией, сжились мы и с их опекой... Пройдет шесть-семь месяцев, и мы навсегда распрощаемся с беспечностью студенческого благополучия. Академия выпустит нас на российские просторы, и — мы в ней как бы никогда не бывали. Останутся только воспоминания, которыми сможем поделиться на склоне своих лет и при случайных товарищеских встречах.

16 октября. Разбираясь в горах книг, притащенных из библиотеки, С.И. Покровский громко покашливает. К чтению еще не приступал, просматривает оглавления.

“Эх, снова бы за семестрячки*”, — вздыхает С. И., — страшно приниматься. Снова бы на первый курс, куда легко было бы”.

Куханов целыми днями и ночами читает, делает выписки и мало смеется... Зарылся в книги, сосредоточен.

Георгиевский недоволен темой и ворчит себе под нос. Книг натащил много, но первичный обзор литературы его мало удовлетворяет.

“Братья Лихуды” — однофамильцы Николай и Григорий Никольские — молча копаются в ученых фолиантах, изредка откликаясь на шутки товарищей.

Алешка Соловьев острит над моим ящиком, весом в два пуда, с книгами, собранными мною во время моих поездок в Калязин, Углич, Тверь, по селам и весям, прилегающим к этим городам, где я собирал материал для своей работы. Нас теперь волновал и беспокоил вопрос аттестации, каковая будет дана нам по окончании Академии в Училищный совет при Святейшем Синоде. За время нашего пребывания в Академии у инспекции было уже составлено мнение, и изменить его едва ли что могло.

РАБОТА НАД КАНДИДАТСКИМ СОЧИНЕНИЕМ

Порядок выбора профессора, которому я (и каждый из нас) должен писать ученую работу, был следующим. Еще на III курсе, в конце года, студенты “разыгрывали” профессоров, как в лотерею, договаривались со своим, доставшимся в “лотерею” патроном, получали тему для работы и тогда дня понемногу начинали подбирать материал, знакомиться с темой. Таким образом, первые шаги к получению первой ученой степени кандидата богословия студент делал, будучи еще на III курсе. Порядок “лотереи” оправдался тем, что если бы был установлен свободный

выбор патрона, то многие и многие профессора рисковали бы остаться без патронируемых, а небольшая группа профессоров была бы завалена работами и не смогла бы их рецензировать к устанавливаемому сроку. С другой стороны, профессора рецензировали кандидатские работы в качестве оппонентов по назначению Правления совета Академии. Это тоже — плюс 3-4 кандидатских работы на каждого профессора. Все это сводило бы рецензирование к формальным отпискам, что не всякие работы позволяли делать, и не всякий профессор пошел бы на эту сделку. Поэтому пусть будет лотерея. Недоволен лотереей — свободы выбора ты не лишился и мог идти и договариваться с любым из профессоров Академии и писать ему свою работу.

Так вышло и со мной. По лотерее мне достался профессор по кафедре педагогики А.П. Шостьин. Педагогике у Александра Павловича я слушал на I курсе, и, казалось бы, можно было принять работу. Начались поиски темы. Пирогов и Толстой меня интересовали, но не нравились они Александру Павловичу. Он мне предложил изложение каких-то педагогических систем XVIII — начала XIX века, что именно — теперь и не припомню. Я настаивал на своих темах. Толстого Александр Павлович отверг совершенно, а относительно Пирогова заявил, что мне придется ехать в Одесский учебный округ и там добывать материал. Это затруднит мою работу и т.д. Словом, с Александром Павловичем я разошелся. Нужно было искать себе другого патрона.

После недолгих колебаний я отправился к ректору и просил его принять меня под свое покровительство или рекомендовать мне патрона. Пришлось рассказать, конечно, почему и как я разошелся с Александром Павловичем. Ректор спрашивает меня:

— Есть ли у Вас тема для работы?

— Есть, — говорю. — Биография Макария Калязинского, чудотворца, покровителя соседнего с моей родиной города.

— Комплект у меня уже набран, — говорит ректор, — ну, да Бог с Вами, пишите. Список студентов я сдал в канцелярию. Зайдите туда и скажите, чтобы вписали в него и Вас.

Принял епископское благословение и начал так же, как и все, не торопясь, знакомиться с эпохой, в которую жил преподобный, а эпохой его был XV век.

11 июля 1914 года я приехал в Калязинский Макарьев монастырь. Остановился в монастырской гостинице. Сделал визит к настоятелю монастыря. Монахи встретили меня приветливо. Отвели мне номер в монастырской гостинице, с самоваром утром и вечером. К чаю мне присылали белый хлеб и молоко. Столоваться предложили в общей монастырской трапезной. Щи, суп и гречневая каша.

Когда я пришел к наместнику, последний варил варенье. Наместник поставил самоварчик и устроил чаепитие со своим вареньем. Казначей монастыря, он

* Семестровые сочинения — *Прим. Ред.*

же эконо́м, отец Амфилохий, карел, угрюмый и замкнутый мужичок и в то же время чрезвычайно ласковый и добрый, угостил меня горохом с осетриной. “Сегодня, — говорит, — привезли в монастырь рыбу, делаем годовой запас, попробуем немножко”. И покушали, да как следует, и осетринки, и гороха, или горохового супа. У отца Амфилохия я бывал почти каждый день, после вечерни. Пили с ним чай, я рассказывал ему о жизни в Академии, он — о жизни монастырской. Старик всю свою жизнь прожил в Калязинском монастыре, имел большой природный ум и жизненный опыт и был мне очень и очень полезен своими рассказами и советами. Он делал для меня фотографические снимки, печатая их по мере своих сил и способностей, толковал их и разъяснял. Добрый и хороший старик!

Третье лицо, с которым мне пришлось сталкиваться, — ризничий и библиотекарь, отец Макарий. Это совершенно темный человек. Он умел только подписывать свою фамилию, но доброты он был неизреченной. Предо мной раскрывал все двери и все шкафы своего небогатого библиотечного хозяйства. Отец Макарий каждый день заходил ко мне в гостиницу утром, и мы ходили с ним купаться на Волгу, а оттуда шли ко мне в номер, где смотритель гостиницы приготавливал нам самоварчик, белый хлеб или что было у него на сей день.

Через два дня в гостиницу пришел городской и потребовал документы для прописки. Возвращая мои документы на другой день, городской сообщил, что господин надзиратель хочет знать, по собственному почину я работаю в монастыре или по назначению. Городовому я ответил: “Передай господину надзирателю, что это не его дело”. На этом и закончилось мое официальное знакомство с блюстителями порядка.

Монастырские архивы дали мне невеликий материал. Но все же из монастыря я поехал, нагрузившись фотоснимками и описями, которых я не смог бы получить в другом месте. Работал я с большим удовольствием. Но тут приключилась война с Германией, и мне пришлось прервать свои занятия и поехать в Кашин. В Кашине явился к воинскому начальнику и был записан в ополчение, где я служил, то есть ходил на круглое поле, что за Сретенским монастырем, где сейчас построена льнообделочная фабрика, ел мясные щи и гречневую кашу с бараньим салом. Купил себе русские сапоги, мама дала деревянную ложку, которую я гордо носил за голенищем.

На круглом поле нас, причастных к духовному ведомству, собралась группа человек 10–15. Все мы держались вместе, вместе ходили купаться на речку, обедать и ужинать, вместе лежали на лугу, ожидая распоряжений. Обедать ходили по команде и “в строю” (ну какой там строй, когда подавляющее большинство ополченцев и ружья-то никогда не держало в руках).

2 августа. Нас, учащихся, освободили от военной подготовки, и мы возвратились к своим прерванным занятиям. 3 августа выехал в Тверь стирать архивную пыль в древлехранилищах губернского города. Из Твери, где пробыл дней десять, я вернулся в Калязинский монастырь, искал материал в самом городе Калязине, по селам, с названиями которых приходилось сталкиваться в материалах, был в селе на родине преподобного Макария, побывал в Угличе, в Паисиевском монастыре и т. д.

15 сентября я выехал из Кашина в Сергиев Посад, отягощенный печатным и рукописным материалом. В Академии первый месяц так же прошел в собирании и изучении материала, относящегося главным образом к эпохе, в которую жил преподобный Макарий, в поездках в московские архивы, в работе в лаврской библиотеке, и было не до лекций и не до хождения в церковь. В номере нас жило 8 человек. Одни работали днем, другие любили возиться с книгами по ночам. У каждого свои замашки и склонности, но, чтобы работа шла более успешно, я снял в Посаде комнату и там начал обработку собранного материала. Однако исчезновение мое из Академии было, конечно, замечено, и примерно через месяц-полтора я должен был перебраться в свой “Сион”.

Работу свою я закончил и подал, хотя и с некоторым опозданием. Что же получилось? А получилось именно то, о чем ректор и написал в своем отзыве: “Материал собран огромный, но не обработан”. И вот за этот-то добросовестно собранный материал, хотя и плохо обработанный, я и получил звание кандидата богословских наук.

ПРОФЕССОРА

Из профессоров на IV курсе следует отметить прежде всего М. М. Тареева, который преподавал нравственное богословие, ректора епископа Феодора, который читал нам аскетику, В.П. Виноградова, преподававшего пастырское богословие.

М.М. Тареев. Невысокого роста, уверенный в себе и в том, что он передает студентам на своих лекциях, производил впечатление стойкого и мужественного борца за свои религиозно-нравственные убеждения. Тареев, вопреки космологии В. Соловьева и антропологии Несмелова, выдвинул свой метод — метод опытного богопознания. Он не оправдывает христианства, а дает его философию. Дает метод понимания учения Христа, указывает, как проникнуть в сущность христианства. Много М.М. потерпел за свои убеждения и от официальных рецензентов, и от инакомыслящих, доставалось ему и от администрации церковной. Несмотря на все невзгоды и неприятности М.М. Тареев остался верен себе и твердо на лекциях и в печати проводил принципы своего понимания Евангелия, свое “нравственное учение о христианстве”, как он называл нравственное богословие — свой предмет преподавания в Академии, который он изложил в

пяти томах исследования Евангелия, под общим заголовком: "Основы христианства", а апологию "Основ" — в книжке "Философия жизни".

Епископ Феодор читал нам аскетичку, знакомил нас с идеалами аскетизма в Православной Церкви и ее богословии. Читал он неплохо. Слушали его с удовольствием, приемля и не приемля его обоснования современного монашеского института. С точки зрения богословия, епископу Феодору нельзя было отказать в учености.

Виноградов В.П. читал нам пастырское богословие, то есть науку о том, что должен представлять из себя пастырь Церкви, священник, каков его идеальный образ и т. д. Виноградова мы звали "маленький Тареев". Его философствование во многом было сходно с философией Тареева. И вот тут-то и получалась некоторая передержка. Тареев толковал о монашестве, епископ Феодор читал нам целый курс аскетички, не мог обойти молчанием иночество и Василий Петрович. Все они говорили об аскетизме, и все трое толковали по-разному.

Тареев вообще отрицал монашество как таковое, говорил о нем как о вредном явлении в христианской жизни. Ректор монашество провозглашал идеалом, а Василий Петрович признавал аскетизм как таковой, признавал его как простое воздержание, как духовную радость, умеренность, жизнь по-Божьему. Иными словами, Василий Петрович допускал аскетизм монашеский, но как исключение для тех, кто "может вместить — да вместит", и настаивал на аскетизме христианском как умеренности, нормальном восприятии мира и всего мирского.

Василий Петрович Виноградов был далеко не в фаворе у академического начальства и слыл свободомыслящим.

Прочие профессора не выделялись в нашей ученой корпорации, и мне нечем помянуть их в своих воспоминаниях.

ЭКЗАМЕНЫ

Учебный год закончили мы в половине марта месяца, к пасхальным каникулам. На I курсе экзамены начались 10 апреля.

IV курс, занятый своими кандидатскими работами, начинает экзаменоваться в мае:

- 12 мая — Сектантство
- 16 мая — Церковное право
- 21 мая — Нравственное богословие
- 26 мая — Священное Писание Нового Завета
- 29 мая — Пастырское богословие
- 1 июня — Аскетика.

Последний месяц (апрель) самой напряженной работы. К маю кандидатская работа должна быть закончена и сдана, а экзамены были не так уж страшны. Над кандидатской работой просиживали ночи, спать ложились на рассвете, а утром, как полагается, спали. Инспекция оставила нас в покое.

28 апреля я закончил свою работу и выехал в Москву, чтобы сдать ее в печать — на машинку. Труд вышел объемом в 258 страниц. За перепечатку заплатил 8 рублей. Затем надо было ее отдать в переплет. 12 мая кандидатскую работу подал инспектору. "Давай, давай. Поздравляю!" — приветствовал меня отец Иларион. 258 страниц сырого материала. Эх, еще бы один месяц, и эти двести с половиной страниц можно было бы уложить в 100–150 страниц. Времени не хватило, а голова не сумела переварить все, что было прочитано и просмотрено. Перелистано было 40 рукописей российских книгохранилищ и около 200 наименований книг, так или иначе имеющих отношение к теме.

Экзамены шли своим обычным порядком. Готовились, читали, "подковывали" программы и выходили к экзаменационному столу иногда с улыбкой, а иногда с угрызениями совести.

Экзаменационная сессия может быть отмечена двумя небольшими эпизодами, если можно их так назвать. Первый — профессор Тареев из своего курса выпустил опусы об аскетизме, чтобы кое-кого не раздражать, а второй — маленький инцидент на экзамене по Священному Писанию у профессора, священника отца Владимира Страхова. На экзамен я вышел, прочитав не больше половины программы. Ну и естественно, вытащив 47 билет, принужден был бросить его обратно на экзаменационный стол и взять другой билет. Страхов обратил внимание на жонглирование с билетами и спрашивает:

— Сколько еще билетов не знаете?

— Еще не знаю два билета, — я имел в виду 48 и 49, последние билеты в программе.

— Говорите правду, — говорит Страхов. Буду спрашивать по всей программе.

Но это предупреждение было не страшно. Важно было, что второй билет, взятый мною, был читанный, и поэтому спокойно отвечаю: "Прочие билеты все знаю." И вопрос, казалось бы, был исчерпан, но... к столу за мной выходит С.И. Покровский (с ним мы жили в одном номере) — приятель. Вытащил билет, справился в программе, о чем ему придется держать ответ, а затем делает ехидную физиономию, нагибается ко мне и лукаво вполголоса спрашивает: "Ну как, товарищ, дела?" Нескрываемые улыбки пробежали по лицам экзаменационной комиссии. Страхов же не утерпел и вслух сказал: "Ну вот, товарищ товарищу медвежью услугу оказывает!" Ясно было, что к столу я вышел с нечитанной программой. Все же Страхов добросовестно вытянул из меня все содержание билета и, не тревожа меня по всей программе, отпустил с миром, поставив мне за храбрость 3 с плюсом.

По сектантству на экзамене я имел 4 с минусом, по церковному праву — 4, по нравственному богословию — 5 с минусом.

К. Е. СКУРАТ,
профессор Московской Духовной Академии,
доктор Церковной истории

Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин — отец Востока и Запада

Продолжение. Начало в № 1 (7) и 2 (8) за 1998 г.

III. БОГОСЛОВИЕ ПРЕПОДОБНОГО ИОАННА КАССИАНА РИМЛЯНИНА

2. УЧЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО ИОАННА КАССИАНА РИМЛЯНИНА О СТРАСТЯХ

Пригвоздившись к страху Господню ... мы можем умертвить все наши похоти и плотские страсти.

Преподобный Кассиан. — (44)¹.

Достижение чистоты и непорочности всего человеческого естества пред Лицом всевидящего Бога есть конечная цель православного христианского подвижника. На этом пути очищения стоят пороги — страсти, которые должно сокрушить и выбросить — изгнать из себя. Преподобный Иоанн Кассиан не дает точного определения, что такое страсть. Однако из его суждений нетрудно заключить, что страсть — это греховное желание и сам грех, овладевшие силами человека, это испорченность, повреждение естественных движений духовных и телесных².

¹ Стоящая в скобках цифра (или цифры) указывает страницу творений преподобного Кассиана по книге: *Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. Перевод с латинского. Сергиев Посад, 1993.*

² Для большей ясности можно привести определения страсти святителей Русской Православной Церкви Тихона Задонского (1724–1783) и Феофана Затворника (1815–1894).

“Идоли в сердце — страсти”, — говорит святитель Тихон. (Его же. Творения. Том.3. М., 1899. С.192.)

Задачу, подлежащую решению, преподобный Кассиан видит ясно и отчетливо: “При содействии Господа... мы располагаемся теперь изобразить борьбу против восьми главных пороков... 1) надлежащим образом исследовать свойства их, столь мелкие, столь скрытые и мрачные; 2) достаточно изложить причины их и 3) представить пригодное врачевство и средства против них” (48–49).

Вот восемь главных страстей: 1) чревоугодие, “которое означает страсть обжорства”, 2) блуд, 3) сребролюбие, “под которым разумеется корыстолюбие или, если точнее выразиться, любовь к деньгам”, 4) гнев, 5) печаль, 6) уныние, “которое есть тоска или скорбь сердца”, 7) тщеславие, “это тщетная, пустая слава”, 8) гордость (49).

Преподобный Кассиан сначала в общих чертах классифицирует все восемь страстей по их природе, по способу их действия и причинам инициации, а затем делает достаточно подробный анализ каждой страсти в той же последовательности, в которой их и перечислил. Есть пороки естественные — к ним относятся чревоугодие и блуд, и неестественные — к ним преподобный Кассиан относит одно сребролюбие. Что касается их действия, то некоторые из них совершаются при обязательном участии тела — чревоугодие и блуд, а некоторые — без всякого содействия тела — тщеславие и гордость. “Далее, некоторые

“Страсти, — рассуждает святитель Феофан, — это сильные стремления внутреннего настроения порочного сердца. Они глубоко входят в естество души, и долгим властвованием над нею и привычным удовлетворением их до такой степени сродняются с нею, что составляют, наконец, как бы ее природу” (Его же. Адские мучения. Домашняя беседа. 1873. Вып.4. октябрь. С.996.)

принимают причины возбуждения извне, например сребролюбие и гнев, а некоторые от внутренних причин происходят, например уныние и печаль" (240).

Первая брань, в которую вступает подвижник, есть брань против чревоугодия, именуемого Преподобным еще "чревобесием", страстью "к объядению" (50). Виды или свойства чревоугодия бывают разные: прием пищи ранее назначенного часа, пресыщение любой пищей, лакомство (64). Во всем этом просматривается одна причина — стремление к беспорядочному угождению чрева, а сие, в конечном счете, ведет к расстройству ума, к помрачению его, к лишению чистоты, непорочности. "Так причиной погибели и разврата содомлян было не одно пьянство, но и пресыщение... *гордость в сытости хлеба и избобилии вина* (Иез. 16,49)" (52).

Врачуется чревоугодие воздержанием, постом и молитвенным бдением (56). Правильное воздержание и пост состоят в умеренности. Принимая пищу, необходимую для поддержания тела, надо вставать из-за стола в то время, "когда еще хочется есть" (52–53). Пост не может быть для всех одинаковым, ибо у всех разная крепость тела. "Но у всех должно быть одно правило" — укротить плоть "для воздержания сердца и укрепления духа" (51). Каждому нужно поститься столько, сколько ему необходимо для этого укрощения. "Неумеренный пост не только может расслабить дух, но, обессилив тело, ослабить и силу молитвы" (53). Следует также помнить, что умеренность в употреблении пищи подобает соблюдать и после поста. Тот, кто поступает иначе, снова производит в теле расслабление. Даже "строгие посты делаются напрасными, когда за ними последует излишнее употребление пищи, которое доходит до порока чревобесия" (53). Но одного телесного поста недостаточно. Он должен соединяться с постом душевным, "ибо и душа имеет свою вредную пищу". Это: злословие, гнев, зависть, тщеславие, "похоть и блуждание" сердца. Итак, "постясь по внешнему человеку, вместе должно воздерживаться от вредной пищи и по внутреннему, которого святой апостол (Павел. — К.С.) особенно убеждает представить чистым Богу, чтобы удостоиться принять в себя гостя — Христа" (62–63).

Вторая брань, второй подвиг предлежит против блуда, самый продолжительный — с юности и до старости или до победы прочих страстей.

В этой брани "весьма немногие одерживают совершенную победу" (76). Здесь, как и в борьбе с чревоугодием, имеет также значение пост. Но для приобретения и сохранения целомудрия одного телесного поста недостаточно. Нужны еще: постоянная молитва, чтение Священного Писания и размышление над ним, а также физический труд. В основание же сей борьбы должно быть "положено истинное смирение, без которого нельзя победить совершенно никакого порока" (73). Вместе с тем, необходимо с самого начала брани очищать "тайники нашего сердца" (78), усовершенствовать наше сердце, "из которого, по слову Господа, исходит гной этой болезни" (74). Чтобы чиста была внешность, надлежит прежде очистить внутренность (Мф. 23,2) (74). Возникающие плотские помыслы и сопряженные с ними плотские чувства надо изгонять и "разбивать" тотчас, немедленно, пока

они еще не укрепились. "А если они не будут убиты, пока молоды, то при потворстве выросши, они на нашу погибель с большею силою восстанут или по крайней мере не без большого труда и стенания будут побеждены" (80). Много содействуют побеждению блудной страсти уединение и покой, когда "большая душа" не тревожится греховными образами, восходит "к более чистому созерцанию", может легче "совершенно истребить возбуждение похоти" (75). А чтобы "нечистые грезы" не возникали даже во сне, для сего должно постоянно соблюдать "равномерный и умеренный пост", к нему присоединить "постоянное смирение и терпение сердца", неусыпную бдительность и осторожность против яда гнева и других страстей в течение дня (84). Окончательная же победа над страстью блудной совершается с помощью благодати Божией. (Это относится и к преодолению всех пороков). "Ибо не чувствовать жала (похоти) плоти некоторым образом значило бы пребывающему в теле выйти из плоти, и облеченному брению плотью стать выше природы. И потому невозможно человеку, так сказать, на своих крыльях взлететь к столь высокой небесной награде, если благодать Божия даром целомудрия не возведет его от грязи земной" (76).

Третий подвиг — борьба со сребролюбием. Страсть эта происходит от недостаточной любви к Богу, от вялости и расслабления духа. Проникнув в сердце, она "бывает гибельнее всех", доставляет "многоразличные поводы к

порокам" (84–85). Сребролюбцы — это люди, прокляженные умом и сердцем. Они уподобляются неверному слуге пророка Елисея Гиезию, пожелавшему "тленных денег" и наказанному за это *язвою нечистой проказы* (4 Цар. 5,27). Пораженная сей страстью душа нечиста пред Богом и "подвергается вечному проклятию" (98).

Развивается эта страсть постепенно. Сначала появляется желание к стяжанию малого — как бы "приобрести хоть один динарий" (мелкую серебряную монету). Далее возникает все большая и большая озабоченность, "алчность к золоту", пока, наконец, жалкая душа сребролюбца не распяется так жестоко, что всецело захватывается мыслью "о прибыли, ничего другого не видит" — "надежда корысти становится во всем вместо Бога". А отсюда происходят всевозможные злодеяния: ложь, воровство, нарушение верности, воспламенение вредным гневом и т.д. (87–88). Но заболеть этой страстью можно и не имея денег, а лишь вынашивая в своем уме и сердце любостяжание, не имея при том возможности или случая к служению маммоне (Мф. 6,24), а не воли. Поистине, "достойно сожаления терпеть невыгоды нищеты и наготы, а плодов их лишиться от порока тщетного желания" (96–97).

Чтобы страсть сребролюбия не возобладала над человеком, должно изгнать из души само желание к стяжанию, не допустить, чтобы "непотребный дух" посеял в сердце "начала этого вожделения" (96. Ср.: 99). В самом начале сделать сие не сложно. Сребролюбие "побеждается без всякого труда, когда кто, так держится правил кинонии, что оставив все имущество, из него не позволяет оставить у себя ни одного динария" (245). Конец этой страсти не в богатстве, а в нестяжательности (97).

Четвертый подвиг направлен против духа гнева. Одержимый данной страстью не может иметь правильной рассудительности, зрелого совета, твердости в правде, а, главное, "достигнуть жизни бессмертной" (100–101). Даже не обнаруживающий свой сердечный гнев вовне, хотя и не оскорбляет окружающих людей, "но исключает светлое сияние Святого Духа, все равно как и обнаруживающий на деле" (108).

Но гнев может быть и спасителен, когда человек гневается "на приходящие худые помыслы", на самого себя за недостойную жизнь, на сам гнев за то, что он возгорелся в нем против брата. "Гневайтесь на пороки и ярость вашу", — повторяет преподобный Кассиан вслед за святым апостолом Павлом (Еф. 4,26–27) (105–106). Но в других случаях гнев непозволителен. Решительность такого запрещения понять легко, если вспомнить и сопоставить повеление святого апостола Павла непрестанно молиться (1 Сол. 5,17) и заповедь Спасителя приносить дар к алтарю только будучи примиренным со своим братом, с ближним (Мф. 5,23–24). "Итак, остается или никогда не молиться, удерживая такой яд в сердцах своих, и быть виновником в нарушении этой апостольской заповеди, которою повелевается непрестанно и везде молиться, или, если обманывая самих себя, хотим приносить молитву вопреки ее запрещению, то должны знать, что будем приносить

Господу не молитву, а упрямство в духе противления Ему" (108).

Достоинство безгневия определяется не совершенством других (это не наша заслуга), а нашей добродетелью, "которая приобретается не чужим терпением, а нашим великодушием" (110). Приобретение великодушия может приниматься и как деятельное средство к победе над гневом.

Совершенное исцеление от гневной болезни наступит тогда, когда мы, с помощью Божией, перестанем сердиться и по справедливым причинам, и по несправедливым, помня, что и в одном, и в другом случаях "чистота нашего духа" может возмутиться и он перестанет быть "храмом Святого Духа". К тому же, как уже было отмечено, "нам разгневанным нельзя будет молиться". Особенно к полнейшему уврачеванию от гнева служит памятование о непрочности земного бытия человека, о неизвестности нашей кончины, о том, "что в каждый день можем переселиться из тела, и нам не доставят никакой пользы ни воздержание целомудрия, ни отречение от всех имуществ, ни презрение богатства, ни труды поста и бдения, когда нам Судия вселенной угрожает вечным наказанием за один гнев и ненависть" (113). (Ср. о гнев: 525–527).

Пятый подвиг состоит в брани против печали. Показывая ее свойства и вред для духовной жизни, преподобный Кассиан именуется ее едкой страстью, лишаящей нас "способности к Божественному созерцанию", не позволяющей "ни совершать молитвы с обычной ревностью сердца, ни с пользою заниматься священным чтением", не позволяющей быть спокойными, кроткими к братьям и терпеливыми в трудах, совершенно расслабляющей и угнетающей наш дух, подавляющей "мучительным отчаянием" (114). Печаль вредит нам так, как моль одежде, а червь дереву. Съедаемая ею душа не может быть тем духовным храмом, о котором говорил святой апостол Павел (1 Кор. 3,16) (114–115).

Рождается печаль от неисполнения наших надежд, от неудовлетворенности желаний, но больше всего "от нашей порочности" и действий злых духов (115). "Бесовская печаль" особенно жестока — она упраздняет духовные плоды (117). Посему и эту болезнь надо с не меньшей заботливостью врачевать, а для сего должно освободиться от рождающих ее причин (114. Ср.: 118).

Однако в одном случае печаль, как и гнев, приносит пользу. Это бывает тогда, когда она происходит от покаяния в грехах, от желания совершенства и будущего блаженства; когда она бывает печалью ради Бога (2 Кор. 7,10). Такая печаль смиренна, кротка, терпелива, послушна, "как происходящая от любви к Богу" (117).

Сродна с печалью шестая страсть — уныние. Охватывая этой болезнью "несчастливая душа" расслабляется, впадает в духовную спячку, лень, беспечность, нерадивость "ко всякому делу" (120–121). Появляется "страх места, омерзение к келье", отвращение и презрение к братьям, "как к нерадивым и менее духовным" (119). Нападает дух уныния особенно около полудня, потому "некоторые из старцев называют его

бесом полуденным”, о котором упоминается в девяностом псалме (118).

Лучшим лекарством к лечению от уныния является труд. Потому египетские святые отцы не позволяли инокам быть праздными. В Египте составила даже поговорка: “Работающего монаха искушает один бес, а на праздного нападает бесчисленное множество бесов” (133). Авва Павел своим примером — непрерывным трудом учил, “что без дела рук невозможно монаху пребывать на одном месте, ни достигнуть когда-нибудь верха совершенства, так что, хотя необходимость пропитания вовсе и не требовала этого, он работал для одного очищения сердца, собранности помыслов и постоянного пребывания в келье, или для победы и прогнания самого уныния” (134).

Седьмая страсть (или, по слову преподобного Кассиана, “седьмой подвиг против...” — тщеславие — многообразна и разнообразна, встречается везде и во всем. “Она и в одежде, и в наружном виде, в походке, в голосе, деле, бдении, посте, молитве, отшельничестве, чтении, знании, молчании, послушании, смирении, долготерпении старается уязвить воина Христова” (135,136). Тщеславие не ослабляется ни возрастом, ни уединением, ни пустыней (“с бегущим в пустыню проникает”. — 138). Тщеславие искушает и приятным звуком голоса, и истощенной постом плотью, и красотой тела, и благородством родителей... “Иногда также внушает монаху, что достоинства и богатства, которых, может быть, никогда не мог бы и достигнуть, он очень легко получил бы, если бы оставался в мире. Также вдыхает в него суетную надежду в сомнительном, и в том, чего никогда не имел, восхищает суетною славою, как будто он сам то презрел” (140). Тщеславие может внушать желание искать степеней клира с целью учить других и давать пример святости прочим священнослужителям (140–141). Свойства этой страсти старцы хорошо представляют “под образом лука и чеснока, которые, по снятии одного покрова оказываются покрытыми другим, столько оказывается покровов, сколько их будет снято” (137). Особенно опасным становится тщеславие, когда оно соединяется с добродетелями. “Прочие страсти, — размышляет преподобный Кассиан, — при противоборстве противоположных им добродетелей, открыто, как бы ясным днем воюющие, удобнее можно победить и предостеречься их; а эта, прильнувши к добродетелям, вмешавшись в строй войска, сражается как в темную ночь и потому коварнее обманывает не ожидавших и не остерегавшихся ее — под видом добродетелей пронзает и режет победителя” (138,135).

В зараженных страстью тщеславия явно просматривается недостаток истинного смирения, поэтому и лечить сие надо путем избегания всего того, что может нас выделить из других, вызвать у людей похвалы. Во всех наших поступках должны проявляться заботливая рачительность и рассудительность. Сделанное хорошо подобает “охранять с должным вниманием” (142–143, 138)... *Как вы можете веровать, когда друг от друга принимает славу, а славы, которая от единого Бога, не ищите* (Ин. 5,44) —

словами Самого Господа вопрошает преподобный Кассиан (140).

Восьмая страсть — гордость — самая лютая и свирепая, уничтожающая не одну только противоположную ей добродетель — смирение, а все добродетели (143,146). “Эта страсть, хотя последняя по времени борьбы с пороками, и по порядку исчисления ставится последней, а по важности и по времени она первая” (143). Это такая губительная болезнь, которая “повреждает смертоносным расстройством” не один член или его часть, а все тело — ей заболевают и новоначальные, могут заболеть ей и стоящие “почти на верху добродетелей” (144,143,157,146). Сила ее жестокости хорошо видна в том, “что тот ангел, который за превосходство блеска и красоты своей назван люцифером, низвержен с неба ни за какой другой порок, а за этот” (144).

Признаки гордости очевидны: надменность, несоблюдение каких-либо правил послушания или подчинения, упрямство, превозношение, самомнение, самонадеянность, пренебрежение интересами других, холодность к благочестию, даже крикливость в разговоре, “в молчании досада, в веселии громкий, разливающийся смех, в печальном случае неразумная скорбь, в ответе строптивость, в речи легкомысленность... Она не имеет терпения, чужда любви, дерзка для нанесения оскорблений, а к перенесению их малодушна...” (158,159,161,162).

Победить страсть гордости — “этого злейшего духа” — возможно лишь с помощью благодати Божией, милосердия Божия, полагая в основание страх Божий и стяжая смирение, “которое происходит от кротости и простоты сердца” (148,162). — Без усилий и трудов невозможно достигнуть евангельского совершенства, но и “одними трудами никто не может достигнуть совершенства без благодати Божией” (150). — На этом победоносном пути огромное значение имеют постоянные размышления о страданиях нашего Спасителя и всех святых, о том, что “искушающие нас обиды столько легче, сколько дальше мы отстоим от их заслуг и поведения”, также о том, “что мы через короткое время переселимся из этого века, и по скором окончании этой жизни мы тотчас будем соучастниками их” (164). Последние размышления весьма полезны не только для истребления гордости, но и всех пороков. Все восемь страстей, указанных преподобным Кассианом, искушают весь человеческий род, но нападают они не на всех одинаково. “В одном главное место занимает дух блуда; в другом преобладает ярость; в ином властвует тщеславие; а в другом гордость господствует” (250–251). Отсюда вытекает правило, что главное внимание должно направить на искоренение господствующей страсти, той, которой “раболепствуем” (251), “которая больше нападает на нас” (261).

Первые шесть страстей (чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль и уныние) соединены между собой неким “сродством”, “так что излишество первой страсти дает начало последующей”. Так, “от излишества” чревоугодия происходит блуд, от блуда — сребролюбие и т.д. В подобном же порядке надобно и сражаться против

них, чтобы вырвать их корни. Чтобы победить уныние — надо изгнать печаль, чтобы поправить печаль — должно погасить гнев и т.д. Последние же две страсти (тщеславие и гордость) также связаны подобным образом, но только между собой: тщеславие рождает гордость, чтобы истребить гордость — надо избавиться от тщеславия. С первыми шестью страстями в таком союзе они не состоят. Более того, “по истреблении тех эти сильнее плодятся, и по умерщвлении тех живее возникают и возрастают”. Этим двум страстям подвергаются особенно тогда, когда одержана победа над прочими страстями (246–247).

К восьми страстям преподобный Кассиан присоединяет еще два порока: идолопоклонство и хулу, но не ставит их в указанную выше взаимосвязь. О них он лишь свидетельствует: идолопоклонству и хуле “было подвержено множество нечестивых язычников и богохульных иудеев” (258).

Таким образом, победив сильнейшую страсть, легче одержать победу над последующими — слабейшими. Однако надо остерегаться, чтобы в противоборстве первичной — главной страсти, не обращая внимания на прочие, не быть неожиданно уязвленными и от них (251).

Совершенной чистоты достигают тогда, когда помнят, что Бог видит и знает все не только дела, но и самые тайные мысли, и когда верят, что за все сокровенное, сказанное и сделанное должно будет дать отчет на последнем и Страшном Суде (83).

С победой над страстями прекратятся и происходящие от них пороки, а их место, с Божией помощью при усердии подвижника, займут противоположные им добродетели. О последнем уже упоминалось при рассмотрении творений преподобного Иоанна Кассиана Римлянина.

3. БРАНЬ С ДУХАМИ ЗЛА ПО НАСТАВЛЕНИЯМ ПРЕПОДОБНОГО ИОАННА КАССИАНА РИМЛЯНИНА

Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных (Еф. 6,12).

В царство диавола (вельзевула) вступают чрез совершение пороков... Где царство диавола, там, без сомненья, смерть и ад, в котором кто будет, тот не может восхвалять Господа...

(Из ответа аввы Моисея в изложении преподобного Кассиана. —177).

Борьба со страстями есть вместе с тем и борьба с духовными силами зла, стоящими за ними и другими пороками. Вступившие в борьбу “по внутреннему человеку” и испытывавшие ее не сомневаются, что враги спасения

“непрестанно наветуют нам”, подстрекают ко злу, противоборствуют нашему деланию добра. В этом они имеют некоторую свободу — “им дана власть подстрекаать”. Но и человеку дана Богом сила отвергать все их действия и, более того, сокрушать их “вредоносную славу” или свободно соглашаться с ними (287,45).

Действия нечистых духов различны: обольщают людей, насмехаются над ними, иногда со свирепостью жестоко терзают их, потешаются кровопролитиями и войнами, наполняют сердца гордостью, внушают казаться “тщеславными великанами, знаменитыми, достойными внимания всех”, или наоборот — униженными, льстивыми, почтительными к высшим властям. Некоторые из них пытаются внушить людям не только ложь, но и страшнейший грех — богохульство. “Мы,—пишет преподобный Кассиан,— были свидетелями этого дела, слышали, что демон явно сознавался, что он чрез Ария и Евномия произвел нечестие святотатственного учения” (303). Священное Писание свидетельствует, что у каждого человека есть два ангела — добрый, который *ополчается вокруг болящегося Бога* (Пс. 33,8; Мф. 18,10), и злой, приступающий к нечестивому и становящийся одесную его (Пс. 108,6) (316).

Господь любящим Его и верно Ему служащим иногда посылает искушения — различные трудности, чтобы этими испытаниями или отвлечь их от возможного увлечения скоропреходящим, или еще более укрепить и приучить к терпению и прочим добродетелям. От живущих же только интересами земными и погрязающими в пороках Господь отступает, как от грешников не способных к исправлению. Потому-то преподобный Кассиан и скорбит: “Надобно считать истинно несчастными и достойными сожаления тех, которые, оскверняя себя всеми пороками и преступлениями, не терпят явно не только никакого нападения дьявольского, но и никакому не подвергаются искушению, соответствующему их делам, и никакому бичу для исправления. Ибо не заслуживают скорого и легкого врачевания в этом времени те, которых упорство и нераскаянность сердца, превосходя наказание настоящей жизни, собирает им гнев и негодование в день гнева и откровения праведного суда Божия (Рим. 2,5), когда червь их не умрет и огонь их не угаснет (Ис. 66,24)” (301–302).

Но допуская воздействие на человека нечистых духов, Господь ограничивает их способности. Они не могут знать наших мыслей, а также не знают приняты ли нами внушаемые ими греховные мысли. Одно и другое они узнают лишь по чувственным — внешним признакам, “то есть не по внутреннему движению, скрывающемуся в мозге, но по движениям и признакам внешнего человека” (290). Противоборствуя успехам подвижника, они лишь подстрекают его ко злу, но принудить совершить зло не имеют власти (287). А что они не могут вредить всякому человеку по произволу, об этом ясно свидетельствуют библейские примеры. Святой праведный Иов искушался ровно столько, сколько было позволено сие волей Божией. В святом же Евангелии говорится,

что злые духи без повеления Спасителя не могли войти даже в стадо свиней, потому просили: *Если выгоним нас, то пошли нас в стадо свиней* (Мф. 8,31) (295). Ограничивая власть искушителя, Господь наш Иисус Христос Своим примером указал действенное средство для борьбы с ним. Отвергая “тщеславного обольстителя”, Он привел изречение Священного Писания: *Не искушай Господа Бога твоего* (Мф. 4,7; Втор. 6,16). Этим свидетельством “научаемся, — говорит преподобный Кассиан, — что и мы также словами Священного Писания должны противиться лукавым внушениям врага” (577).

Другим победоносным средством в брани со злой силой служит крестное знамение, полагаемое на себя с благоговением и смиренной молитвой. О преподобном Антонии Великом сообщается: “Когда он стал изображать крестное знамение на челе и на груди своей и совершать смиренную молитву, то свирепые демоны вовсе не смели даже и приблизиться к нему и без всякого действия возвратились к тем (к волшебникам. — К.С.), которые послали их” (316-317). А сам святой Антоний учил: “Демоны никак не могут овладеть чьим-либо духом или телом, не имеют власти ворваться в чью-либо душу, если сначала не лишат ее всех святых помышлений и не сделают ее пустою и лишенною духовного созерцания” (317).

Для успешной борьбы со злым духом должно все свои помыслы открывать старцу и следовать его советам. “Первые помыслы, внушаемые им, — наставляет преподобный Кассиан, — немедля открывай старцу своему. Ибо если ты не будешь стыдиться открывать их старцу, то научишься сокрушать вредоносную главу его” (45). “Сын мой! — говорил авва Феона жившему с ним вместе в юности иноку Серапиону (впоследствии авве — К.С.), кравшему сухой хлебец, но исповедавшему свой грех, — признание твое и при моем молчании освободило тебя от этого плена; открывши свои поступки, ты поразил беса, уязвлявшего тебя при твоём молчании” (195). Авва Пиаммон учит, особенно новоначальных, следовать во всем с совершенным смирением наставлениям старцев; принимать их советы в простоте сердца и не исследовать их, не смущаться ими даже тогда, когда они будут непонятны в первое время. Именно таким образом стяжается, вырабатывается духовная опытность, необходимая и для борьбы с врагом спасения. “Никогда не придет в разумение истины тот, кто начинает учиться с исследования; потому что враг, видя, что он больше полагается на суждение свое, нежели отцов, легко доводит его даже до того, что ему будет казаться излишним и вредным даже и то, что весьма полезно и спасительно. И хитрый враг так насмеется над его самонадеянностью, что, полагаясь на свое неразумное мнение, он будет почитать для себя святым только то, что по упорству своему ошибочно будет признавать правильным и праведным” (497-498).

Также должно знать, наставляет преподобный Кассиан, что нечистые духи покоряются “святости верных”, снискивающих благодатную силу Божию (317). Авва

Иоанн рассказывал о том, как однажды к нему пришел некто “в мирском образе”. В это время у него находился одержимый “злейшим демоном” человек, исцелить которого старец не мог. Но как только вошел мирянин, злой дух устрасился и оставил больного. Старец, удивившись столь явной благодати мирянина, стал расспрашивать о его жизни. И когда узнал, что мирянин в продолжение одиннадцати лет живет с женой как с сестрой, сохраняя свое и ее девство, старец воскликнул: “После сего не удивительно, что демон, не слушавший меня, не стерпел присутствия того, коего он не мог поколебать не только в пылкое время юности, но и доселе” (424).

Но самым действенным средством в брани с духами зла является принятие Святых Христовых тайн. Преподобный Кассиан напоминает, что старцами рекомендовалось причащаться как можно чаще, “даже ежедневно”. “Мы, — вспоминает преподобный Кассиан слова аввы Серена, — недавно видели, что таким способом был исцелен (одержимый злым духом — К.С.) авва Андроник и многие другие. Ибо враг больше и больше будет нападать на одержимого им, когда увидит, что он отлучается от Небесного Врачевства, и тем злее и чаще будет мучить, чем дольше он будет уклоняться от Духовного Врачевства” (300-301).

Выйдя из брани с духами зла победителем, подвижник радуется о Господе. Состояние же злых духов Преподобный описывает так: “Нет сомненья, что когда они будут побеждены нами, то будут сокрушены двояким сокрушением, во-первых потому, что люди стремятся к святости, а они, некогда владея ею, потеряли ее и сделались причиною гибели людей; во-вторых потому, что духовные существа бывают побеждены плотными и земными” (294).

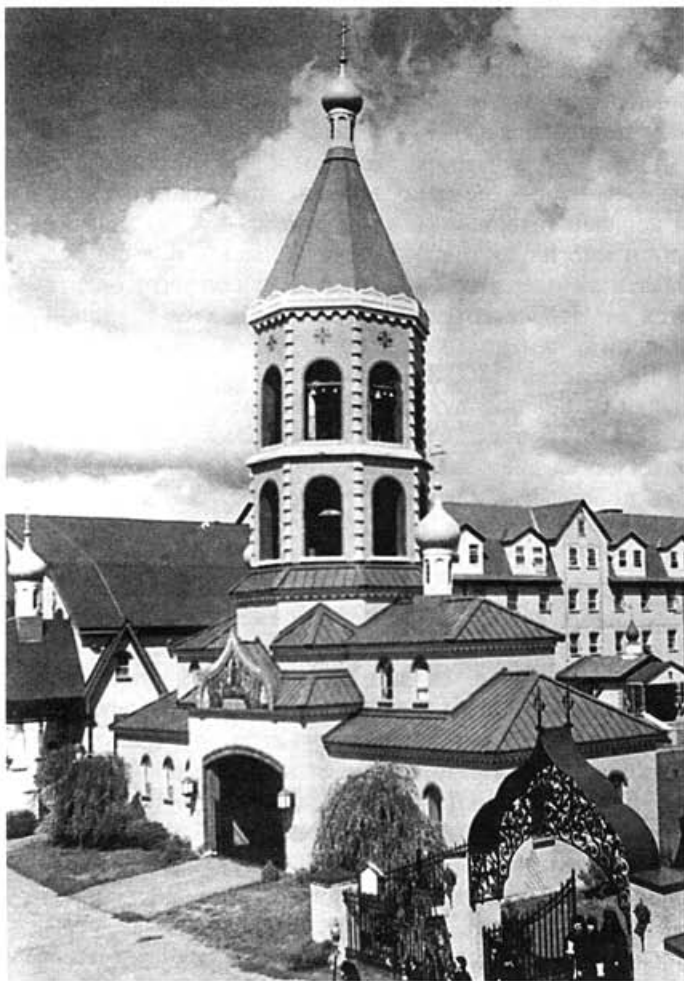
В борьбе со злыми силами, чтобы не подвергнуться их осмеянию, надо знать, что они могут покоряться и “жертвами нечестивых” или какими-либо другими знаками “своих близких”. “Прельстившиеся таким мнением фарисеи также думали, что и Господь Спаситель этим искусством повелевал демонам, говоря: *Он силою веельзевула князя бесовского изгоняет бесов* (Мф. 12,24), именно по той дружбе, по которой волхвы или волшебники чрез призвание имени князя и обряды жертвоприношения, которыми он увеселяется, как короткие друзья, имеют власть над подчиненными ему демонами” (317). Подобные явления должно отличать и остерегаться их.

При всех обстоятельствах брани с духами зла, особенно если есть боязнь их “могущества и нападения”, надо обращаться к покровительству Божию, усердно просить, чтобы Господь помог одолеть врагов спасения, “о чем говорит Апостол: *Тот, кто в вас (Христос), больше того (диавола), кто в мире* (1 Ин. 4,4). Помощь Его с гораздо большею силою поборает по нас, нежели сколько воюет против нас множество врагов... Итак, верно, что никто не может быть обольщен диаволом, если кто не захочет дать ему согласие своей воли” (287).

(Продолжение следует)

Рубеж Зарубежья

РПЦЗ стоит перед вопросом БЫТЬ или НЕ БЫТЬ частью РПЦ

Процесс развития отношений между Русской Православной Церковью и Русской Православной Церковью Зарубежом находится в наше время на очень важной стадии — похоже, что и духовенство, и миряне Зарубежной Церкви всерьез начинают осознавать, что будущее той части Русской Церкви, которую они представляют, зависит от воссоединения с Церковью в России.

РПЦЗ с момента своего образования не имеет непосредственного евхаристического общения с Московской Патриархией, и только через братскую Сербскую Церковь сохраняется живая нить благодатного общения в таинствах, поскольку сербские

архиереи и священники служат и причащаются как с духовенством нашей Церкви, так и с представителями РПЦЗ.

Подобная ситуация так называемого косвенного евхаристического общения, сложившаяся под воздействием многих причин, в свое время могла быть оправдана, но она не может продолжаться вечно. Причины, которые ее породили, в настоящее время или уже устранены, или могут быть устранены путем взаимного обсуждения назревших вопросов.

Реальный выход из данного положения — участие РПЦЗ в Поместном соборе РПЦ 2000 года. Именно этот общероссийский церковный форум должен подвести итоги XX-го столетия — наверное, самого сложного за всю историю Русской Церкви. Думается, собор смог бы разрешить те наиболее важные вопросы, которые накопились за десятилетия взаимного отчуждения и разобщения. Это хорошо понимают здравомыслящие клирики и миряне русского Зарубежья, жаждущие воссоединения со своими собратьями по вере и по крови и не желающие вырождения РПЦЗ в секту или повторения раскола XVII-го века.

Сейчас действительно переломный момент — разрыв общения нельзя больше оправдывать политическими причинами, поэтому решение об участии во Всероссийском поместном соборе должно стать важнейшим и определяющим для РПЦЗ, хотя принять это решение, судя по всему, будет непросто.

Ниже публикуются два письма, написанные клириками Зарубежной Церкви. Первое из них принадлежит перу маститого протоиерея Романа Лукьянова и адресовано собору Зарубежной Церкви, а в лице его участников, надо думать, и всей православной общественности. Другое письмо написано иноком Всеволодом — редактором журнала «Русский пастырь» — представителем молодого поколения Русской Зарубежной Церкви, и написано оно было специально для нашего журнала как попытка начать диалог на основе взаимопонимания и осознания, в первую очередь, собственных ошибок. Мы предлагаем всем читателям нашего журнала откликнуться на эти письма и таким образом продолжить начатый диалог.

21 (8) апреля 1998 г. Светлая Седмица

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Ваше Высокопреосвященство, милостивый владыка митрополит Виталий, Ваше Преосвященство, милостивый владыка Митрофан, Ваши Преосвященства, милостивые отцы архипастыри Русской Зарубежной Церкви, дорогие отцы и братья по служению у Престола Божия, и духовные чада, вверенные нам Воскресшим Господом нашим, Иисусом Христом, благословите сказать слово во Славу Божию!

В последнее время на современном общественном форуме "Интернет" завязалась оживленная дискуссия о том, что из себя представляет Русская Зарубежная Церковь и каков будет ее дальнейший путь. Читая многие странные суждения по этому поводу, я вижу необходимость поделиться мнением, в основе которого лежит мировоззренческая позиция, как я знаю из многократных разговоров за последние годы, разделяемая многими из старших священников, прошедших большой жизненный путь и приобретших богатый опыт, а также и большинством старших прихожан.

Главный вопрос — кто мы такие? Ответ дали наши архипастыри, эмигрировавшие за рубеж в процессе гражданской войны с богоборческой коммунистической властью. Имели ли они право уходить? Да, Сам Господь наш, Иисус Христос сказал апостолам: Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой (Мф. 10, 23). Но уйдя, они не порвали с Российской Поместной Церковью. Нет, ибо в "Положении о Русской Зарубежной Церкви" изданий 1926-го, 1936-го, 1956-го годов, при разных составах ее архиереев, в первой фразе определяется, что **Русская Зарубежная Церковь — это неотъемлемая свободная часть Русской Поместной Церкви** (здесь и далее выделения автора — *Прим. ред.*). Об этом неоднократно говорил и Высокопреосвященный Митрополит Виталий на собраниях священников в 1986-м и 1987-м годах (у отцов Киселева и Ларина).

Принимая во внимание сложившуюся в России в 1917-м году политическую ситуацию, Патриарх Тихон дал Зарубежной Церкви временное самоуправление впредь до возможности установления свободного общения. Прецедентом для этого служат как каноны, так и современная история Церкви Элладской, административно отделившейся после греческой революции от Патриарха Константинопольского, оставшегося (и до сего дня находящегося) в руках мусульман. Это разделение греческой Церкви не нарушило ее духовного единства, так же как и Русская Зарубежная Церковь неоспоримо оставалась в духовном единстве с поработанной коммунистическим режимом Церковью в России. Это выражалось не только в многократных заявлениях ее архиереев и церковных писателей, но, самое главное, в молитвенном прошении "**О православном епископстве гонимых Церкви Российския**, о Господине нашем, Высокопреосвященнейшем Митрополите /имя рек/, Первоиерарсе Русския Зарубежныя Церкви, о Господине нашем /местном Епископе/, честнем пресвитерстве, во Христе дьяконстве, о всем причте и людех, Господу помолимся!" В этом и подобных прошениях имя зарубежного Первоиерарха ставится **в один ряд и после** безымянного поминания возглавления Церкви в России, чем раскрывается как духовное единство Церкви Зарубежной с Церковью в России, так и самостоятельность свободного зарубежного епископата

от влияния контролируемого богоборцами епископата на территории СССР.

Принимая во внимание вынужденную подчиненность духовенства в СССР безбожной власти, практикующей неограниченный террор, зарубежные архиереи неоднократно рассматривали вопрос о благодатности Церкви в СССР и каждый раз отвергали мнения о ее безблагодатности, предоставляя суд над действиями ее иерархов будущему свободному Всероссийскому Поместному Собору.

Созыв Всероссийского Поместного Собора намечается около 2000-го года. В компетенцию Собора, безусловно, будут входить вопросы, связанные и с деятельностью архиереев Русской Зарубежной Церкви. Если Русская Зарубежная Церковь, в лице современного состава архиереев, еще является "неотъемлемой частью Русской Поместной Церкви", как о том говорит ее Положение, то она должна принять участие в Соборе независимо от имеющихся разногласий, ибо Соборы и созываются для обсуждения всех насущных вопросов и устранения разногласий. Такое участие будет исполнением Указа Св. Патриарха Тихона, ибо сказать, что Церковь в России еще несвободна, уже нельзя. Признание ее свободы после 1991-го года нашло свое выражение и в изменении прошений на Великой и Сугубой ектинях в Зарубежной Церкви, в которых было указано опустить слово "гонимая" и молиться просто о "Церкви Российской".

Также выражением признания свободы в России была организация там приходов, подчиняющихся зарубежным архиереям, что было невозможно в СССР.

Компетенции Всероссийского Поместного Собора будут подлежать и вопросы экуменизма, сергианства и прославления Святых Царственных Новомучеников. Последний вопрос уже стоит на повестке дня Собора. Вопрос об участии в экуменическом движении также уже бурно обсуждался на Архиерейском Соборе 1996-го года, и было решено пока что соблюсти статус кво. Вопрос сергианства не столь актуален в России, поскольку там все понимают, что заявления митрополита Сергия были результатом гонений, а не идейной измены Православию. Во всяком случае, участие Русской Зарубежной Церкви во Всероссийском Поместном Соборе станет гарантией того, что все эти вопросы подвергнутся тщательному рассмотрению и будет вынесено правильное решение. Таким образом, участие Зарубежной Церкви во Всероссийском Поместном Соборе приведет к достойному признанию ее 80-тилетней миссии свободного глоса всей Церкви.

Если же в Зарубежной Церкви станут доминировать всегда существовавшие, но никогда не принимавшиеся всерьез идеи о том, что Русская За-

рубежная Церковь и есть **вся** Церковь Российская, вылившиеся в организацию ее нескольких приходов в России, если подтвердятся слухи о том, что зарубежные архиереи намериваются изменить текст положения о Русской Зарубежной Церкви (а, следовательно, и ее церковное мировоззрение), то тогда никакого ее участия во Всероссийском Поместном Соборе ожидать не приходится. Тогда можно ожидать, что из неотъемлемой части Русской Поместной Церкви Русская Зарубежная Церковь превратится в самодовлеющую секту, и Всероссийскому Поместному Собору останется только констатировать, зафиксировать и обнародовать этот факт. Упаси Боже, да не будет!

В разговорах сторонников общения Русской Зарубежной Церкви с Московской Патриархией с противниками такого общения, последние, т.е. противники общения, как правило, атакуют своих оппонентов кажущимся убийственным заявлением: "Так что, вы хотите, чтобы мы подчинились?..", и дальше идут нелестные эпитеты. Такие сентенции являются очевидным абсурдом, ибо сторонники общения хотят исполнения только того, о чем постановили архиереи Русской Зарубежной Церкви на Соборе в Лесне и подтвердили в Санта-Розе, т.е. **общения**. Пример такого общения — встречи, устраиваемые архиепископом Марком, встречи наших пастырей с пастырями в России и с приезжающими из России. Необходимо, чтобы количество таких встреч увеличивалось, чтобы они поощрялись и даже организовывались, чтобы мы больше знали друг о друге. В России в церковной прессе много пишется о Зарубежье, печатаются статьи митрополитов Антония и Анастасия, архиепископов Аверкия, Никона и св. Иоанна Шанхайского, статьи отцов Михаила Польского и Василия Боцановского, труды Свт. Феофана Полтавского и многих других. К сожалению, наша зарубежная церковная пресса жестоко самоцензурируется, и о процессе возрождения и роста всей Церкви Российской почти ничего не пишется, кроме как о нескольких "наших" приходах. А возможно, Россия и переживает сейчас то духовное возрождение на короткое время, о котором говорил преп. Серафим Саровский. На сегодняшний день наша Зарубежная Церковь в нем существенного участия не принимает, и в этом наш великий грех. Не за него ли Пресвятая Троица забрала от нас Дуб Мамврийский в Хевроне, Пресвятая Богородица забрала свою икону Иверскую-Мироточивую, а Святитель Николай — свой храм! Есть о чем задуматься.

Прошу прощения у всех читателей, а у наших архипастырей — их святых молитв и архипастырского благословения.

ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ!

*Недостойный митрофорный
протоиерей Роман Лукьянов, настоятель
Богоявленского храма в Бостоне, США*

Мысли о покаянии

История человечества есть история его покаяния и его нераскаянности. Православная Церковь учит нас, что земная жизнь дана человечеству исключительно для покаяния. Современный мир, однако, занят всем чем угодно, но только не покаянием. И, увы, русский народ в этом смысле мало отличается от прочих народов земли. Это тем более горько потому, что русский народ, некогда народ-богоносец, мог бы и должен был бы воспринять на себя служение проповедника покаяния.

Но для этого нам самим необходимо принести покаяние пред Господом. Ведь наша страна до недавнего времени была великой православной державой. Нами правил православный царь, помазанник Божий, удерживающий совершение тайны беззакония. Наша Греко-Российская Православная Церковь была опорой Православных Церквей-сестер во всем мире. И вот, за грехи наши отнято у нас царство, убит наш царь, Церковь наша обуреваема противными ветрами расколов и лжеучений. Правда, кровь новомучеников и исповедников российских отчасти омыла грехи нашего народа. Свершилось крещение Руси кровью. Но теперь мы — сегодняшнее поколение россиян — должны окреститься всенародным покаянием, должны окреститься слезами... Дабы подтвердить делом свою верность пути новомучеников.

А что мы? — Веселимся, уже празднуем торжество Православия, уже облеклись в светлые одежды, уже готовы сказать: “Мы богаты, разбогатели и ни в чем не имеем нужды”, а не знаем того, что мы окаянны, жалки, нищи, слепы и наги (ср. Откр. 3, 17). Но давайте посмотрим трезво, принес ли ныне наш русский народ покаяние, хотя бы подобное покаянию 1607 года, совершившемуся при патриархах Иове и Гермогене, или всенародному покаянию ниневитян — вспомните их всенародный пост, наложенный даже на детей и на скот. Нет, не принесли мы еще пред Богом всенародного покаяния, не облеклись в пепел и в ретище, не оплакали грехи богоотступничества, царубийства и теплохладности.

Не было у нас всенародного покаяния, нет и плодов его. Зато ясно видны плоды нераскаянности: русский народ раздроблен, нет единства духовного, нет единства внутри страны, нет единства между русскими православными христианами во отечестве и в рассеянии сущими. Предлагаются, правда, сотни планов спасения. Но путь спасения предугазан Богом только один — **покаяние**. (Здесь и далее выделения автора — прим. ред.) Вроде бы мы понимаем это, но достаточно ли глубоко понимаем?

Посудите сами. Русская эмиграция вынесла с собой из России и сохранила до сего дня идею белой борьбы с безбожной властью. Но чтобы принести Господу добрые плоды, одной этой идеи явно недостаточно. Поэтому выдающиеся русские зарубежные архипастыри и пастыри, такие как свт. Иоанн (Максимович), архиеп. Симон Пекинский, архиеп. Феофан Полтавский, митр. Филарет (Вознесенский) и другие, всегда старались внушить эмиграции мысль о необходимости жизни всецело покаянной. Вот отрывок из “Слова при наречении” Епископа Константина († 1996 г.) Ричмондского и Британского, сказанного

в 1967 году: “Когда я спрашиваю себя, — говорит еп. Константин, — что является характерной чертой священства в рассеянии, то на ум приходит одна и та же мысль — священство наших дней обязывает нас быть апостолами покаяния, и горе нам, если мы этого не понимаем. Считаю, что в архипастырском служении такое сознание и такая проповедь о покаянии должны занимать главное место, ибо других путей духовного обновления у нас нет. Не внимал наш русский народ праведнику св. Иоанну Кронштадтскому. И вот мы рассеяны... И на реках рассеяния сидим и плачем. Господи, услыши нашу молитву, нашу скорбь, дай нам понять всю глубину нашего падения, избавиться от озлобления и быть достойными нашей многострадальной Родины!”

К сожалению, русская эмиграция, в своем большинстве, пока еще не откликнулась на эту проповедь покаяния. Эмиграция живет и духовно питается, главным образом, своей старой идеей — внешней борьбы, идеей земной борьбы с земным злом за земное добро, идеей противостояния внешнему врагу. В этой идее, разумеется, нет ничего предосудительного, если ее не поставять во главу угла, забывая о духовном оружии христиан — покаянии и смирении, о необходимости вести брань с духами злобы поднебесной, а не с плотью и кровью.

Ведь жестокая безбожная власть есть наказание Божие. Наказание, ниспосылаемое Самим Богом, а не людьми. Посему нужно прежде всего покаяться в грехах, за которые Господь попустил восторжествовать власти безбожников. А без такого покаяния внешняя борьба с этой властью бессмысленна. Такая борьба свидетельствует лишь о нашей закоснелости в нераскаянности, о нашем нежелании признать те грехи, за которые мы наказаны Богом.

Очень важно также понимать, какова цель нашей внешней патриотической борьбы. Что мы хотим возродить? — Ту предреволюционную Россию? Но если так, то такая Россия непременно принесет нам в подарок только новую революцию, как это и случилось в начале XX века. Другое дело, если наша цель — возрождение святорусского уклада жизни, возрождение Православного царства. Но понимаем ли мы, к чему это нас обязывает? Ведь живя в таком царстве, нельзя служить одновременно Господу и мамоне. Не стоит ожидать и материального могущества. Бытие народа в таком Царстве есть крест, есть своего рода добровольное всенародное самопожертвование Христа ради. Готовы ли мы к этому? Если нет, то надо готовиться молитвою и постом. Или мы хотим построить империю, где будут блестящие генералы, парады, дворяне, вельможные архиереи, но не будет духовного подвига служения Христу, служения даже до смерти?

Духовные провидцы русского зарубежья, такие, например, как архимандрит Константин (Зайцев, † 1975 г.), всегда с надеждой взирали на Восток, в сторону дорогой их сердцу, но молчаливой в то время подъяремной России. Вот какие замечательные слова, дышащие христианским упованием, написал о. Константин в 1960 (!) году: “Знаем мы разве те силы, которые зреют в советском подполье? Их нельзя ограничивать формально рамками так называемой

катакомбной Церкви... Может существовать внутренняя направленность ко Христу в каждом сердце. Они (т.е. такие люди — *и.В.*) тоже, может, ожидают лишь повода, основания, практической возможности, какого-то решительного толчка, чтобы явить себя, рождая в совокупности некую спасительную стихию покаянного возрождения России" (Архим. Константин. "К познанию нашего места в мире").

Вот оно искомое и желанное — всенародная спасительная стихия покаянного возрождения России! Безусловно, русская эмиграция в лице ее лучших представителей старалась сохранить и сохранила святорусское мировоззрение, но насильственно насадить его в России она не могла и никогда не сможет. Святорусская вера священна, но ее нельзя принести в Россию на штыках или прислать в виде брошюр от наставников, которые сами предпочитают оставаться на Западе. Святорусская вера есть дар Божий. Эмиграция сохранила этот дар в зарубежье, но воспринять его может только открытое сердце русского народа, добровольно решившего вернуться к своей православной почве, к отеческим корням.

А что же в России? Церковный народ снова и снова заявляет, что он еще духовно жив, несмотря на многолетние усилия безбожников и их добровольных слуг из церковной среды, несмотря на потуги современных модернистов, обновленцев и экуменистов. Церковный народ жив, готово сердце его принять проповедь покаяния. Но где же апостолы и проповедники спасительного покаяния? Редки и тихи пока их голоса. Одни с опаской смотрят по сторонам, не решаясь возвысить голос. Другие не спешат возвращаться из-за моря. Да и понятно — ведь зарубежную паству тоже не бросишь... А народ тем временем ждет. Народ русский лежит, как "впавший в разбойники", и ждет своего доброго самарянина. А вместо доброго самарянина к нему приходят лекари с лживой лестью и успокоительным снотворным или с фарисейскими обличениями: мол, поделом тебе и досталось.

Хочется верить, что молитвами святых новомучеников и исповедников российских Господь воздвигнет в русской земле проповедников истины и любви Божией. И они, эти проповедники, скажут народу слово святой правды. Они не будут смотреть на лица, не будут бояться потревожить застаревшие гнойные раны Отечества. Они открыто объявят об этих гнойниках, чтобы исцелить их. А исцелить нужно прежде всего раны нашей церковной жизни. Ибо Россия невоцерковленная, неправославная — это всего лишь гроб, на крышке которого печальная надпись "Россия"... Недруги православной русскости сами же этот гроб и сколотили, а теперь потешаются над ним, ругаются, плюют в него.

Что же это за раны церковной жизни, которые необходимо как можно скорее исцелить? Во-первых, это наследие советского времени, осевшее серой пылью на церковной организации, — ясно, что сие "наследие" должно быть решительно осуждено и отвергнуто. Во-вторых, это реформистские веяния, которые, влившись в русское Православие, стремятся выхолостить его сущность. Здесь и экуменизм, и модернизм, и гордое реформаторство, и обмирщение Церкви. И от всех сих недугов лекарство одно — покаяние. Назвав грехи и недостатки нашей церковной жизни, мы должны покаяться и твердо решить отныне более не участвовать в этих делах тьмы.

Но пока, увы, этого нет. Так что уж тут говорить о других трудностях нашей российской государственной и церковной жизни, когда самые корни нашего отечества продолжают подтачивать черви нераскаянности. Долго ли Господь еще будет терпеть нас? Он посылает нам Свои знамения, но мы ослепили сердца наши. Или мы думаем, что мы более праведны, чем те люди, которые погибли недавно в Иркутске при падении на город самолета? Или мы праведнее шахтеров, погибших недавно в воркутинской шахте? Нет, мы ничем не лучше их, и если не покаемся, то все погибнем. Погибнем не только физически, хотя, конечно, смерти физической никто не избежит, но погибнем духовно, погибнем на веки вечные.

Русскому зарубежью тоже недавно были явлены грозные знамения: сокрылась от нас Иверская мироточивая икона Пресвятой Богородицы, пребывание которой с нами всегда понималось как свидетельство благоволения Божия, сгорел кафедральный собор в Монреале...

Нам бы, русским людям, живущим в России и за рубежом, задуматься над всеми этими грозными предзнаменованиями да объединиться в спасительном покаянии, ибо только это и может, наконец, соединить весь русский народ в единую духовную целостность и возродить землю русскую.

Долго ли еще мы будем веселиться, опьяненные постсоветским похмельем? Юбилеям и торжествам нет числа. Нам бы пеплом посыпать головы и объявить всенародный пост, а мы празднуем, покупаем, продаем, ссоримся, все больше духовно размежевываемся, коснеем в нераскаянности.

"Доколе, Господи, доколе?" — летит этот скорбный стон земли русской, костей ее мученических, к небу. Слава Богу, что тому, кто желает спастись, еще оставлена эта благая возможность. Но Россия, народ русский, что с ними будет? Ужели не воспользуемся мы возможностью всенародного покаяния, купленной дорогой ценой крови новых русских мучеников и исповедников Православия?

Вопросы, вопросы... Как хочется найти верный ответ. Может быть, кто-то найдет лучший ответ, но лично мне кажется, что каждый должен начать делание покаяния с себя самого. И если есть решимость, то должно приносить покаяние пред лицом всех верующих, всего народа Божия. Ведь такое покаяние известно было древней Христианской Церкви. Несомненно, что каждый вздох кающейся души будет улучшать духовный климат России, будет подвигать к покаянию и другие души. И Бог даст — эти отдельные покаянные голоса, слившись, образуют ту самую долгожданную всенародную спасительную стихию покаянного возрождения России.

А посему простите мне, убогому, мое дерзновение и поверьте, что искренне я прошу прощения за себя самого и за моих сродников, без покаяния почивших, да простит нас Господь за причастность, прямую или косвенную, ко греху царевийства и богоборчества. Простите меня, православные братья в России, если, рассуждая о церковных вопросах, я обличал вас с гордостью, забыв о кротости. Простите, русские люди, в рассеянии сущие, что, говоря о трудностях нашей зарубежной жизни, я забыл о своих личных греховных язвах. Господи, прости, помилуй, не оставь нас Своим всеблагим попечением и милостью. Сам наставь народ наш на покаяние, ибо не на кого нам больше надеяться...

*Инок Всеволод,
Свято-Троицкий монастырь, Джорданвилль (США)*

В КОГО МЫ ВЕРИМ?

Невеселые размышления по поводу статьи А.П. Баркашова "О национальном происхождении Иисуса Христа" ("Русский порядок", №1 (46), 1998г.)

Надо сразу сказать, что вызывает удивление сам факт появления статьи подобного рода в прессе, которая называет себя патриотической. Какое значение может иметь данная проблематика, когда речь идет о патриотизме, национальном единстве, в конечном итоге — о любви к Родине и к России? На первый взгляд, никакого. Иного мнения придерживается Александр Петрович Баркашов, лидер организации Русское Национальное Единство.

Кто для нас Иисус Христос?

Национальность Христа — это, по мысли лидера РНЕ, краеугольный камень православного патриотизма и истинным христианином может считаться только тот, кто "исповедует во Христе" голубой цвет глаз, светлый цвет волос и бороды, индоевропейский тип Его лица и то, что Христос говорил на санскрите.

Когда проблема национального происхождения Спасителя выходит на первый план, заслоняя собой сущность христианского вероучения, то возникает естественный вопрос: Кто для нас Иисус Христос: племенной вождь, авторитет которого должен способствовать национальному объединению, или Бог, спасающий нас от проклятия и смерти? Для верующего разума ответ очевиден, а человек, для которого христианство — только идеология, предпочтет, как говорил Достоевский, остаться со своей "истиной", нежели со Христом.

Насколько в действительности важна национальная принадлежность Сына Божия?

Задаваясь этим важным вопросом вслед за Александром Петровичем, мы в то же время начинаем недоумевать, когда читаем утверждения о том, что "причисление Иисуса Христа

и Пречистой Матери Его к евреям является самым древним, самым злонамеренным искажением Евангельских канонических текстов", что между Богом Ветхого Завета и "Небесным Отцом Христа нет ничего общего, и, более того, они являются полярно противоположными по своей сути". При этом нас пытаются убедить в том, что в Евангелии мы не найдем и намека на еврейское (по человеческой природе) происхождение Господа.

Чтобы спокойно во всем разобраться, обратимся, как предлагает А.П. Баркашов, к свидетельствам Нового Завета. Апостол Матфей, называемый также Левием, один из двенадцати ближайших учеников Христа, начинает свое Евангелие, которое традиционно помещается первым среди книг Нового Завета, с родословия *Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова* (Мф. 1, 1). Вот, что пишет по этому поводу блаженный Феофилакт, архиепископ Болгарский: "С Авраама начинается евангелистическое родословие потому, что он был отцом евреев, и потому, что он первый получил обетование, что "о его семени благословятся все народы". Итак, прилично от него начать родословие Христа, ибо Христос есть семя Авраама, в котором получили благословение все мы, которые были язычниками и находились прежде под клятвой".¹

Евангелист Матфей писал свое Евангелие для палестинских евреев и прежде всего хотел показать что Иисус Христос есть обещанный Богом Мессия, пришествие Которого евреи ожидали. В отличие от Матфея, Лука писал Евангелие для христиан из язычников, поэтому он начинает родословие Христа с Адама и так же, как Матфей, доводит его до Иосифа,

¹ Святое Евангелие от Матфея с толкованием блаженного Феофилакта. М., 1996. С. 6.

обручника Девы Марии, через Авраама и Давида. Евангелисты умалчивают о происхождении Пресвятой Девы Марии, поскольку, по закону Моисея, *всякая дочь, наследующая удел в коленах сынов Израилевых, должна быть женою кого-нибудь из племени колена отца своего* (Числ. 36, 8).

Итак, Евангелие недвусмысленно говорит о еврейском происхождении Иисуса Христа, и этот факт лишний раз иллюстрирует действительно безупречный тезис А.П. Баркашова о том, что перетолковывать Евангелие "не дано права никому: ни Римскому папе, ни какой-либо маме, ни патриархам, ни митрополитам..." В этот открытый список следовало бы, очевидно, внести еще и лидеров политических партий и движений.

Насколько важна для нас внешность Иисуса Христа?

В доказательство своей теории лидер РНЕ приводит данные по исследованию Туринской плащаницы, а также первое в истории изображение лика Спасителя — "Спас на убрусе". И хотя повествование в статье, посвященной Христу и христианству, неожиданно приобретает черты антропологического исследования, тем не менее, приведем здесь вывод, который делает Александр Петрович: "Любой желающий может... убедиться, что у Спасителя светлые волосы, голубые глаза, светлая кожа и абсолютно европейские черты лица". Даже если мы не будем принимать во внимание, что лицо, запечатленное на Плащанице, изувечено (перебита носовая кость, рассечена скула, опухла левая щека), что икона это не портрет в духе художника Шилова, что назначение ее состоит в возведении ума от образа к первообразу, и если внешность Спасителя именно такова, как ее описывает А.П. Баркашов, то все-таки напрашивается вопрос: что же из этого следует? Логично

ка рассуждений лидера РНЕ с неизбежностью приводит нас к такому заключению. Иисус Христос — племенной бог индо-ариев, который поможет нам основать могущественное национальное государство, поставив нас выше всех народов. Вспомним, что именно такого Мессию ждала большая часть еврейского народа, превратно понимавшего ветхозаветные пророчества и придававшего им сугубо земной смысл. Такое понимание в корне противоречит проповеди Христа о Царствии Божием, царстве духовном, сверхприродном, царстве, которое начинается на земле и не имеет конца. Таким образом, отрицая еврейское происхождение Христа, мы вынуждены уподобляться евреям духовно, вынуждены вслед за ними распинать подлинного Христа и отречься от Него.

На каком языке говорил Христос?

После вышеприведенных суждений уважаемого автора разбираемой статьи, читателю уже не приходится удивляться, что по мнению А.П. Баркашова, Христос и Его одиннадцать учеников, за исключением предавшего Его Иуды, говорили на санскрите. Если это действительно так, то сказано, несомненно, новое слово в богословской науке. Но так ли это на самом деле? Действительно, Христос и Его ученики были галилеянами, и язык, на котором они говорили, несколько отличался от еврейского, главным образом, в плане произношения. Жители Иерусалима постоянно высмеивали скверный выговор галилеян. Именно поэтому, как справедливо указывает А.П. Баркашов, был узан Петр, стоявший во дворе Каиафы и ожидавший исхода суда над Учителем. Он говорил с акцентом, но на том же самом языке, что и обличавшие Петра, поскольку, как видно из евангельского повествования, они понимали друг друга.

Следующий аргумент лидера РНЕ в пользу выдвинутой им теории — слова Христа, сказанные Им на Кресте: *Элои! Элои! ламма савахвани* (Мк. 15,34). Оказывается, Христос здесь говорит на санскрите, и “дозвучно приведенные в евангелии последние слова Сына Божьего ни фонетически, ни морфологически не

имеют ничего общего с древнегреческим, древнеиудейским и арамейскими языками”. Это утверждение столь же смелое, сколь и откровенно ложное, поскольку все указанные слова имеют арамейско-еврейское происхождение. Это аксиома, не требующая доказательства при наличии минимального уровня филологических знаний. По-видимому, у автора разбираемой статьи и у его референтов даже такой уровень отсутствует. Ведь следуя их логике, окающих жителей нижегородской области следовало бы отнести к японскому этносу.

К чему это ведет?

Любая попытка прочтения и истолкования Священного Писания вне контекста церковной святоотеческой традиции ведет к его искаженному пониманию, к заблуждениям и ересям. Странно, что этот общеизвестный факт был оставлен без внимания лидером РНЕ, неожиданно углубившимся в богословскую проблематику. Страшно то, что сочинения подобного рода, если к ним относиться серьезно, далеко небезобидны. Некоторые действительно безупречные положения перемешаны здесь с грубыми заблуждениями и произвольными домыслами.

Так, противопоставляя Бога Ветхого Завета и Небесного Отца Христа, А.П. Баркашов, осознанно или не сознавая того, расторгает внутреннее единство Библии, отделяет Ветхий Завет от Нового и фактически обесценивает значение ветхозаветных писаний, разрывает непрерывную традицию истинного богочитания. При этом оказываются перечеркнутыми ветхозаветные откровения Бога и мессианские пророчества. *Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить*, — говорит Христос (Мф. 5, 17). Забывая об этом, Александр Петрович пытается выставить Иисуса Христа каким-то самозванцем, неизвестно откуда пришедшим и неизвестно кем посланным в мир. Более того, в статье мы обнаруживаем кощунственное заявление о том, что Бог Ветхого Завета — это иудейский племенной бог Яхве, дьявол, лжец и отец лжи. Абсурдность, если не злонамеренность этого заключения очевидна, тем не менее обратимся к Евангелию: *Тогда ска-*

зали Ему: кто же Ты? Иисус сказал им: от начала Сущий как и говорю вам (Ин. 8, 25). Так же называет Себя Бог в Ветхом Завете: *Единый и Истинный Бог* (Исх. 3, 14).

Пытаясь придать христианству национальный характер, лидер РНЕ вольно или невольно покушается на самую суть проповеди Христа. Христианство — не национальная религия индоевропейцев, не идеология. Христос — не национальный лидер, не племенной вождь. Мы верим во Христа, спасающего нас Бога, Бога Истинного, Живого, Бога Любви. *Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные*, — говорит Он, — *и Я успокою вас. Возьмите иго Мое на себя, и научитесь от Меня: ибо Я кроток и смирен сердцем: и найдете покой душам вашим. Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко* (Мф. 11, 28–30). И в отклике человеческой души на этот призыв, в этом стремлении к Нему, по слову апостола Павла, *нет уже иудея, ни язычника, нет раба, ни свободного, нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе. Если же вы Христовы, то вы — семья Авраамово и по обетованию наследники* (Гал. 3, 28–29).

Кому нужен такой патриотизм?

Патриотизм — это любовь к Родине, к народу, к его обычаям и традициям, к его святыням и вере. Патриотизм А.П. Баркашова имеет мало общего с подлинным патриотизмом, поскольку попирает основы Православной веры нашего народа, и в лучшем случае является по-человечески понятной, но крайне болезненной реакцией общественного сознания на засилие инородцев в структурах власти, в финансовой олигархии и в средствах массовой информации, а в худшем — провокацией, которая выгодна тем же ненавистникам России и ее народа. Так кому нужен такой слепой патриотизм?

По-видимому, только тем, кому необходимо окончательно скомпрометировать саму идею патриотизма и получить возможность управлять патриотическим движением и контролировать его.

Евгений ПЕТРОВСКИЙ,
лектор МДС

Памяти архимандрита Георгия (Тертышникова)

"Со святыми упокой душу усопшаго раба Твоего..." — такими словами напутствует Православная Церковь умершего христианина. Земная жизнь дается человеку для подготовки к блаженной вечности. Особую ценность в очах Божиих представляют те из людей, которые ради достижения Царства Небесного оставляют все и, взяв крест свой, следуют за Христом (Мф., 19,27). Ради любви к Богу они часто с радостью терпят в этой жизни скорби и болезни, насмешки и поношения. Каждый из них подвизается там, куда он поставляется промыслом Божиим. Во все времена служение на поприще христианского образования и воспитания было особо богоугодным делом, потому что Святое Евангелие говорит, что тот *кто сотворит* (т.е. исполнит заповеди) *и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном* (Мф. 5,19). Эти слова можно в полной мере отнести к дорогому батюшке, преподавателю Московской Духовной Академии и Семинарии, насельнику Троице-Сергиевой Лавры архимандриту Георгию (Тертышникову), кончина которого произошла утром **2 октября 1998г.**

Вся жизнь отца Георгия была духовным подвигом, подвигом служения Богу и людям. Он был кротким и смиренным тружеником на ниве Христовой, имел необычайно доброе сердце, был открыт для каждого, кто к нему обращался за советом. Многие получали от него и мудрое назидание в житейских делах, и слово утешения в тяжелую минуту, и даже консультацию по какому-нибудь богословскому вопросу. Батюшка всегда говорил о пользе систематического духовного образования и часто напоминал, что хорошо подготовленный пастырь, прошедший курс наук в Духовной школе, может принести гораздо больше пользы Церкви, чем тот, кто этого образования не имеет. Но настоящее богословское образование батюшка не мыслил без подвига духовной жизни. Сердце, очищенное от греха и страстей, — вот та добрая почва, на которой может принести сторичный плод брошенное семя слова Божия. Среди своих духовных чад батюшка имел и тех, кто постигал "светскую" премудрость. Многих из них отец Георгий благословлял после вузов поступать в аспирантуру, писать кан-

дидатскую и докторскую диссертации. Только все должно было быть с молитвой, смирением и страхом Божиим. Лишь бы человек трудился, лишь бы не был в праздности, лишь бы развивал те таланты и способности, которыми наделил его наш Премудрый Творец... Но, наверное, больше всего батюшка заботился и переживал за своих питомцев из Духовной школы. Помню, как, поступив в 1-й класс МДС, я впервые встретился с отцом Георгием на занятиях. Он был назначен нашим классным наставником и преподавал нам Библейскую историю. Сейчас становится понятно, почему отец Георгий не стремился обучать академистов и почему он долгое время преподавал в 1-м классе Семинарии. Дело в том, что только-только поступившие в Духовную школу юноши нуждались в особо внимательном к себе отношении. Перед ними нужно было раскрыть всю высоту и ответственность будущего пастырского служения. А сделать это мог только человек мудрый и духовно опытный. С первых встреч нам говорилось, что нужно обязательно иметь духовного наставника, по совету которого необходимо поступать. Батюшка любил повторять: "Спасение без духовника возможно, а духовное возрастание очень затруднительно". Чтению святоотеческому он придавал особое значение. Вся свою жизнь отец Геор-

гий изучал творения свт. Феофана Затворника и многим рекомендовал читать его богомудрые сочинения. Новоначальным батюшка советовал читать Жития Святых, а также творения тех святых отцов, которые подвизались сравнительно недавно, например в прошлом столетии, и которые более близки нам по духу времени.

Тем, кто обращался к нему, отец Георгий помогал мудрым советом. Бескорыстная любовь, чуткое внимание и сострадание, которые проявлял батюшка к людям, помогли оттаять окаменевшим и ожесточенным сердцам. И каждый, кто окормлялся у отца Георгия, хотел бы и всю последующую жизнь провести под его духовным руководством.

Но недолгое время суждено было прожить батюшке. На 58-м году, после непродолжительной болезни он ушел из этого мира. Кончина его была христианская, непостыдная и мирная, перед которой его соборовали, а за полчаса до смерти Господь сподобил батюшку приобщиться Святых Христовых Тайн. Отпевание архимандрита Георгия совершалось 4 октября 1998г. в Успенском соборе Троице-Сергиевой Лавры после поздней литургии собором духовенства. Службу возглавлял ректор МДАиС Преосвященнейший Евгений, который в кратком слове рассказал о жизни батюшки, о его заслугах и трудах на пользу Церкви. После отпевания ко гробу стали подходить братья монастыря, преподаватели и студенты Академии и Семинарии, духовные чада и все те, кто хотел в последний раз попрощаться с ним. В этот воскресный день в Лавре была особенная атмосфера. Когда гроб с телом почившего был вынесен из Успенского собора, сотни людей следовали за ним, под зауспокойный звон лаврских колоколов провожая батюшку в последний путь.

Вечная тебе память, дорогой батюшка. Вся твоя жизнь была посвящена служению Церкви и народу Божьему. Ты был добрым пастырем и душу свою полагал за овец. Верим, что смерть нас не разлучила, а ты перешел в жизнь вечную, где будешь у Престола Господня молиться за нас, грешных.

Диакон Андрей Овчинников,
3 курс МДА

Все флаги будут в гости к нам...

Предстоятели Поместных Православных Церквей — гости МДА

воскресенье **30 августа** в Троице-Сергиевой Лавре и Московских Духовных школах в рамках официального визита в Россию побывал Блаженнейший Савва, Митрополит Варшавский и Всея

Польши. В этот день Его Блаженство совершил Божественную литургию в Успенском соборе Лавры в сослужении преосвященнейшего Евгения, епископа Верейского, ректора МДАиС.

После литургии Блаженнейший митрополит Савва встретился с преподавателями и студентами Московских Духовных школ. Владыка ректор поздравил Его Блаженство с избранием на первосвятительский престол Польской Православной Церкви в мае этого года и объявил, что 25 августа Совет МДА постановил избрать митрополита Савву почетным членом Московской Духовной Академии. После доклада секретаря Совета архимандрита Платона (Игумнова) о биографии и трудах митрополита Саввы состоялось вручение диплома.

Высокий гость поблагодарил Совет МДА за оказанную честь и обратился к присутствующим на русском языке, выразив свою радость по поводу встречи с "русской богословской молодежью". Его Блаженство отметил огромную важность для жизни Церкви богословского образования, которое должно "нести мудрость Иоанна Богослова людям". Затем митрополит Савва кратко охарактеризовал историю Православия в Польше как многовековое противостояние натиску католичества. "Церковь Христова, руководимая Духом Святым, непобедима," — отметил владыка, говоря о труднейшем периоде после Брестской унии и о восстановлении православной иерархии благодаря "умной хитрости" митрополита Петра Могилы. Его Блаженство указал на страшные последствия Второй мировой войны и тяготы послевоенных гонений, когда "католики боролись с Православием руками коммунистов".

В то время в Польше оставался всего один православный епископ, и были

Блаженнейший Савва, Митрополит Варшавский и Всея Польши

разрушены все монастыри. Митрополит Савва оказался первым в послевоенное время монахом из православных поляков, приняв постриг в Сербии в 1964 году. Сейчас в Польше уже шесть монастырей. Говоря о современном положении Польской Православной Церкви, Его Блаженство особенно отметил плодотворную деятельность среди военнослужащих, которых окормляет отдельный епископ. В Польше полковым священником присваиваются воинские звания, а сам митрополит Савва имеет звание генерала.

После своего выступления Блаженнейший Савва ответил на вопросы преподавателей и студентов. Владыка ректор поблагодарил митрополита за "глубокое по содержанию и живое слово". На память о посещении Лавры и Академии митрополиту Савве была подарена икона Успения, написанная учащимися Иконописной школы, и альбом древнерусской живописи Троице-Сергиевой Лавры. В завершение встречи все ее участники сфотографировались с владыкой Саввой в академическом Покровском храме, где Его Блаженство тепло попрощался

со студентами и преподавателями, пригласив в Польшу всех желающих подвизаться на ниве миссионерства.

7 октября гостем Академии стал Предстоятель Албанской Православной Церкви Блаженнейший Анастасий, архиепископ Тиранский и Всея Албании. Встречу со студентами и преподавателями открыл ректор МДАиС епископ Евгений. Секретарь Совета МДА архимандрит Платон (Игумнов) зачитал доклад, посвященный жизненному пути архиепископа Анастасия. Одно перечисление ученых степеней и званий этого видного православного иерарха-богослова заняло немало времени.

Свое слово Блаженнейший Анастасий посвятил, главным образом, современному пониманию богословия. "Наше богословие, — отметил Его Блаженство, — должно быть постоянным размышлением о деле спасения во Христе и исполнением воли Божией".

Учитывая, что многие проблемы в наше время приобретают общечеловеческий размах, Албанский Первосвятитель подчеркнул, что "наше стремление к осуществлению молитвы *да будет воля Твоя* не должно ограничиваться только нами или каким-то узким кругом людей, но должно распространяться на весь мир". В качестве примера владыка привел молитву преподобного Силуана Афонского: "Господи, сподоби меня плакать о себе самом и о всем мире, чтобы познали Тебя все народы и чтобы жить нам вечно вместе с Тобой!"

Блаженнейший Анастасий показал, что наше богословие должно быть, во-первых, постоянным стремлением к свободе и любви Христовой; во-вторых, славословием и призывом к празднику через познание силы Креста и Воскресения; и, в-третьих, сиянием радости и пасхального торжества Церкви. "Значение этого живого богословия огромно, — подчеркнул Его Блаженство, — так как все люди в своем сердце желают преодоления смерти, стремятся к полноте жизни. Они ищут живого Христа — Путь, Истину и Жизнь, хотя и празднуют Воскресение".

Образ Богородицы — дар Блаженнейшего Анастасия Московской Духовной Академии

В заключение высокий гость пожелал всем присутствующим всегда иметь пасхальную радость всю жизнь. Затем состоялось вручение владыке Анастасию диплома почетного члена МДА.

Александр Войтенко, 3 курс МДС

Престольный праздник Академии

14 октября, в день Покрова Пресвятой Богородицы Московские Духовные школы отметили свой престольный праздник. Праздничную

Божественную литургию в Академическом Покровском храме возглавил Святейший Патриарх Болгарский Максим. С 1950 г. вошло в традицию проведение в этот день торжественного годовичного акта с подведением итогов минувшего учебного года. В этом году акт ознаменовался присутствием двух предстоятелей поместных Церквей — Святейшего Патриарха Алексия и Святейшего Патриарха Максима.

С торжественной актовой речью, посвященной 550-летию автокефалии

Русской Православной Церкви, выступил протоиерей Владислав Цыпин.

Святейший Патриарх Алексей обратился к собравшимся со своим первосвятительским словом, в котором особо остановился на целях богословского образования и трудностях служения Церкви. “Пусть над вами будет всегда распростерт благодатный покров Пресвятой Богородицы, — пожелал Его Святейшество учащим и учащимся, — по молитвам Которой Господь да подаст всякий дар, всем и коемуждо благопотребен”.

Затем состоялось вручение памятных наград Русской Православной Церкви Святейшему Патриарху Максиму и членам болгарской делегации по случаю 50-летия со дня открытия подворья Болгарской Православной Церкви в Москве. Болгарский Первосвятитель обратился к собранию с благодарственной речью и наградил МДАиС высшей наградой БПЦ — орденом святых равноапостольных Кирилла и Мефодия I степени.

С поздравлениями в адрес Московских Духовных школ выступили президент Фонда единства православных народов В. А. Алексеев, ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии епископ Тихвинский Константин, ректор Московского Свято-Тихоновского Богословского Института протоиерей Владимир Воробьев. Были зачитаны поздравительные телеграммы.

Святейший Патриарх Алексей наградил протоиерея Владислава Цыпина крестом доктора Церковной истории и вручил памятные подарки учащимся, показавшим наилучшие успехи в учебе и несении своих послушаний.

Михаил Первушин, 3 курс МДС

“Эсхатология” в Дубне

17 сентября в Дубне проходила IX Международная конференция из цикла “Наука. Философия. Религия”. Тема конференции звучала весьма злободневно и интригующе: “Эсхатология”.

Впрочем, начало заседаний выглядело довольно официально. После того, как профессор Осипов кратко наметил цели конференции, с докладом выступил В.Н. Первушин (ОИЯИ). В своем выступлении, почему-то называвшемся “Физика и богословие о конце времен”, профессор Первушин слегка пожурил Эйнштейна за гордость, похвалил Пуанкаре за смирение, сообщил последние гипотезы об эволюции Вселенной и вы-

Святейший Максим, Патриарх Болгарский, возглавил Божественную литургию в престольный праздник Покровского храма Московской Духовной Академии

разил надежду, что до конца света еще есть время их обсудить.

Следующим был доклад проф. А.П. Акифьева (МИФИ), называвшийся "Биоэсхатология". В кратких чертах его суть можно выразить следующим образом: в силу отсутствия предсказательной ценности теория Дарвина абсолютно ничего не дала практике, и потому в наше время оставлена всем прогрессивным научным миром. Ее место претендует занять очень популярная теория прерывистого равновесия Гулда Эддриджа. Согласно этой теории время существования вида можно разделить на два периода. Первый — стазис, очень продолжительный, когда с видом ничего не происходит. Второй период — перелом, когда вид быстро превращается в другой вид или просто вымирает. Когда-то на земле было 65 млн. видов животных и растений. Сейчас всего 2 млн. Почему вымерли остальные? Теория Гулда Эддриджа этого не объясняет. Мнение Акифьева: "Дело не только в изменении внешних условий. Вымирание было заложено в генетической программе видов. Не исключено, что также запрограммировано и время существования вида *Homo sapiens*. Если биология сможет это доказать, она тем самым научно подтвердит религиозное учение о неизбежном конце света". Доклад Акифьева вызвал большой интерес и оживленную полемику.

Затем за ним последовал доклад диакона Андрея Кураева "Эсхатология и политика". Говоря на свойственном ему образном миссионерском языке, о. Андрей своеобразно описал финал человеческой истории, что в бледном пересказе может быть представлено так: "Христос придет не тогда, когда человечество станет высшей расой и придет время раздавать пряники, а тогда, когда люди окончательно погрязнут в собственных нечистотах".

А.П. Акифьев как биолог очень заинтересовался этим физиологическим признаком конца света и попросил разъяснений. Вслед за ним с упреком к о. Андрею обратился профессор П.С. Исаев (ОИЯИ): "Я не пойму, о каком конце идет речь..." Атмосфера стала заметно накаляться, но в этот момент А.И. Осипов дипломатично предложил слово о. Кириллу Копейкину (СпБДА), умиротворившему аудиторию вдохновенной речью о

логосах в мире и человеке. Затем выступил доктор А.М. Чечельницкий (ОИЯИ), объяснивший быстрое Крещение Руси сметливостью христианских священнослужителей, во-время воспользовавшихся появлением кометы Галлея, перепугавшей киевлян. В противоположность этой теории, отдававшей вульгарным материализмом, А.И. Осипов в своей речи решительно настаивал на приоритете духовных факторов, определяющих историю и эсхатологию.

Из выступавших под занавес конференции запомнился о. Николай Васечко, священник из Твери, заинтересовавший аудиторию рассуждениями на тему: "Что такое бытие и не есть ли оно небытие?"

Заслуживают также внимания ответы проф. Осипова и о. Андрея Кураева на вопросы об их отношении к возможной канонизации Царской Семьи.

Смысл ответа проф. Осипова, вкратце, сводился к тезисам: "Канонизируя святого, Церковь ставит его в пример всем верным как образец, на который надо равняться. Достоверно известно, что ни политическая деятельность, ни личная жизнь бывшего императора Николая II не являются образцовыми и не могут служить основанием для его канонизации. Нет никаких веских причин для канонизации именно Царской Семьи; в Церкви достаточно мучеников с безукоризненной нравственной жизнью несомненно более достойных прославления".

Точка зрения о. Андрея Кураева такова: "Прежде, чем произойдет канонизация Николая II, Церковь должна дать свое толкование этой канонизации. Отречение от престола тяжким грехом лежит на совести Государя. Я не могу представить Царскую Семью в аду, поэтому я не буду противиться канонизации, но хочу твердо знать — что именно здесь канонизируется и прославляется".

Подводя итоги конференции, хочется отметить атмосферу доброжелательности, сочувствия и внимательности, царившую среди ее участников. Есть большая надежда, что никакие современные кризисы не смогут прервать прекрасной традиции этих встреч.

Дмитрий Предеин, 4 курс МДА

Докторская защита в МДА

9 октября в Большом актовом зале Московской Духовной Академии состоялось открытое заседание Ученого совета, на повестке дня которого была защита докторской диссертации доцента Академии протоиерея Владислава Цыпина на тему: "История Русской Церкви 1917–1997 годы".

Монография, выдвинутая протоиереем Владиславом Цыпиным на соискание степени доктора богословия была начата и в значительной степени подготовлена еще около 20 лет назад.

Официальными оппонентами на защите были доцент МДА архимандрит Макарий (Веретенников) и профессор К.Е. Скурат.

Первым взял слово архимандрит Макарий, который в своей рецензии обратил внимание на то, что в докторской диссертации некоторые стороны церковной жизни освещены неравномерно. Автор, по мнению оппонента, слишком сильно акцентирует внимание на проблемах, связанных с высшим церковным управлением, в том числе на борьбе с расколами и разделением, церковно-государственными отношениями, но мало внимания уделяет вопросам епархиального управления и приходской жизни, духовного образования и церковного искусства.

Рецензент указал также на ряд фактических неточностей и досадных опечаток, что тем не менее не помешало ему дать положительную оценку работе, считая, что она достойна того, чтобы ее автору была присвоена ученая степень доктора церковной истории.

Вслед за этим взял слово второй официальный оппонент — профессор К.Е. Скурат.

Как отметил Константин Ефимович, существенным недостатком работы является отсутствие в ней описания христианской жизни, в частности, духовного руководства старцев и стариц, подвига иноков и мирян, исповедничества. По мнению профессора, создается впечатление, что историю родной Церкви описывает некий, хотя и объективный, но отстраненный хронолог или наблюдатель. В диссертации подробно описана тематика внешнего порядка, например, реакция Поместного Собора 1917–1918 гг. на крушение Российского Государства и приход к

власти большевиков. Подробно разбирается декрет об отделении Церкви от государства, перечисляются бесчисленные имена иерархов и лжеиерархов, но мало уделено внимание вопросам религиозного просвещения и науки.

К.Е. Скурат отметил, что на страницах монографии следовало бы рассказать о протоиерее Тихоне (Пелех), который вернул наместнику в открывшуюся после разрухи Лавру сохранный им антиминс Успенского Собора; о профессоре протоиерее Александре Ветелеве, о котором автор лишь упомянул, что он пользовался особой популярностью среди преподавателей и студентов. Нигде автор диссертации не упомянул об одном из лучших архипастырей РПЦ, исповеднике Сталинских времен, епископе Можайском Стефане (Никитине), который скончался на Калужской кафедре в храме, когда после совершения литургии говорил проповедь. Ни слова не сказано в работе о сущности софиологических идей протоиерея Сергия Булгакова.

В завершение своего доклада профессор К.Е. Скурат подчеркнул, что указанные им недостатки существенным образом не влияют на высокий уровень диссертации, и Ученый Совет МДА, по его мнению, вправе удостоить соискателя высшей научной степени доктора церковной истории.

Протоиерей Владислав Цыпин поблагодарил своих оппонентов за конструктивную критику и признал ряд недочетов, допущенных им при написании работы.

После этого всем присутствующим в зале было предложено представить свои соображения по поводу защищаемой диссертации. Свое мнение о работе в целом и относительно ее частных моментов высказали: профессор архимандрит Платон (Игумнов), профессор М.С. Иванов, профессор архимандрит Матфей (Мормыль), профессор К.М. Комаров, доцент игумен Андроник (Трубачев).

Тайное голосование, проходившее под председательством главы счетной комиссии профессора К.М. Комарова и его помощников доцента И.В. Воробьева и доцента А.А. Волкова, дало следующие результаты. Все члены Ученого совета МДА проголосовали за присвоение протоиерею Владиславу Цыпину звания доктора церковной истории. Ректор Московской Духовной Академии,

епископ Верейский Евгений заявил, что от лица Ученого совета будет ходатайствовать перед Святейшим Патриархом Алексием II о присуждении протоиерею Владиславу Цыпину ученой степени доктора богословия.

14 октября во время традиционного праздничного акта в МДА Святейший Патриарх наградил о. Владислава крестом доктора церковной истории и вручил документ о присвоении звания профессора.

Редакция журнала "Встреча" приносит свои поздравления доктору богословия, профессору МДА протоиерею Владиславу Цыпину и желает ему успешного продолжения научных трудов.

Роман Тупикин, 4 курс МДС

"Война может быть делом священным..."

4 октября проходил третий "Открытый день" Московской Духовной Академии, посвященный теме: "Меч и мир: православный взгляд". Цель подобных мероприятий, проводимых по инициативе журнала "Встреча" — диалог между светскими и духовными учебными заведениями.

Гостями Духовных школ на этот раз были не только студенты и преподаватели светских вузов, но и люди в форме — слушатели и преподаватели военных учебных заведений: Академии Генерального штаба ВС РФ, Академии Управления МВД РФ, Академии Ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого, Академии ВВС им. Жуковского.

Вел беседу с гостями профессор Московской Духовной Академии А.И. Осипов. Профессор подробно изложил свое представление православного понимания войны и насилия и дал определение армии как иммунной системы общества, отметив, что "война может быть делом священным". Алексей Ильич подчеркнул, что "пока человек не научится бороться сам с собой, пока зло не будет побеждено внутри человека, оно не может быть побеждено вовне, ибо дух творит себе формы. Без изменения каждого человека в отдельности, а отсюда без изменения самого климата в обществе, невозможно решение проблемы насилия и созидание справедливости".

В заключении А. И. Осипов предложил определять мир не просто как отсутствие войны, а как освобождение души человека от греха.

Среди множества заданных аудитории вопросов некоторые напрямую относились к затронутым проблемам — о национальной идее, об отношении к "убийству по любви" (эфтаназия), о грехе класса, нации, общества... Были и вопросы более общего характера.

Завершилась программа "Открытого дня" концертом духовной музыки в исполнении хора учащихся Московских Духовных школ.

Михаил Первушин, 3 курс МДС

"Россия на пороге XXI века"

22 октября в Большом актовом зале МДА была прочитана лекция действительного члена РАН, члена Президиума РАН, советника Президента РФ по экономическим вопросам Д.С. Львова на тему: "Россия на пороге XXI века". Выступление маститого ученого затронуло актуальные проблемы, которые волнуют сегодня наше общество: общемировой и российский кризис, несправедливое присвоение олигархией национальных и природных богатств, и перспективы развития нашей страны.

"Мы сейчас переживаем не просто кризис, а разлом, трагедию, — отметил Д.С. Львов. — Распределение национального богатства страны происходит совершенно незаконным способом — 1,5% населения России сегодня владеет 65% национального богатства". Годовой доход, который Россия получает, можно сказать, от Бога, только за счет своих природных ресурсов составляет 120 млрд. долларов. Богатейшая страна с уникальными возможностями оказалась в таком положении, когда людям не выплачивается даже зарплата. "Россия переживает смутное время, и главная беда не в экономике, а в системе власти, которая изменилась по форме, а не по своему содержанию," — считает советник главы государства.

Далее академик Д. С. Львов изложил свою концепцию экономического развития России, одной из базовых составляющих которой является принцип справедливого распределения природных богатств среди всех жителей страны.

В завершение встречи ученый всесторонне описал техническую сторону всемирного кризиса, серьезно сказывающегося на положении дел в России.

Игорь Ходыкин, 2 курс МДА

“Путь” на CD ROM

Издания XIX–XX веков, предпринятые силами церковных ученых — богословов и историков, трудившихся в России и в зарубежье — содержат много материалов необходимых исследователям и всем интересующимся богословием и историей Церкви. Труднодоступность этих изданий, несмотря на существование различных репринтов, которые лишь в малой степени охватывают поле этой литературы, не дает возможности ученым кругам использовать весь богатый фонд русской богословской науки. Синодальной библиотекой Московского Патриархата начата работа по изданию серии трудов на CD ROM под общим названием:

Библиотека русской религиозно-философской и церковно-исторической мысли:

На исходе XX века.

Составитель и редактор серии — директор Синодальной библиотеки протоиерей Борис Даниленко. Серия будет содержать 10 выпусков.

Увидевший свет в этом году 1-й выпуск серии воспроизводит в электронном виде журнал “Путь”, издававшийся под редакцией Н.А. Бердяева в Париже с 1925 по 1940 год. 61 номер журнала (около 7200 страниц), ставшего библиографической редкостью, содержит статьи живших в эмиграции русских философов, богословов, литераторов и церковных публицистов: протоиерея Сергея Булгакова, Б.П. Вышеславцева, Н.Н. Глубоковского, Л.А. Зандера, В.И. Ильина, архиепископа Иоанна (Шаховского), Л.П. Карсавина, А.В. Карташева, епископа Кассиана (Безобразова), архимандрита Киприана (Керна), Н.О. Лосского, матери Марии (Скобцовой), Алексея Ремизова, протоиерея Георгия Флоровского, С.Л. Франка, Льва Шестова и многих других. Диск снабжен поисковой системой для нахождения факсимильно воспроизводимого материала. Любой текст журнала можно скопировать и распечатать на принтере. Издание сопровождается отдельной брошюрой, содержащей очерк, посвященный памяти Н.А. Бердяева и его сотрудников по журналу “Путь”, и библиографический указатель статей и публикаций журнала.

Следующий, 2-й выпуск серии, — электронное издание Православной Богословской Энциклопедии (СПб., 1900–1911. — 12 т.), являющейся своего рода срезом дореволюционной русской богословской и церковно-исторической науки.

Последующие выпуски серии будут содержать электронные издания журналов — Духовных Академий России и ряд фундаментальных работ по церковной истории и истории богословской мысли в России и русском зарубежье.

По вопросам приобретения и использования выпусков серии можно обращаться по адресу: 117334, Москва, Андреевская наб., 2, Синодальная библиотека Московского Патриархата. тел.: (095) 137-6942, факс: 135-7400, E-mail: boris.danilenko@uc.ru

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Отдел проектов журнала “Встреча”, занимающийся организацией и проведением студенческих встреч в духовных и светских учебных заведениях, а также подготовкой студенческих передач на радио “Радонеж”, остро нуждается в компьютерной технике и аудиоаппаратуре.

Мы с благодарностью примем любые пожертвования.

Просим всех, кто имеет возможность оказать какую — либо помощь, обращаться по адресу редакции журнала “Встреча”:

141300, Московская обл.,
Сергиев Посад, Лавра, Академия
тел. (254) 4 — 12 — 18